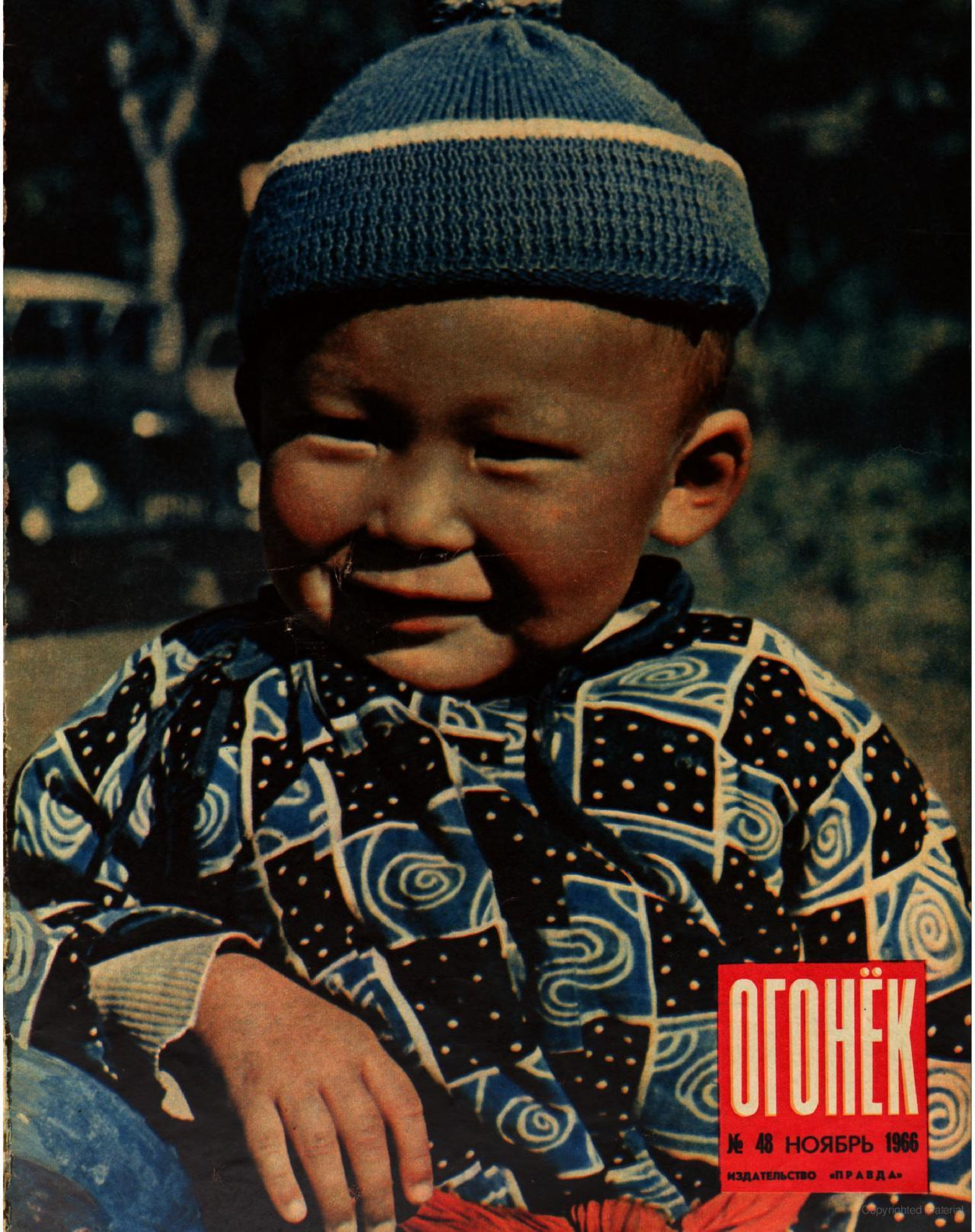

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сказка Толстого... 1910 год.

Л.Н. ТОЛС

На прогулке. 1910 год.

ТОЙ В КОЧЕТАХ

Фотографии, которые мы публикуем впервые, получены редакцией из Государственного музея Л. Н. Толстого. Они относятся к двум последним годам жизни писателя и рассказывают о его поездках в Кочеты — родовое имение его зятя М. С. Сухотина, на границе Тульской и Орловской губерний.

В тексте использованы также частично неопубликованные рукописные материалы: письма С. А. Толстой к сестре Т. А. Кузминской и «Яснополянские записки» друга и домашнего врача Толстого Д. П. Маковицкого, которые наряду с другими документами помогли разгадать некоторые фотографии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

44-й год издания

№ 48 (2057)

27 НОЯБРЯ 1966

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Л. Н. ТОЛСТОЙ В КОЧЕТАХ

В ожидании поезда на станции Засека. 1909 год.

Беседа с желябухинскими плотниками. 1910 год.

Впервые Толстой побывал в Кочетах в октябре 1900 года, через год после женитьбы М. С. Сухотина на его старшей дочери Татьяне Львовне. В последние два года Кочеты стали для него убежищем от шумной и утомительной для 80-летнего старика жизни в Ясной Поляне. Толстой уезжал в Кочеты, спасаясь от собственной популярности, от многочисленных посетителей (до 40 в день), требующих «усилия мысли и внимания», «денежных» просителей, перед которыми «больно и совестно» и которым не можешь помочь.

В один из приездов в Кочеты Толстой как-то полушутя сказал: «Хоть это и нехорошо — жаловаться, но я все-таки имею право отдохнуть. У людей есть воскресенье, вот пусть и у меня будет воскресенье длинное».

Заметим кстати, что в каждое из этих своих «длинных воскресений» Толстой был занят напряженной литературной работой и каждое утро разбирал обширную, адресованную ему корреспонденцию, на часть которой отвечал сам.

В 1909—1910 годах Толстой три раза гостил в Кочетах. Из первой поездки (июнь — июль 1909 года) снят только отъезд из Ясной Поляны утром 8 июня. Пока ждали поезда на станции Засека, оказавшийся среди провожавших Т. Тапсель успел сделать несколько снимков, в которых уже по выбору кадра угадывается глаз фотографа-профессионала, каким и был англичанин Томас Тапсель.

«Поехали мы гостить к Тане в Кочеты,— писала жена Толстого Софья Андреевна сестре Т. А. Кузминской.— Левочка так старался ехать, что удержать его было невозможно».

Значительно полнее сфотографирована следующая поездка — в мае 1910 года.

Автор большей части помещенных здесь снимков 1910 года — Елена Петровна Сухотина, жена старшего пасынка Татьяны Львовны Льва Михайловича Сухотина.

Стояла весна (начало мая) — самое любимое Толстым время года. Толстой наслаждался одиночеством, приветливой доброжелательностью хозяев и удивительной кочетовской природой. В письмах к Александре Львовне в Ясную Поляну он пишет: «Чудная погода, милые Сухотины, и все радостно» (от 2 мая); «здесь такое чудное одиночество с ландышами, соловьями» (от 5 мая).

Ясная, солнечная погода, рядом любимая дочь, а с увитой зеленью террасы открывается прелестный вид на огромный парк, весь в кустах цветущей сирени. Гуляя в этом парке в первый день приезда, Толстой заблудился. Поднялась суматоха, даже звонили в колокол и трубили в охотничий рог...

Толстой всегда любил детей, их общество. На обороте фотографии Толстого с внучкой Танечкой и сыном Е. П. Сухотиной Микой — надпись Е. П. Сухотиной: «Л. Н. рассказывает сказку об огурчике». Эту сказку Толстой часто рассказывал маленьким детям, и она всегда имела у них огромный успех (как видно на фотографии, у взрослых тоже). Сама сказка незамысловата, и секрет успеха в том, ка́к Толстой ее рассказывал. Особенный восторг и изумление вызывало у детей, например, то место, когда герой сказки, мальчик, найдя очередной огурец, откусывал его... «Хап!» — говорил Толстой и затем начинал медленно, со вкусом жевать, издавая при этом звук, какой обычно бывает, когда едят огурцы: «Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь!»

Как и везде, где он бывал, Толстой искал общения с местными крестьянами, которые его не знали и с которыми поэтому он мог разговаривать естественно и непринужденно. Одна из таких бесед в деревне Желябуха запечатлена на фотографии В. Г. Черткова. Д. П. Маковицкий в «Яснополянских записках» об этом пишет так: «Л. Н. пополудни ходил в Желябино, там с плотниками, строящими однодворцу избу, разговаривал, о водке[1] больше. Они шуточками отделывались. Л. Н-ч разговором с ними остался доволен. Чертков провожал Л. Н. незамеченным и фотографировал».

То, что Чертков остался незамеченным, сказалось на фотографии: аппарат схватил момент живой, непринужденной беседы; никто из ее участников и свидетелей не позирует.

Беседа с желябухинскими плотниками оставила след в дневнике Толстого. «С мужиками хороший разговор. Больше шутливо-ласковый»,— записал он в этот же день.

На следующий день, 15 мая, уезжая из Кочетов в Ясную Поляну, Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской: «Лёвочку никак не вытащишь из Кочетов от Тани».

Но так ли уж все хорошо было в гостях у Сухотиных? Каждый раз, возвращаясь из деревни в усадьбу, Толстой еще острее чувствовал роскошь Кочетов, куда его, как он говорил, «привезли сам четверт: доктор, секретарь, прислуга». И снова, как в Ясной Поляне, желание бежать от всего этого. В последний день перед отъездом из Кочетов Толстой записал в дневнике: «Очень было хорошо, если бы не барство, организованное, смягчаемое справедливым и добрым отношением, а все-таки ужасный, вопиющий контраст, не перестающий меня мучить».

О. ЕРШОВА,
научный сотрудник Государственного
музея Л. Н. Толстого

[1] Возможно, эта тема особенно занимала Толстого в связи с работой над пьесой «От ней все качества».

РАЗДВИГАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

Один из создателей панорамного киноаппарата «Горизонт», Э. Кутепов, с новой камерой.

Красная площадь. Снято камерой «Горизонт».

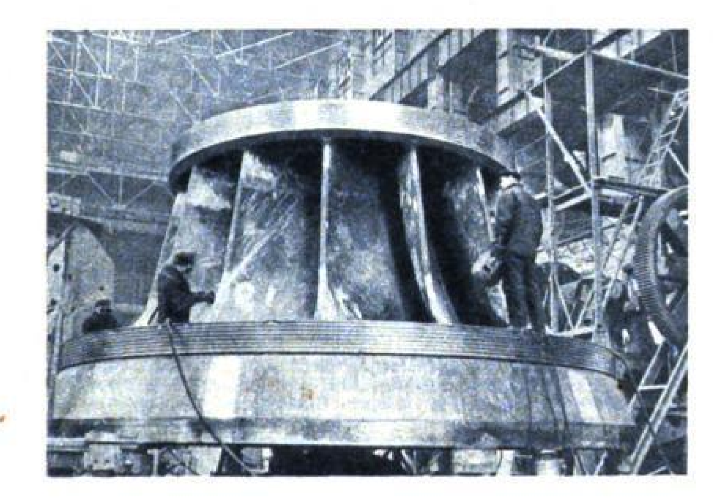
Казалось бы, при том обилии неплохих фотоаппаратов, которые можно приобрести в любом магазине, новой моделью никого особо не удивишь. Но вот «Горизонт», так называется новый фотоаппарат, необычен. Это наша первая панорамная камера, которая придется по вкусу не только любителям, но и профессионалам. «Горизонт», видимо, станет спутником туристов, поможет геологам и природоведам, пригодится архитекторам, а фоторепортерам облегчит создание панорамных снимков.

Позволяя получать кадр, так сказать, растянутый, длиной в 58 миллиметров в отличие от стандартных 36 «фэдовских», «Горизонт» в то же время обладает качествами, которые присущи всем современным малоформатным камерам. В нем установлен совершенный светосильный объектив; угол зрения камеры — 120 градусов.

Аппарат дает возможность создавать интересные панорамы, например, захватить в одном кадре всю Красную площадь или какое-то помещение, скажем, комнату, зал. Камера «Горизонт» создана молодыми конструкторами Красногорского механического завода. В магазинах она появится в начале будущего года.

С. ПЕТУХОВ
Фото автора.

И тропики им нипочем...

Со многих рек летят приятные вести к берегам Невы, в цехи Металлического завода имени XXII съезда КПСС. Шеф-монтеры шлют донесения об установке и пуске новых энергоблоков. В последнее время все чаще напоминает о себе и могучий Нил. Там, на Асуанской плотине, монтируется первая из двенадцати гидротурбин, которые начали поставлять в ОАР ленинградские металлисты. А на заводе недавно закончено изготовление второй такой турбины. Ее рабочее колесо вы видите на нашем снимке.

— Гидротурбины для Асуана,— это радиально-осевые агрегаты, — рассказывает начальник бюро конструкторского отдела водяных турбин О. С. Бабанов.— Мощность каждого из них — 180 тысяч киловатт. По своим размерам турбины такого типа пока не имеют равных, и транспортировать, скажем, рабочее колесо — его диаметр около 7 метров — по железной дороге невозможно. Вот почему старт берется на Неве, у заводского пирса. В Ленинградском порту крупногабаритные узлы перегружают в трюмы корабля, которому приходится совершать турне вокруг Европы. Доставка других частей турбины на Асуан куда проще. Их везут в вагонах до одного из черноморских портов, а оттуда кратчайшим путем по Средиземному морю.

Рабочее колесо — оно весит 140 тонн — сделано из нержавеющей стали. Это повышает устойчивость к эрозии, увеличивает долговечность всего агрегата.

Эти радиально-осевые гидротурбины спроектированы специально для тропиков с учетом тех условий, в которых будет работать Асуанская гидроэлектростанция.

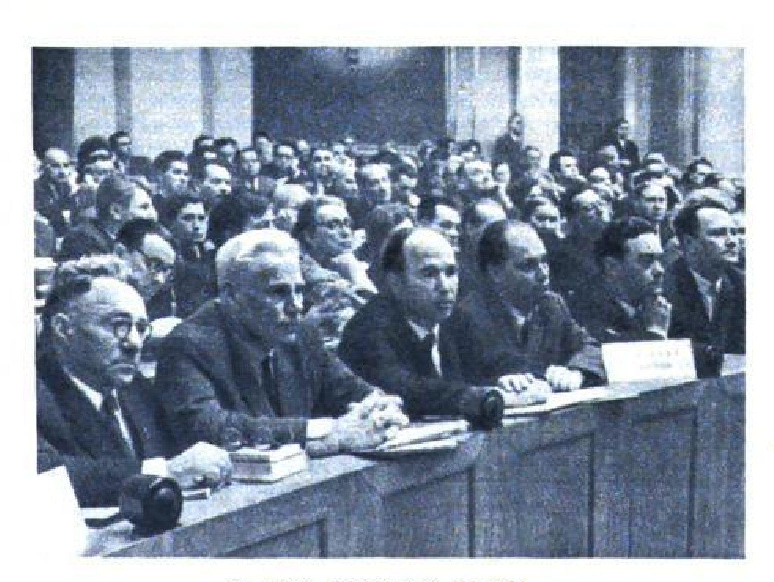
Еще до конца года металлисты рассчитывают отгрузить третью гидротурбину. В работе детали и узлы еще двух. Заказ Асуана значится в обязательствах социалистического соревнования в честь 50-летия Великого Октября.

К. ЧЕРЕВКОВ

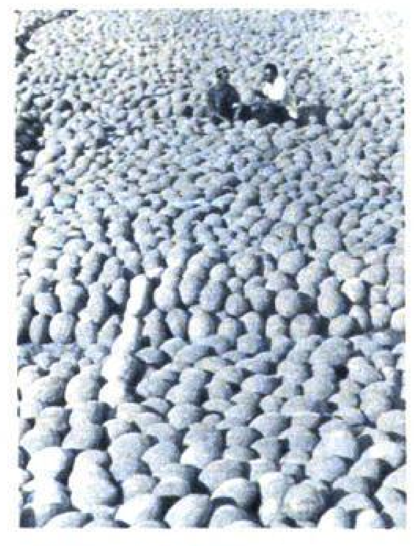
Фото П. Федотова. ТАСС.

В Киеве закончил свою работу Пятый съезд писателей Советской Украины. Около семисот делегатов — поэты и прозаики, драматурги и критики — собрались вместе, чтобы обсудить важнейшие проблемы современной украинской литературы. Перед делегатами съезда выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест. Отчетный доклад правления Союза писателей республики «Украинская советская литература накануне 50-летия Великого Октября» сделал председатель правления Союза писателей республики, лауреат Ленинской премии Олесь Гончар.

Съезд избрал руководящие органы Союза писателей Украины.

В зале заседаний съезда.
Фото ТАСС.

БЛАГОУХАЮЩИЕ ЭКСПОНАТЫ

Недавно в Ташкенте была открыта первая республиканская выставка дынь. Около пятидесяти хозяйств — колхозов, совхозов и научно-исследовательских институтов — представили на удивительный вернисаж благоухающие экспонаты.

Комиссия знатоков золотого солнца бахчи придирчиво провела дегустацию почти ста сорока сортов. Лучшие дынные хозяйства республики награждены дипломами Министерства сельского хозяйства Узбекистана.

Подобные выставки в Ташкенте отныне будут проводиться дважды в год.

На снимке: знаменитые среднеазиатские дыни.

Фото В. Сваричевского.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Это был день рождения. И хотя новорожденному исполнилось 30 лет, среди гостей преобладали дети. Они внимали каждому слову юбиляра, каждой песне, каждой шутке, хохотали, веселились и горячо аплодировали.

Так отметил Центральный театр кукол 30-летие своего спектакля «По щучьему велению». День рождения «Щуки» для театра был очень знаменателен: ведь этому спектаклю в жизни коллектива суждено было сыграть ту же роль, что и «Чайке» во МХАТе. Зритель единодушно сказал: «Есть такой театр». С тех пор «Щука» много путешествовала, и всюду пользовались неизменным успехом и любовью зрителей герои спектакля Царевна Несмеяна, ее глуповатый родитель, Емеля и их лесные друзья.

На юбилее присутствовало несколько поколений исполнителей ролей. И несколько поколений зрителей, находящихся в зале, горячо аплодировало им и создателю спектакля, его художнику и режиссеру С. В. Образцову.

Участники первого спектакля.
Фото С. Шингарева.

Лучшие: Кучинская и Лисицкий

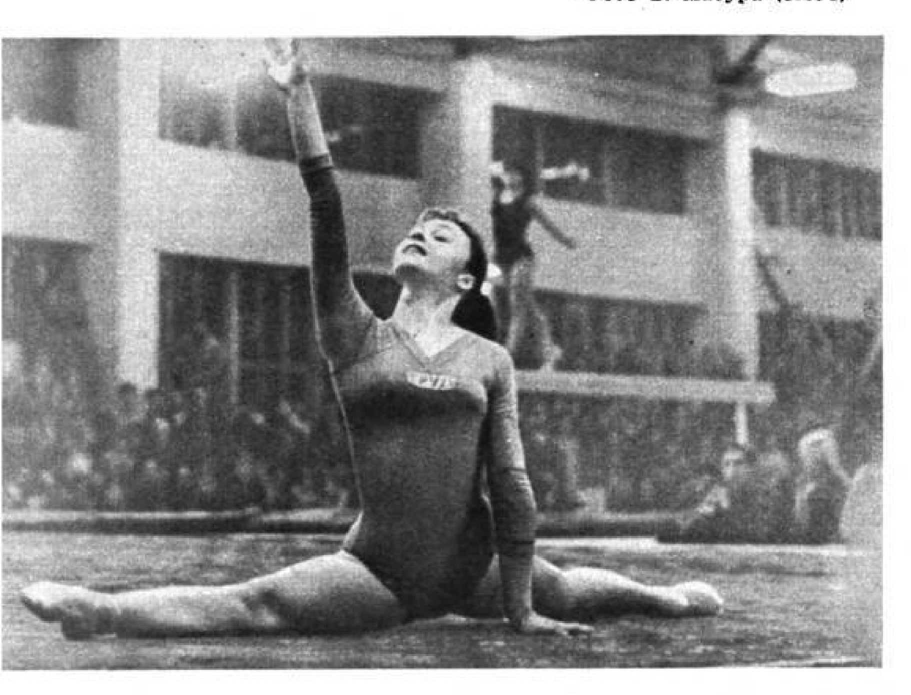

Наши гимнасты не сидят сложа руки. После чемпионата мира в Дортмунде они с успехом выступили на олимпийской неделе в Мехико, а теперь разыграли чемпионат страны в Ташкенте.

На новой спортивной арене «Ёшлик» — «Юность» померились силами триста лучших гимнастов страны, но, конечно, в центре внимания зрителей была борьба сильнейших. У мужчин в связи с травмой не смог выступить абсолютный чемпион мира М. Воронин. Отлично выступил В. Лисицкий и стал чемпионом страны. С. Диомидов занял второе место, третье досталось недавнему юниору — В. Карасеву.

У женщин Н. Кучинская была недосягаемой для Л. Петрик и П. Астаховой. Обратила на себя внимание юная воронежская гимнастка А. Демьяненко, занявшая четвертое место.

Фото В. Мазура (ТАСС).

КОГДА ПУСТЕЮТ КОШЕЛЬКИ

На плакатах в калифорнийском городе Санта-Сусанна — лозунги против роста цен.

Фото из журнала «Ньюсуик».

В конце концов терпение лопнуло.

Домашним хозяйкам Соединенных Штатов надоело наблюдать, как меняются таблички с ценами на товарах в витринах магазинов, надоело вытаскивать из кошельков все больше долларов и центов, чтобы кормить семью. Рост цен в США не представляет собой явления исключительного для американской экономики, но нынешние темпы этого роста приняли просто угрожающие размеры для кошелька миссис Браун из Детройта или миссис Смит из Нью-Йорка. Подорожали хлеб и обувь, услуги парикмахеров и мебель, овощи и мясные консервы. Даже по официальным данным, цены на продукты питания выросли на 4 процента. За этой средней цифрой скрывается повышение отдельных цен на 6—12 процентов.

Главная причина роста цен в Соединенных Штатах — инфляция. Этот воспалительный процесс в недрах американской экономики в значительной степени вызван войной, которую ведут Соединенные Штаты во Вьетнаме, лихорадкой военных приготовлений. К этому добавляется и естественное стремление владельцев крупных магазинов накидывать по центу-другому на цены товаров.

И домашние хозяйки восстали. Они покинули семейные очаги, чтобы занять места в линиях пикетов у дверей магазинов. Началось это еще в октябре в городе Денвере. Скоро вслед за этим домашние хозяйки вели бойкот магазинов в ста крупнейших городах США. Движение продолжало разрастаться. Женщины потребовали снизить розничные цены на 15 процентов.

По-разному откликнулись в США на это выступление домашних хозяек. Бывший сенатор и неудачливый кандидат в американские президенты Барри Голдуотер, который, как известно, сам владеет магазинами, заявил, что женщинами «руководят левые группы». Кое-кто пытался шутить над происходящим: рассказывали, что одна женщина, отправляясь в пикет, размышляла над тем, какую шляпку ей надеть. Одна газета напечатала карикатуру, где была изображена домашняя хозяйка, ударяющая сумкой по голове владельца магазина. Под карикатурой была ехидная подпись: «Слабый пол».

Но женщинам в США не до шуток. Представительница организации «Голос домашних хозяек за снижение цен» миссис Роберт Уэлэба заявила: «Наша главная жалоба заключается в том, что нас медленно доводят до смерти. Цены на товары растут и растут».

26 ноября 1924 года провозглашена Монгольская Народная Республика

Если хочет народ...

Ю. КРИВОНОСОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Трудно в наше время удивить человека. Теперь каждый мальчишка вроде вот этого монгольского малыша Мунхбайсаха знает такое, о чем лет пятьдесят назад не догадывались даже убеленные сединой мудрецы. Видимо, поэтому иностранцы, прилетающие в Монголию, и принимают как должное все, что видят:

— Улан-Батор — современный город? А как же иначе! Большая промышленность? Так и должно быть!

Признаться, я тоже сначала ничему не удивлялся и лишь через несколько дней начал замечать какое-то несоответствие между тем, что вижу, и своими представлениями. Поразмыслив, я понял, в чем дело: все, что я прочитал о стране, уже устарело, хотя книги были только что изданы, а газетные и журнальные статьи совсем свежие. Удивление и даже изумление пришло тотчас же, как я углубился в статистический сборник «Народное хозяйство МНР», вышедший в этом году в Улан-Баторе. Сухие цифры действуют убедительнее всякого описания. Они осязаемо сравнивают настоящее с недавним прошлым. А прошлое Монголии существенно отличается от прошлого других стран социализма. Многое здесь начиналось от нуля. Даже спустя несколько лет после победы революции 1921 года в стране не было рабочего класса.

Единственная отрасль хозяйства — скотоводство было в столь плачевном состоянии, что на его подъем ушли годы, и только после этого удалось накопить средства, необходимые для развития промышленности. Одновременно шла и перестройка человека, воспитание в нем чувства коллективизма.

Впрочем, прежде араты объединялись религией. Сотни монастырей. Тысячи лам — сорок процентов мужского населения, целая армия тунеядцев. От них тоже было нелегко избавиться, тем более что правил страной «живой бог» Богдо-Гэгэн, соединивший власть земную и небесную. Пришлось потерпеть — еще три года после революции страна мирилась с Богдо-Гэгэном.

Одно накапливали, другое изживали. К 1940 году в стране насчитывалось почти двести десять тысяч единоличных аратских хозяйств. А к прошлому году их осталось только сто. Сейчас во всей Монголии остался только один действующий монастырь. Я видел в музее на картине художника Жугдара город Ургу 1912 года — юрты, юрты, и среди них, как скалы, возвышаются храмы. В сегодняшнем Улан-Баторе, когда смотришь на него сверху, с горы, храмы отыскиваешь с большим трудом,— совсем потерялись они среди кварталов новых домов и промышленных предприятий.

Большой город Улан-Батор, и

ВРАГ НОМЕР ОДИН — ВОДА?

22 тысячи автомобилей повреждено наводнением только во Флоренции.

633 года не знала Флоренция такого бедствия. Тридцать шесть часов небывалых ливней вызвали разлив реки Арно. Потоки воды захлестнули подвалы домов, подхватили и потащили, как игрушки, легкие, маленькие «фиаты». Смешанная с грязью и мазутом вода нанесла колоссальный ущерб памятникам архитектуры и искусства, которыми так богата Флоренция. 20 музеев, 40 церквей, 50 дворцов, оставленных человечеству гениями Италии, оказались под угрозой. Затоплены 40 полотен, находившихся в реставрационных мастерских всемирно известной галереи Уффици; под двумя с половиной метрами воды и грязи в церкви Святого Креста—шедевре итальянской готики — оказались могилы Микеланджело, Галилея, Макиавелли. Повреждены, и может быть, навсегда, многочисленные фрески, авторы которых Боттичелли, Таддео Гадди, Джотто...

Благодаря героическим стараниям жителей города, пытавшихся с риском для себя сохранить бесценное наследие своих предков, кое-что удалось спасти. Но ведь Флоренция—не только история, это сотни тысяч людей, оставшихся без электричества, без воды, без пищи, без транспорта. Наводнение угрожает возникновением эпидемии. Для того, чтобы оказать помощь жителям города, правительство Италии повысило цены на бензин. В пострадавший город прибыл президент республики Сарагат. Флорентийцы встретили его криками: «Вместо себя пришли лучше что-нибудь поесть, Джузеппе!»

Из многих районов Италии, из-за рубежа идут во Флоренцию посылки с медикаментами, одеждой, продовольствием. Ряд советских общественных организаций и городов оказал флорентийцам материальную помощь. Четкий план оказания срочной помощи пострадавшим выдвинула Итальянская компартия.

Наводнение такого масштаба впервые отмечено во Флоренции 1 ноября 1333 года. Городской историк Джованни Виллани так описывал его: «Огромный поток воды, сопровождаемый постоянными раскатами грома и устрашающими молниями, опрокинулся на город». Астрологи и богословы еще долго после этого события гадали, было ли наводнение «обычным природным явлением или же возмездием со стороны бога».

С тех пор люди научились сдерживать бешеные потоки воды плотинами, строить искусственные реки, воздвигать и передвигать горы. Теперь им ни к чему ссылаться на бога: они в силах сами объяснить и противостоять даже самым страшным явлениям природы. И тем обиднее и больнее узнавать о трагедиях, которые могли и должны были быть предотвращены.

Вчера — драма в английском городе Аберфане, где под обвалом погибло около двухсот детей. Сегодня — наводнение в Италии. А ведь не использованные правительством деньги на постройку плотин на Арно, как сообщает зарубежная печать, лежали мертвым грузом целых двенадцать лет. Неужели же снова все будет свалено на воду? Она не вынесет такого груза.

А. ИГНАТОВ

Под водой оказался весь район от Флоренции до Венеции, затопленной водами реки По. Без крова осталось 300 тысяч жителей северных провинций Италии. На центральной площади Венеции вода поднялась на 80 сантиметров. Повреждены 4 тысячи магазинов города из 4 500.

Жители Флоренции вместе с сотрудниками галереи Уффици спешно эвакуируют бесценные произведения Ренессанса.

Фото из журнала «ПАРИ-МАТЧ».

стал он таким не только за счет роста промышленности и притока рабочих, но и потому, что вообще увеличилось население.

В таблице социального состава населения в графе «рабочие, служащие и члены их семей» за 1925 год стоит прочерк, за 1963-й — 46,52 процента.

Тот же статистический сборник сообщает, что со времени победы революции население Монголии удвоилось! Причин для этого много, и одна из них — средняя продолжительность жизни, которая выросла с 36 до 64 лет!

В общем, дальнейшее развитие страны пошло так, как и везде, где народ выбрал единственно правильный путь.

— Были и у нас утописты,— рассказывал мне один из моих монгольских друзей.— Этакие монгольские Робин Гуды. Назывались они Сайн Эрчуд — хорошие парни. Это были сильные люди, богатыри. Они крали скот у богачей и гнали его на другой конец Монголии, где раздавали беднякам. По нескольку суток не слезали с седла. Если на них нападали стражники, они отбивались кнутом и, как утверждают люди, всегда побеждали. Народ любил их и прятал. Только этим ничего нельзя было изменить. А потом появился еще один Сайн Эр, который сказал, что в одиночку можно победить только трех-четырех стражников, а за хорошую жизнь нужно бороться всем. Звали этого богатыря Сухэ. Ты не видел его живым? Это можно сделать...

...Фильм назывался «Радуга над древней землей» — широкоэкранный, цветной, документальный. В зале много иностранцев — представители почти всех социалистических стран, японцы, американцы, швед, индианка. Почти всех их знаю в лицо — живем в одной гостинице.

Кадры старой хроники. Урга двадцатых годов. Неописуемая нищета. Поющие ламы — звука нет, публика весело хохочет над нелепостью происходящего. И потом вдруг тишина. Словно опустел зал. На экране Сухэ-Батор. Мало донесла до нас кинолента— считанные секунды. Круглая стриженая голова, спокойное мужественное лицо, умные внимательные глаза — во взгляде сила и уверенность. Уверенность в будущем своего народа. Это двадцать первый год, первый год сегодняшней Монголии. А страна разворачивается и разворачивается на экране, то и дело в зале вспыхивают аплодисменты. Рядом со мной сидит худенькая немолодая японка, она то и дело всплескивает своими игрушечными ручками и что-то шепчет. Может быть, молится? Чему? Какому богу? О чьем счастье?

На экране — девушки с промкомбината. Я видел этих девчат за работой. Они сидели у конвейера все в одинаковых пестрых косынках, и в их руках рождались сапоги, ботинки, туфли, куртки, пальто... Рабочий класс Монголии молод: семьдесят процентов рабочих на промкомбинате — молодежь, впрочем, и техники и инженеры ненамного старше их. Так и везде, на всех стройках, на всех предприятиях.

А за пять лет в промышленность и сельское хозяйство вольется новый отряд специалистов. Двадцать четыре тысячи из них обучатся непосредственно на предприятиях, двадцать тысяч получат высшее и среднее специальное образование. Об этом, правда, ничего не сказано в статистическом сборнике, он фиксирует только то, что уже достигнуто, как, впрочем, и фильм, который за час рассказал о столь многом, что, захоти человек посмотреть все это на месте, потребовалась бы бездна времени. А будущее? Для того, чтобы увидеть и его, нужна фантазия. А кроме того, существуют и планы, которые всегда выполняются, если этого хочет народ.

Наши гости — Вячеслав Жуковский, Валентина Саенко, Николай Белуничев, Валентина Савчук, Валентина Чечерина и Виктор Корольков (внизу). Юрий Суриков, Мария Панченко, Юлий Росман, Татьяна Устинова, Валентина Муравлева (вверху).

Молодые рабочие, которые смотрят на вас с фотографии, ставят следующие вопросы:

Директорам Минского радиозавода и Тушинской фабрики: когда будут созданы нормальные условия для обучения в вечерних отделениях институтов и техникумов? Когда прекратится штурмовщина в работе?

Директору Ивановского камвольного комбината: скоро ли сдадут в эксплуатацию новые общежития и жилые дома?

Директорам Череповецкого металлургического комбината, 2-го часового и Кусковского химического заводов: когда наконец откроются Дворцы культуры, клубы? Этот вопрос относится и к **директору Ивановского камвольного комбината.**

Исполкому Ленгорсовета: когда молодежь «Электросилы» получит участок для своего стадиона?

ШКОЛА. РАБОТА. ЖИЗНЬ

Мы пригласили их в редакцию из разных городов: Ленинграда и Минска, Киева и Иванова, Москвы и Череповца. Они представляют самые разные отрасли индустрии: металлургическую и часовую, текстильную и энергетическую, пищевую и радиоэлектронную, химическую и автомобильную. Они сидели за столом друг против друга — токарь и аппаратчица, вальцовщик и чулочница, регулировщик и прядильщица, сборщик и кондитер — и рассказывали о себе, о своих товарищах. Со стороны могло показаться, что после нескольких лет разлуки встретились добрые старые друзья.

Прежде чем ехать в редакцию, ребята звонили нам: «А что захватить? Какие цифры? Какие данные подготовить?» «Никаких данных,— отвечали мы.— Привезите себя, свое настроение, свои мечты».

И с самого начала разговор завязался непринужденный, по душам, о хорошем и плохом, о том, что мешает и что помогает работать и жить.

Что есть минимум!

— Помогает нам, конечно, десятилетка.

Это сказал Юрий Суриков, токарь. Работает он на знаменитой ленинградской «Электросиле», где рождаются мощные и сверхмощные генераторы. Чтобы делать их, человеку нужна высокая квалификация. Без десятилетки там трудно. С десятилеткой пришел на завод и Юрий.

— Идти или не идти в институт? Таких раздумий у меня, когда кончал школу, не было,— вспоминает он.— Просто не собирался в вуз. Старший брат работал токарем, очень хвалил эту профессию, и я решил тоже податься в токари. Наш цех механический. Обрабатываем детали по высокому классу точности. Сверхтвердые сплавы. Особые резцы. Геометрия, физика, алгебра — все, что изучал в школе, тут пригодилось. Десять классов, конечно, нам помогают. Но мне их уже мало! Придешь другой раз на смену и видишь новый чертеж. Другая деталь, другой сплав, и другой требуется инструмент. Вон он какой сложной конфигурации! Простой резец не годится. Тут нужен расчет. Высшая математика. А я ее и не знаю. Обидно, но это так. Восемь лет проработал. Изучил свое дело до тонкости. Профессия моя мне очень нравится. А теоретических знаний не хватает. Никуда не денешься — бежишь к инженеру. А надо бы самому. Или поступают новые станки-автоматы. Им тоже высшее образование подавай!

— Что же ты предлагаешь?— заинтересованно обернулась к Юре Валентина Савчук из Киева.

— Решил поступить в вечерний политехнический. А если с институтом не выйдет, то в техникум.

— Правильно,— соглашается Валя.— Я тоже работаю восемь лет на кондитерской фабрике имени Карла Маркса.

Все заулыбались.

— Можно к тебе в гости, Валя?

— Пожалуйста. Посмотрите, как делаю зефир. Думаете, это просто? Пюре из антоновки, сахар, яичные белки, и все? Загрузил машину, нажал кнопки и пусть себе крутится. Да? А вот попробуйте. Зефир страшно капризный. Стоит только нарушить пропорцию составных частей, не вовремя пустить добавку или не в том количестве — и вся технология нарушится. Хоть плачь, а зефир не собьется. Брак пойдет. Вот стой и жди, пока не придет химик. Зефиру нужна аналитическая химия. А она в программу средней школы не входит. Я кончала десятилетку, прикрепленную к нашей фабрике. И практику мы здесь проходили, в цехах. Несложная, кажется, была. Нажимать кнопки легче всего. А самостоятельно управлять химическими процессами нас в школе не учили. В нашем цехе почти все работники с десятилеткой. А сбивальщиц только двое: я и еще одна девушка.

— А у нас что пять, что десять классов — все равно. Стой у конвейера и ставь винтики. Отверткой каждый может крутить,— вмешивается в разговор Вячеслав Жуковский. Он из Минска, работает на радиозаводе.— Но теперь, когда я освоил многие операции сборки узлов и занимаюсь регулировкой всего аппарата, десятилетка мне очень пригодилась. Практическое, так сказать, применение законов электричества и радио.

— А металлургу аттестат зрелости нужен?

— Еще как,— басит парень с яркой, курчавой шевелюрой, точно опаленный огнем мартенов и раскаленных слитков. Это Николай Белуничев, вальцовщик Череповецкого металлургического завода.— Я работаю на комсомольском стане, недавно пущенном. Сначала страшно было подойти к нему. Профессия в некотором роде даже опасная. Однажды сорвалась заготовка, ее шваркнуло метров на тридцать. Но ничего, привык. Интересно. Оборудование все новое. Тут вам и механика, и математика, и металловедение. Разбираться во всем надо...

Вот оно, главное, что принципиально отличает современного рабочего от рабочего, допустим, первых пятилеток: разобраться надо самому лично и во всем. Знать не только свой станок и свой аппарат, но и все, что с ними связано, знать всю технологию досконально.

Живой обмен мнениями вовсе не случайно пошел прежде всего о средней школе. Наши гости до того, как переступить порог завода, фабрики, получили аттестаты зрелости. Сейчас они оглядываются назад и, умудренные опытом, делают выводы. Вот первый из них, с ним все единодушно согласились: **при современном уровне развития техники среднее образование для рабочего вовсе не максимум, а минимум. Второй вывод такой: надо продолжать учиться!**

Ох уж эти ночи!..

— Нас просили привезти в «Огонек» свои мечты. Вот она, моя мечта, довольно земная, но, к сожалению, пока далекая.— Валентина Чечерина грустно вздохнула.— Поступить в вуз на вечернее отделение.

— Что же тебе мешает?

— Ночи. Ох уж эти ночи! Фабрика работает в три смены. Хотя производство вовсе не такое, чтобы нельзя было прервать. Тушинская наша фабрика. Слыхали?

— Эластичные чулочки-носочки!— пошутил кто-то.— Сетка, ажур... Как же не знать!

— Вот-вот. А нам этот ажур, знаете, во что обходится? План большой. Все время спрос увеличивается. Рабочих не хватает. Девушки к нам не идут. Не хотят из-за ночной смены. В субботу подруги собираются в театр, а ты ложись спать, потому что заступать в ночную. А другой раз работаем сверхурочно. Ни выходных, как говорят, тебе, ни проходных...

— Смотрите, точь-в-точь, как на нашем заводе,— поддерживает москвичку Вячеслав Жуковский из Минска.—В начале месяца мы раскачиваемся, а в третьей декаде начинается гонка. Сокращают обед, сначала на полчаса, потом до пятнадцати минут доводят. Последние четыре дня вместо семи часов работаем по одиннадцати. Устаем очень. Особенно вечерники. Пропускают занятия. Ребята просят: «Переведите в дневную смену». Не переводят. Говорят, мест нет! Приходится увольняться. А в Минске одноименную работу можно проискать полгода.

— Наше начальство говорит,— подает кто-то голос,— что для дневной смены есть только один станок, да и тот занят. На этот самый «студенческий» ДИП у нас целая очередь. Ждем, когда кто-нибудь из студентов переведется в другое место или окончит вуз.

— Я уже пять лет проработала после десятилетки. А из-за этих смен не могу дальше учиться.

— А у нас другие порядки,— с удовлетворением говорит Юлий Росман, слесарь главного конвейера сборки малолитражных автомобилей Московского завода.— Правда, без штурмовщин в конце месяца и мы не обходимся. Но льготы нам, студентам, предоставили. Я учусь, например, во втузе при ЗИЛе. Неделю работаю, неделю занимаюсь.

— А как заработки?

— Две недели сдельно, а за две недели завод стипендию платит. В общем, студенту жить можно.

— А если учишься в другом институте?

— Администрация тоже идет навстречу. В этом году многие ребята пошли в автомеханический техникум,— отвечает другой сборщик с этого же завода, Виктор Корольков.

— Значит, можно при желании организовать труд так, чтобы рабочий учился?

— Можно, если за это дело взяться сочувственно, с заботой,— отвечает Росман.

Вы слышите, товарищи руководители Минского радиозавода, Тушинской чулочной фабрики? Московские автомобилестроители показывают пример, как нужно создавать молодежи условия для дальнейшей учебы.

Слово Марии Панченко

Слово берет Мария Панченко, ивановская прядильщица.

— Вы все говорили о работе и об учебе. Это, конечно, главное. А как мы отдыхаем? Комбинат у нас молодой. Ему всего три года. Корпуса новые, машины новые, коллектив тоже молодой. А общежитие всего лишь одно. Живут в нем только четыреста девушек. Остальные на частных квартирах. Шестьсот девчат. В одной комнате стоят впритык друг к дружке десять — пятнадцать коек. В одиннадцать часов вечера хозяйка выключает свет. Чуть задержишься — вообще не пустит. Недавно разбирали дело: девушке пришлось ночевать на вокзале. Пока доберешься из кино или из школы—уже ночь. Где уж тут готовиться к урокам! Комитет комсомола — я заместитель секретаря — большей частью разбирает бытовые вопросы. Кому-то помогаешь получить место в общежитии, кого-то устраиваешь на частной квартире или выясняешь отношения с хозяевами. Комбинат построили, а о жилье никто не подумал.

Девушку перебивает кто-то из ребят:

— Я девятый год в общежитии. В шестьдесят пятом женился. Вот и живем: я на третьем, жена — на пятом этаже. А у одного парня сын уже в школу пошел, а муж с женой — все на разных этажах.

Но Маша еще не исчерпала все претензии текстильщиц. Она и продолжает:

— Завтра мы отсюда уедем, а послезавтра, в пятницу, у нас вечер. Сняли для этого в городе кафе «Черемушки». Кафе маленькое, придет только комсомольский актив — у нас одних комсоргов сорок человек. Мы еще шефов пригласили. А остальные? Как праздники, как выходной — некуда деться молодежи. Даже клуба нет. Нас все успокаивают третий год. «Будет,— говорят,— будет и общежитие, и клуб, и стадион».

— Требуйте, не останавливайтесь!

— А мы и так требуем...

О наболевшем говорила девушка из Иванова. И в разговор вступили все наши гости, стенографистки едва успевали записывать.

Юрий Суриков, Ленинград.— Наш завод большой. Знамя держит по Ленинграду. Построили мы стадион своими силами. Спартакиады там пять лет проводили. А в этом году в Ленинграде начал строиться огромный Дворец спорта. Наш стадион попал в его зону. Пришли бульдозеры и в момент все сровняли с землей. А мы строили свой стадион около трех лет. Что же, когда планировали Дворец, не знали, где его построят? Теперь просим: отведите другой участок. В газету писали, в райсовет ходили. Где там! Игры между цехами проводим на других стадионах. Арендуем. За один час футбола — 20 рублей. Я сам футболист. Играли недавно и не уложились вовремя. Игру прервали и нас выгнали.

Татьяна Устинова, Москва.— На нашем втором часовом заводе очень хорошая самодеятельность. А кружки ютятся в подвалах, но и оттуда нас выставляют. Дворец культуры строится два года. Когда закончат, неизвестно. Много раз у директора были, а толку мало.

Николай Белуничев, Череповец.— У металлургов нашего города тоже нет Дворца культуры. И стадиона нет. В городе из двухсот тысяч жителей пятьдесят пять тысяч подростки до восемнадцати лет. Завод наш сплошь молодежный. Вот и прикидывайте, что нам надо!

Валя Савчук, Киев.— Послушать вас — и диву даешься. Такие города, такие заводы знаменитые, а непорядков полно. Наша фабрика невелика. Она, конечно, не идет в сравнение хотя бы с одной череповецкой домной, но клуб у нас большой. Свой эстрадный оркестр. Свой драмкружок. На районном смотре художественной самодеятельности мы заняли третье место. На огонек к нам приходят артисты, писатели, ученые. Недавно был очень интересный вечер: «Фабрика в двухтысячном году».

— Наша самодеятельность, часом, к вам не заезжала? — поинтересовался минчанин Вячеслав Жуковский.— Ребята гастролировали в Киеве и Прибалтике.

Перекличка шести городов по одному и тому же поводу — отдых молодежи — весьма показательна. Никто из гостей не жаловался на заработки, хотя речь шла и о них. Молодого рабочего волнует сейчас не только заработок, но и досуг, отдых. И нет нужды напоминать, как опасно, к чему может привести тут равнодушие хозяйственника, директора, начальника цеха. От них прежде всего зависит, как проведет молодой человек свободные от работы часы.

...И с глаз долой

— Все, кажется, выговорились? Теперь я скажу.— Смуглолицая худенькая девушка предостерегающе подняла руку. Это Валентина Саенко, аппаратчица химического завода.— У нас в Кускове вроде есть клуб, а вроде бы и нет.

— Как это так?

— А так. Если главный инженер собирает производственное совещание, то клуб есть. Так даже на объявлениях пишется. А если вечер молодежи, то клуба нет. Мартын Семенович, директор завода, тогда нам объясняет: «У нас красный уголок, а не танцплощадка». А коллектив самодеятельности на заводе отличный. Из театрального училища к нам приезжали. Специально изучали наш опыт. У нас такой руководитель замечательный — Анна Степановна Петрова. В свое время окончила институт имени Гнесиных. Я когда пришла в цех, она мне вместо матери стала. Моя мама тоже работала в этом цехе, но рано умерла. Я тогда еще в школе училась. Вот я и решила стать на мамино место. Анна Степановна заботится обо мне, как о дочери. И русские народные песни петь научила.

А хлопот у Анны Степановны столько, что с ног сбилась. То клуба нет, то денег нет. Нужно было купить флейту. Идешь, канючишь: «Мартын Семенович, дайте вы нам на флейту». Директор сначала отрежет: «У меня денег нет». Потом спросит: «Сколько стоит эта ваша флейта?» — и распорядится бухгалтеру: «Иван Иванович, выпишите Саенко премию рублей пятнадцать». Это значит, что на эту самую мою премию мы купим флейту. И так во всем. Без конца клянчишь, одалживаешься. Нет у администрации желания что-либо сделать для молодежи. По-моему, это главная причина многих наших бед. Но когда приезжают на завод гости, нас очень быстро вспоминают: «Анна Степановна, спойте со своим ансамблем, спляшите, пожалуйста».

Вот так же позвали нас на вечер встречи с комсомольцами тридцатых годов. Мы обрадовались: интересно было посмотреть на них, послушать их. Мы ведь сами комсомольцы. Стали готовиться к выступлению. Очень волновались. Хотелось, чтоб все хорошо получилось. Пришли. Начальство и гости сидят за столами. Мы пропели, поплясали, а нам вежливо намекают: до свидания, мол. Вот так раз! Вот так вечер «эстафеты поколений»! А мы так ждали, так старались! Поймите меня, ребята, правильно. Это не то чтоб обязательно чокаться с ними или что. Мы бы сами не стали. А обидели нас очень. Развлекли мы их — и с глаз долой.

— Да, бывает,— посочувствовал кто-то.— Но вы не сдавайтесь. Держите голову высоко!

— Мы и не опускаем,— задорно тряхнула челкой Валя.— Про «Искорку» слыхали? Так называется наш книжный магазин. На общественных началах. Организовали мы его на собственные деньги. Поехали, закупили книги и привезли в цеха. И продавцы мы сами. Директору это понравилось. Партком и завком нам похлопали. А денег никто не дает. Месяца два поработали — помощи никакой. Не можем же мы свою получку каждый раз выкладывать. С большим трудом добились директорской ссуды. В цехах к нам привыкли. Ждут. Месяц я не работала, так забросали вопросами: «Что случилось, почему книги не приносишь?»

* * *

Мы роздали нашим гостям коротенькую анкету. В ней был, в частности, такой вопрос: «Каким ты представляешь себя через пять лет?» Ответы получили разные: «Техником по своей профессии», «Технологом», «Инженером-механиком», «Буду работать на том же заводе», «Студенткой института», «Полностью созревшим и самостоятельным человеком»...

Кем бы он ни стал, наш современник, молодой рабочий, но он всегда будет человеком-борцом. Такой человек может шагать уверенно и далеко. Таких людей, если верить статистике последних лет, утверждающей, что рабочий класс нашей страны резко помолодел, миллионы.

Репортаж вела Г. КУЛИКОВСКАЯ.

Фото А. Бочинина.

Строгая правда гравюр

Юрий НЕХОРОШЕВ

Мы сидели в зале ожидания Львовского аэропорта. Самолет запаздывал. Чтоб скоротать время, Касиян читал нам на итальянском Данте, на немецком — Гёте и Гейне, на украинском — Шевченко, а потом — Пушкина, Маяковского. А я думал: какие же университеты прошел сын батрака из села Микулинцы, ныне профессор, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР!

...Рано началась трудовая жизнь Василия Касияна. Но еще раньше проявился его талант. На полу, а то и на побеленных стенах хаты чертил он углем фигуры святых угодников, повторял на обрывках бумаги запомнившиеся журнальные рисунки. «Я рисовал,— вспоминает Василий Ильич,— пальцем на запотевших стеклах окон, углем на стенах хаты и печки, куском желтой глины на земле. Во дворе я лепил головы и фигуры из глины, вставлял белую фасоль вместо зубов и ставил эти фигуры на воротах».

Поступил было Василий в школу, занялся под руководством учителя рисованием, да настал 1914 год. Село Микулинцы, весь Святинский уезд на Станиславщине оказались в зоне военных действий. А через год Касияна забрали в австро-венгерскую армию. Казарменная муштра, фронтовые окопы, голод не отбили охоту к рисованию. Сохранились фотографии с рисунков тех лет: «Солдат», «За чисткой картошки», «Пленные ждут остатков обеда». На итальянском фронте в Ломбардии Касиян был ранен. Затем госпиталь, успел экстерном окончить школу — и снова фронт... Позднее в Италии Касиян попадает в лагерь для военнопленных. Родина Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана, рядом знаменитые музеи, хранящие их произведения... Но «Италия хороша для тех,— писал художник в автобиографии,— кто сыт и одет, кто может красоту ее осматривать свободно, но мне, военнопленному, было не до радостей. На красоту природы Италии я смотрел, как сквозь черные очки».

У молодого художника не хватало мастерства, зато непосредственных наблюдений появилось в избытке. Три выставки Касияна, устроенные в лагере, пользовались успехом. Касиян иллюстрирует «Гайдамаков» Шевченко, произведения Гоголя. С особым пристрастием относится художник к новеллам Василия Стефаника из соседнего с Микулинцами села Русова — к тем новеллам, над которыми Горький плакал и после которых советовал учиться писать у Стефаника.

Касияну удалось продать часть работ, получить пропуск Красного Креста и уехать в Чехословакию. По конкурсному экзамену он поступает в Академию изобразительных искусств в Праге. Новые впечатления мгновенно находят отражение в рисунках: берега Влтавы, старинные площади, продавщицы цветов, нищие, инвалиды войны, безработные. Учится студент со страстью, начинает овладевать мастерством гравера. И все-таки рвется из Златой Праги в дорогую сердцу Гуцульщину.

Мастерски выполненные гравюры тех лет показывали не только технические навыки молодого художника. Они свидетельствовали и о другом — у профессора и ректора Макса Швабинского в Пражской Академии учился подлинно украинский мастер, который пробивался к познанию глубин народного характера...

Художественная правда требует не простого описательства быта и внешности человека. Она в раскрытии его образа мышления, его поступков, в динамике его борьбы. Эта правда раскрывается не стороннему наблюдателю, а только художнику, активно действующему. В Праге Касиян жил в семье рабочего-коммуниста, получил счастливую возможность быть рядом с революционерами, ощущать их кровную связь с пролетариатом всей страны. И закономерно образы рабочих на гравюрах Касияна теснят этнографические воспоминания. Листы «Безработные на мосту», «Угольщики», «Забастовка» свидетельствуют и о художественных успехах и о социальных симпатиях молодого художника.

Вот одна из таких гравюр — «Передышка». Тяжело опершись на лопаты, задумались усталые землекопы. Корявые руки, изуродованные непосильным трудом, обветренные, исполосованные морщинами лица, потухшие глаза — свидетели страдальческой судьбы людей. Резкие контрасты света и тени, нервно текущие линии — все подчинено выявлению настроения безысходной тоски. Не случайно Анри Барбюс поместил эту гравюру на обложке рождественского номера журнала «Монд» под ироническим названием «Сладкий отдых» (1929 г.).

Касиян, вспоминая эти годы, рассказывал, как по воскресеньям он любил совершать прогулки далеко за город, чтобы наблюдать окружающую жизнь.

— Большое впечатление произвел на меня запущенный цементный завод в Берлине, где жило более сотни бездомных рабочих семейств. В большинстве они были безработными. Других, похожих на них, я видел также и в Праге. Они спали группами на вокзалах, под мостами, на улицах и в парках. Днем я видел чернорабочих на непосильной поденной работе, которая истощала их физические силы, делала их лица грубыми и утомленными. Их ввалившиеся глаза не видели окружающего: они смотрели в себя...

Политические убеждения Касияна закономерно привели его к решению ехать в Советский Союз. После окончания академии, в год десятилетия Октября, Касиян приехал на Украину. Бурная жизнь молодой Республики Советов наполнила искусство гравера новым содержанием. Поездки на Днепрогэс, на заводы и новостройки дали обильный материал для серий работ, принципиально отличающихся от прошлых.

Серия гравюр «Днепрострой» с успехом демонстрируется на республиканской и всесоюзной выставках, а в 1934 году и на XIX международной выставке в Венеции. Один из итальянских критиков писал тогда: «Я никогда не забуду «Штурм прорыва» и шесть других гравюр на дереве, в которых Василий Касиян закрепил кульминационные моменты титанических дел (строительство Днепрогэса). Быть современным — значит чувствовать красоту своей эпохи».

Понять и почувствовать современность — значит видеть не только факты повседневности, но и знать и ощущать их сложные связи с прошедшим. Прошлое помогает ярче увидеть ход истории, проследить ее неумолимую логику развития.

Получив предложение иллюстрировать издание «Истории фабрик и заводов», начатое по инициативе Горького, Касиян едет в Донбасс. Появляются офорты «Первый бунт» и «Забастовщики», «Старая Юзовка» — изобразительная хроника событий истории революционного движения украинского пролетариата. Вот они, потомки запорожских казаков, сыновья гуцульских пастухов, панские батраки, доведенные до отчаяния, пришли к зданию заводской администрации высказать свои требования. Жандармы встречают неорганизованную толпу.

Иное настроение выражено во втором офорте. Вскинув лопаты и кайлы, упрямо шагают рабочие. Тускло мерцают шахтерские лампочки, кажется, глухо стучат о булыжную мостовую стоптанные башмаки. Неотвратимо движется толпа, все плотнее смыкаются плечи. Забастовщики идут навстречу новому дню.

Если в первом листе художник показал как бы общее соотношение сил, схему их расстановки, то во втором главное внимание отводится индивидуализации характеров, их четким характеристикам.

Изучая историю Донбасса, Касиян увлекся образом рабочего Артема — Ф. А. Сергеева, профессионального революционера, председателя Совнаркома Криворожско-Донецкой республики, члена ВЦИК, погибшего в 1921 году. К теме «Артем» он возвращается не раз. На первой, деревянной гравюре лицо занимает почти весь лист. Художник лепит его динамичными штрихами, резко подчеркивая силуэт головы, особенное внимание уделяя выразительности глаз. Через десять лет Касиян снова вернулся к портрету, выполнив его на этот раз в технике «меццо-тинто», позволяющей достигать плавных переходов светотени. Артем изображен на фоне колонны демонстрантов — кажется, он на минуту остановился, чтобы полюбоваться праздничным шествием народа. Глаза Артема светятся вниманием и доброй заботой. Мягкая улыбка чуть тронула губы...

Герои эстампов Касияна — строители пятилетки, колхозники, деятели культуры и искусства — живут в его произведениях рядом с героями гражданской войны. Известная гравюра «Бой у Острой Могилы» — один из листов цикла, посвященного истории гражданской войны.

Всю жизнь у художника слиты воедино образы Родины и образы Шевченко. И, пожалуй, нет года, чтобы поэтическая мудрость Шевченко не привлекала гравера вновь и вновь. Циклы иллюстраций Касияна отличаются от работ других мастеров оригинальным раскрытием литературных сюжетов и трактовкой образов Шевченко, высокой, разнообразной техникой исполнения. Касиян до предела насыщает изображение приметами быта, исторически точными деталями, подчеркивая тем самым жизненную конкретность, достоверность описанных событий. Мастер решает их по-новому благодаря остро найденному типажу, ясности характеристик персонажей.

На рабочем столе Касияна десятки новых рисунков и гравюр. Не стареет талант художника, и можно быть уверенным, что он еще порадует зрителей.

— Вспоминая пройденный путь,— говорит Касиян,— прежде всего радуешься тому, что удалось поработать. Со словом «труд» связано и понятие «трудно». Это верно. Но нет в мире большей душевной радости, чем сознание того, что задуманное дело удалось, что оно необходимо обществу, воспитывает в нем любовь к правде, добру и красоте, делает людей лучше, счастливее.

В. Касиян. АРТЕМ В ДОНБАССЕ.

В. Касиян. ЗАБАСТОВЩИКИ. СТАРАЯ ЮЗОВКА.

Иллюстрация к «Истории фабрик и заводов».

Листоноша

А. СТАРКОВ

Листоноша — по-украински почтальон. В данном случае почтальонша. Надежда Емельяновна Пупанова. Герой Социалистического Труда. Первая и пока единственная среди почтовиков, удостоенная такого звания... Ехал я к ней в Николаев, и ворочались во мне, не скрою, сомнения. Ну если бы хоть сельский почтарь. Там непогода, размытые ливнями дороги, пурга в поле, зыбкий лед на реке. А в городе? Асфальт. Что тут разыщешь чрезвычайного, геройского? Как написать о городском почтальоне?

...Николаевский почтамт. Начальник почтамта Лесниченко. Большой, грузный мужчина. Такому бы глубинный, раскатистый бас. А у него неожиданно нежный, вкрадчивый тенорок. Говорит, будто пушистый ковер расстилает.

— Приехали? Прошупожалуйста! Как устроились с гостиницей? Я получил телеграмму, звоню в нашу «Украину». Знаю, что у них всегда туго с номерами. Пришлось немножечко схитрить. Едет, говорю, корреспондент с Москвы. Собирается писать о службе быта в городе Николаеве. О сфере, говорю, обслуживания. В том числе о нас, почтовиках, и о вас, конечно, гостиничных работниках... Встретили, значит, соответственно? Вот и хорошо... Прошупожалуйста! — Но это относилось уже не ко мне, а к стремительной дамочке, которая влетела в кабинет, с ходу выпаливая жалобу.

— Прошупожалуйста! — Мягкий, пушистый коврик ложится ей навстречу, и женщина умолкает.— Садитесь. Не волнуйтесь. Сейчас во всем разберемся. Вам не выдают денег по переводу? Требуют предъявления паспорта? А как же? Нет, по профсоюзному билету нельзя. Вы приезжая? Ну как же вы, гражданочка, едучи в чужой город, не берете паспорта? А у нас инструкция, закон... Нет, нет, вы не волнуйтесь, без денег не останетесь. Мы найдем выход из положения, для этого тут и сидим. У вас в Николаеве родственники, близкие люди? Напишите кому-нибудь из них доверенность. Мы выдадим ему по паспорту деньги, а он передаст вам. Видите, как просто. Инструкцию не нарушим, и вам хорошо. Прошупожалуйста!

— Прошупожалуйста!—Это уже снова ко мне. — Извините, отвлекся. Сейчас разыщем нашу героиню.—Нажимает кнопку диспетчерского аппарата.— Екатерина Федоровна, Пупанова вернулась с утренней разноски? Как только появится, пусть попросят ее ко мне зайти. А пока занесите вашу папочку...— И мне в разъяснение: — Это моя заместительница по почтовой связи, товарищ Пивненко. Она тут старожил, много лет знает Надежду Емельяновну, наградные материалы на нее готовила, наглядную агитацию, все это у нее в папочке, сейчас занесет. А я в Николаеве недавно, с полгода только, приехал из Закарпатья, я туда прямо с флота попал, верней, из морской пехоты, я, знаете, по воинскому званию мичман, а родом из Одессы, защищал свой родной город-герой и Севастополь защищал, тоже город-герой, прошел через Болгарию, Румынию, Югославию, Чехословакию, Австрию, а с конца войны в Закарпатье, двадцать лет работал начальником райотдела связи в городе Хусте, слышали, наверно, старинный такой городок, столицей был когда-то... Прошупожалуйста! — А это уже своей заместительнице, которая вошла в кабинет с зеленой папкой в руках.

В этой папочке полезные для меня сведения о человеке, которого я еще не видел. Биография, анкета, характеристики, отзывы адресатов, вырезки из газет, плакатик-листовка, вроде тех, что выпускались в войну о героях боев. В листовке я прочел: «21 год с тяжелой сумкой шагает она по улицам города. Прошла 150 тысяч километров, принесла 225 тонн почты». Тонны меня как-то не удивили, а вот в километрах, честно говоря, усомнился. Но Василий Васильевич вытащил из ящика своего стола счеты и тут же, умножая годы на рабочие дни, а дни на часы и превращая их в расстояния («Участок у нее, улица Свердлова, из конца в конец и по двум сторонам, три километра, да прибавьте еще дворы, лестницы, а раньше были три доставки в день, теперь две, а за все годы она бюллетенила только неделю, мы это учли, вычли...»), убедительно доказал мне, что все подсчитано точненько:

— Сто пятьдесят тысяч, почти восемь раз пешком из Николаева во Владивосток и обратно, прошупожалуйста!..

А вот и сама Пупанова. Входит в кабинет широким почтальонским шагом. На ней светло-желтая форменная блузка с позолоченными пуговицами, с погончиками и служебным значком «Почта», синий, тоже форменный берет. У нас в Москве я что-то не встречал почтальонов в такой форме, а она симпатична... Надежда Емельяновна моложава, в ней нет, что называется, лишнего веса, руку жмет по-мужски, крепко. Договариваемся, что встретимся сегодня после вечерней разноски.

Вечером в гостинице слушаю, записываю.

— Жизнь моя для вас неинтересная. Не было в ней ничего такого. Но если вам надо, расскажу, что помню... Из детства помню самое страшное. Как в одну неделю всех взрослых в нашей семье скосило. Дедушку, бабушку, отца с матерью. Что это была за болезнь-напасть, не знаю. То ли тиф, говорили, то ли испанка какая-то. Да и год был голодный, двадцать первый, послевоенный. Отец с фронта пришел, говорит: «Теперь заживем!» Зажили... Смерть за смертью чуть ли не в одночасье. Отец — последним. Он с поля хлеб привез в копнах, молотить собрался. Вместе с соседом. Перед тем как начать, покурить решили. Отец только затянулся разок и тут же рухнул на копну. К утру помер... И мы, ребятишки, нас было шестеро, четыре сестры, два брата, тоже все переболели. К нам в хату долго люди не шли, боялись. Потом соседка заглянула, молока принесла... Выжили. И нынче все живые. До прошлого года думали, что пятеро нас осталось. Одного из братьев, Пантелея, считали сгинувшим. Они с другим братом, с Михаилом, уехали в тридцатых годах на заработки. На Урал. И там потеряли друг друга. Михаил вернулся после домой, в Новую Одессу, а Пантюша так и затерялся. Говорит, писал, да письма не доходили. Писал на сестер, а у нас фамилии-то стали другие. И на почте никому не было вдогад на розыски пуститься... А на тридцать первый год разлуки дошло наконец письмишко. И сам он приехал из Златоуста, погостевал с семьей у всех у нас и сына здесь, в Николаеве, оставил. В мореходку поступил. Мой Вовка техникум закончил, конструктором по кораблям, а этот плавать собирается...

Из шестерых четверо нас росли в детдоме. Я не хотела туда, просилась со старшими сестрами жить, с Верой и Марийкой. Вере шел шестнадцатый, Марийка на два года моложе. И у них уже ремесло было в руках. Кошелки плели с рогозы. Это такая трава у нас в плавнях. Широколистая, жесткая. Режут ее, очищают, высушивают и кошелки вяжут. Я тоже умела. Похуже, чем старшие мои, но могла бы им помогать. А меня в детдом, с младшими. Плакала. Вера уговаривала. «Ты,— говорит,— будешь там за ними приглядывать». Было мне девять. На глазок. Ну да, на глазок определили мой возраст. Метрика затерялась в голодуху, никаких бумаг на меня в районе не нашлось. Показали доктору, оглядел, простукал и говорит: «Восемь лет, ну самое большое девять». Так и записали: год рождения 1912-й... А этим вот летом приезжала дочка моя Валентина из Саратова. Она там с мужем, с двумя пацанами, медсестрой в больнице. Приехала в отпуск, гостит, дел особых нету, так она нашла себе заботу. «Странная,— говорит,— штука. У тебя с дядей Мишей один год рождения в паспорте — вы что, близнецы?» «Нет,— говорю,— не близнецы, а по бумагам с одного вроде году». И рассказала, как это получилось. «Э,—говорит,—так не годится. Надо,— говорит,— точную дату установить, ты наверняка моложе. В районе нет документов, может, в области найдутся». И пошла в областной архив, копалась там неделю и нашла! Нашла книгу с записями. И я в той книге обозначена и мой год рождения—1911-й. Вот те и обрадовала на старости лет. Еще на целый год мать состарила. Смеется. «Теперь,— говорит,— все, мамочка, давай на пенсию! Приезжай в Саратов внуков нянчить, Илюшку с Игорьком. Благо тебе не впервой в няньках-то». Шутит.

Я и в самом деле была когда-то в няньках. Сразу после детдома, после пятого класса. Уж не знаю, почему, а тот детский дом в Новой Одессе закрыли. Ребят — кого по другим домам, а кто постарше — на подростковую биржу труда. Была такая в Николаеве. Очереди там, жди, пока на работу направят. А жить где? Вот я и нанялась на время в няньки. К учительше одной. Мужем была брошенная, с четырьмя детьми. Звали, помню, Ксения Никифоровна. Сейчас и фамилию вспомню... Качулина. Я за нее плохого не скажу. Ро́дной матери мне не заменила, но относилась сердешно. Когда меня с биржи на работу послали, не прогнала из дому, пока я в общежитие не устроилась. Ребят ее, которых нянчила, и нынче встречаю: все четверо учителя, в мать покойную... С биржи первая путевка была мне в порт, на хлебные причалы. Уборщицей в бригады грузчиков. Пыль сметала с баржи после разгрузки, выколачивала мешки, перетряхивала, зерно перелопачивала на элеваторе... А потом открылась при верфях фабрика-кухня. Меня туда в судомойки. На черной я была посуде: термоса, бидоны, котлы... Котелок после борща жирного надраишь — не только руки, ноги ноют. Не кому-нибудь, врачу сдавала посуду на просмотр. Перед обедом — в корпусный цех на раздачу. Нас заводскими числили, своими. И Вовку моего приняли в ясли при заводе. Я еще не сказала вам, что вышла замуж. За военного моряка из минного отряда, Пупанова Василия Петровича. Как с флота уволился, тоже к нам на верфь. Токарем. Но вскорости руку повредил и перевелся в пригородное хозяйство кладовщиком. А после по партейной линии пошел, по профсоюзной. Мы с ним хорошо жили, мирно. Комната от завода. За Вовкой я Валюшку родила, а перед самой войной—третий, Валерик...

Я с ними с тремя сразу эвакуировалась, в первом эшелоне. И муж с нами. Он был прикрепленный к эшелону от завкома. Подъехали к Днепру — моста нет, разрушен. Нас через Днепр на плотах под бомбежкой. Как переправились на левый берег, Василий и говорит мне: «Дальше вы без меня. Люди кругом головы ло́жат... А я, здоровый мужик, с бабами

да с ребятней. Договорился с начальством, в армию ухожу...» Обнял меня, детей, поцеловал. Попрощались. На войну ушел. И с тех пор не видела его...

...Сегодня, просматривая на почтамте зеленую папочку, я прочитал в одной из газетных вырезок, что муж у Пупановой «пал смертью храбрых». И поэтому, когда она сказала: «С тех пор его не видела...»— я машинально продолжил:

— Погиб...

— Нет,— сказала она.— Живой, говорят.

«Говорят...» Я не решился уточнять, расспрашивать. А она продолжала про эвакуацию:

— Долго еще ехали. Через Донбасс. Где поездом, где на грузовых машинах, на подводах. В пути заболел у меня Валерик. Ручки-ножки отнялись, задыхался... В больнице под Таганрогом помер мой сыночек. Доктор сказал: болезнь страшная, заразная. Счастье, что Вовка с Валюшкой не подхватили. Неизлечимая болезнь. Называется поли... не могу выговорить. Теперь-то от нее прививки делают... Похоронила мальчика, и дальше в путь. Уже недалеко осталось. За Ростовом всех нас, беженцев, по хуторам, по колхозам. Я попала с ребятами на хутор Ильинов, Мартыновского района. В скотницы меня. Жили в землянке при овчарне. Две семьи в одной землянке. Зиму отголодовали, отхолодали, за весну и лето начали приходить в себя. И опять — немец... Пришел из обкома приказ скот угонять за Волгу. В отгонную бригаду — приезжих, таких, как я. И парней, которым по шестнадцать-семнадцать, допризывных, чтобы не попали к немцам. Бригадир — местный, пожилой, Чхан Андрей Тимофеевич. И ветеринар колхозный, Будко, имя-отчество не помню, все называли его товарищ Будко... Погнали коров тыщу, быков, овец, коз. И табун лошадей. Гнали по степу́, по местам, где корм подножный, колодеза́. На повозках бачки с водой, скарб. Волы в упряжках, и среди погонщиков мой Вовка. Взрослый уже мужик, девятый пошел. Сестричку опекал. «Ты,—говорит,— мамка, о коровушках заботься, про нас не думай...» Месяц гнали, второй. Самолеты над нами то и дело. Строчат с лёту по скоту, по повозкам. Но без пристрелки, мимо. Ни одна коровенка не пала в пути, ни одна козочка. Гоним... И вдруг нагоняет в степу́ конный. Чхану, бригадиру, телеграмма с обкома: назад ворочай! А осень, заморозки. Назад быстрей гнали, холод подгонял... В Ильинове — еще две зимы. Пока мы скот уводили, в колхозе сменился председатель. Прислали фронтовика, инвалида. Пришел на овчарню, разговорились — земляк! Новоодесский. «Я,—говорит,—здесь не засижусь. Как Николаевскую область освободят,— домой! Родной колхоз подымать. И ты,— говорит,— Надежда, приезжай...» Подошел срок, снова тронулась я с детьми в дорогу. В обратный путь. Но сразу не знала еще, куда — в Новую Одессу или в Николаев. Ближе подъехали, решила: в Николаев, к Вере, старшей сестре моей. Эвакуировалась я с тремя, возвращалась с двумя...

Вере было, конечно, от нас стеснение. Трое все-таки. Но вещами комнату ей не забили. Только то, что на нас, да и на нас горюшко, а не одежда. У ребят на ногах обувка из клочков шерсти, которые овца теряет. Я их подбирала и шила с парусиной. Такие черевички в деревне могут еще сгодиться, а в городе? Я из-за одежки-то и пошла в почтальоны. На зиму выдали мне теплый бушлат, шапку, валенки. И ребятам, узнав, какое у меня положение,—ботиночки старенькие. Старенькие, латаные, но кожаные... А услыхала я про работу на почте от Вериной соседки. Она с почтамта увольнялась, замену себе искала. Письма собирать из ящиков по городу. На лошади. «Ты,— спрашивает,— с конем управишься?» А я в эвакуацию всякую перебрала работу. И водовозкой ездила в колхозе. Там у меня была лошадка черной масти. И здесь такая же. «Галкой» звали. Мы с ней сразу понравились друг другу. Войдешь в конюшню, ржет весело, ластится. И дело знала, маршрут свой. Пурга метет, не только ящика, до́ма-то самого не видно. А Галка моя бежит-спешит и вдруг остановится. И уж точно у ящика — слезай, подставляй мешок под письма. Идешь обратно, а она уже тихонечко трогается, время экономит. Тихая, послушная почтовая лошадка! Но только для своих такая, к чужим — с норовом. Поехал со мной раз контролер из управления связи, проверяльщик. «Дайте,— говорит,— мне вожжи». «Пожалуйста»,— говорю. А Галка, и морды не повернув, вмиг почуяла, что я вожжи передала. И стоит, как в землю вбитая, не идет. Контролер дергает, дергает, понукает. Ни шагу моя Галка. Взяла я вожжи — пошла. А я их тихонечко снова передала. Остановилась. Не желает подчиняться чужим рукам. Отдал контролер мне вожжи. Побежала, заспешила... Но я с ней недолго ездила. Зиму, весну. Дали нам машину, автомобиль трофейный. А Галку в пригородное хозяйство, капусту возить, неинтересная для нее работа. И мне на машине неинтересно. Попросилась я в отдел доставки. На разноску, на пеший ход попросилась...

...Это я в субботний вечер записал.

А в воскресенье с утра пораньше поехал на Октябрьский проспект к сыну Надежды Емельяновны. И вовремя. А то бы не застал дома. Они с женой только что вернулись с базара и собирались через полтора-два часа на вокзал. Сережку с бабушкой Дусей встречать. Они провели лето под Костромой, а сейчас едут из Москвы, где гостили неделю.

К долгой беседе со мной Володя не был, понятно, расположен. Да я и не собирался очень-то терзать его. Немножко о матери...

— Ну, что вам сказать про маму? Вырастила, подняла нас с Валюшей без отца. Помню ли его? Помню, конечно. Мне к началу войны пошел седьмой. И вся эвакуация — в памяти... Как уходил от нас на днепровской переправе, как прощался... Он воевал в танкистах, у него горло прострелено пулей навылет. Откуда я это знаю? Так я же виделся с отцом после войны... Всю войну не было от него вестей. Да и как им быть, если он не знал, где мы, до какого места доехали, а мы — где он, в какой воинской части. Но мы и не могли этого узнать, а он-то про нас мог. Стоило ему только написать отцу с матерью. У них был наш адрес. Мама сразу, как добрались мы, потеряв Валерика, до Ильинова, послала письмо старикам в Саратовскую область. И мы все время были в переписке. А он и им не писал. И поэтому все решили, что погиб. Все, кроме матери и жены, нашей мамы. Они не теряли надежды, верили в его возвращение. И к матери он вернулся. Не один, с новой семьей. Мы долго не знали об этом. И мама продолжала слать запросы в военные архивы, в военкоматы. Но след его не отыскивался. И вдруг бабушка пишет: «Вася тут...» Не выдержала, открыла правду. Славная была, добрая. И сына по-матерински любила, и нас было жаль, тянулась к нам сердцем. Из письма в письмо упрашивала маму прислать меня или Валюшу жить к ним. Маме было тяжело с двумя. Пора шла послевоенная, трудная, накормить, одеть-обуть семью было не так-то просто. Невелики почтальонские доходы. И она решилась, сказала: «Поезжай, Володя». Я у них, у бабушки с дедом, прожил год, ходил в шестой класс. Жилось мне хорошо, и сыт был и одет, но все равно скучал по маме, по сестренке... Отец? Заходил, бывал... А потом умерла бабушка, и сразу за ней дед. Я вернулся в Николаев. Люди говорили маме, чтобы подала в суд на мужа, алименты вытребовала. Она сказала: «Ничего мне от него не надо...» А тут я уже и в техникум поступил, стипендия пошла. Потом — армия... А теперь вот, видите, и сам семейный. Раз, два в году получаю письмишко от отца. Отвечаю. Переписываемся, как старые знакомые, у которых нет друг к другу никаких претензий. А с Валюшей он видится. Она ведь после замужества в Саратове живет. А он, отец, в районе, в пригороде саратовском. Нет-нет да и встретятся на базаре...

...А в понедельник я решил пройти вместе с Пупановой те несколько километров, которые ложатся ныне в ее сто пятьдесят первую тысячу. Я выбрал этот день по совету Надежды Емельяновны. Вопреки поговорке понедельник для нее, как и для всех почтальонов, не тяжелый, а самый легкий день. Сумка легче. Из газет выходит только «Правда». И вместо обычных 30—35 килограммов (два пуда!) набирается 8—10. Вместо 300 адресов меньше ста. И можно сразу, в один прием, захватить в разноску всю корреспонденцию. В прочие дни приходится возвращаться на почтамт за новой пачкой. Но и в два раза все не заберешь. Часть почты отвозят прямо на трассу в специальные ящики. Это «опорные пункты», где почтальоны пополняют свои опустевшие сумки... Понедельник удобен еще и тем, что «Правда» в этот день с вкладкой, на шести полосах. Когда их четыре, газета вложена в газету, и надо их разымать, расфальцовывать, как говорят почтари. Это морока. А с вкладкой каждый экземпляр в отдельности. Сложи пополам — и в сумку... Надежда Емельяновна укладывает газеты строго по ходу разноски, по маршруту. Она их не надписывает, как другие почтальоны, не проставляет номера домов, квартир. Говорит, что это «пачкотня», что так «некультурно». Да и времени экономия, секунда на каждом экземпляре. У нее газеты «чистенькие». Все 300 адресов в памяти, все адресаты: куда — кому — что́. Помнит. Я видел в пути, как она только разок заглянула в «ходовик», в тетрадку, где расписана вся разноска...

В пути... Да-да, мы уже идем, шагаем. У Пупановой через левое плечо полная сумка, в руке пачечка газет и писем, приготовленная для первых адресов на маршруте. У меня груз невелик — блокнот с карандашом,— и я предложил свои услуги, хотел взять сумку.

— Это не полагается,— сказала.

Участок у нее сразу от почтамта. Идем по улице Свердлова, по левой, четной стороне. Утро. Час служилого люда, спешащего по конторам. Надежда Емельяновна не успевает здороваться, всем она знакомая. Кто приветствует громко, кто взмахом руки, кивком. А кто и так:

— Здравствуй, Наденька! Несешь мне перевод на тысячу рублей?

— Сегодня только на девятьсот девяносто девять.

— Этого мне мало...

— Ну, тогда в другой раз.

— Ладно, дождусь...

— Обязательно дождетесь...— И мне в объяснение: — Сотрудница с Верещагинского музея. Мы с ней всегда так здоровкаемся.

Двор. Несколько домишек с палисадниками. Мальчонка в трусиках, с полотенцем на шее, дрызгается у рукомойника, кричит:

— Пришла-а посылка?

— Не пришла, Сереженька...

— Опять нету.— Это уже мужчина в окне, наверно, отец мальчика. Увидел меня, принял, похоже, за какое-то почтовое начальство, жалуется: — Безобразие! Мы приезжие, отпускные. Как выезжали из Перми, отправили себе вслед посылку кое с какими вещичками. Мы неделю здесь, а вещей все нет. Примите, прошу, меры!

— Это человек посторонний,— говорит про меня Пупанова.— Сегодня в Пермь протелеграфируем за вашу посылку...

Из-за соседней ограды женский голос. Заборчик увит густо плющом, и кто говорит, не видно.

— А где мой «Гудок», Надюша?

— «Гудок» по понедельникам не гудит, Валентина Андреевна!

— Ох, и верно, забыла... Ты когда в Москву-то за звездочкой? Может, в моем вагоне поедешь?

— Говорят, вручение здесь будет. В субботу, говорят...

В этом дворе четыре «Правды». Три — в ящички, висящие на дверях. Четвертую — в руки инвалида, который подъехал к почтальону на низенькой роликовой тележке. Когда мы вышли за ворота, Пупанова сказала:

— Без ног родился... А руки — золотые. Лучший на весь город часовщик.

Со двора — во двор. Темп взят сразу ходкий, резвый, широким шагом. Пока мне это нравится, я не из тихоходов. С встречными перебрасываемся репликами, почти не сбавляя шагу.

С девушкой в голубой блузке:

— Тетя Надя, письма нет?

— Нет, Шурочка.

— Давно мне Светка не пишет...

— Замуж, поди, собралась, некогда... Ты в субботу с утра?

— С утра, тетя Надечка. Приходите, причешу по знакомству...

— Я сразу, как откроетесь, ладно?

Мне:

— Две подружки. Шура и Све-

та. Кончили школу, в институт не попали. Куда податься? В парикмахерши... Светка после курсов в Норильск завербовалась. А эта здесь красоту наводит, в парикмахерской на Большой Морской. Мастер! Очереди к ней...

С пожилой женщиной, медленно идущей нам навстречу:

— Доброе утро, Емельяновна!

— Доброе утро, тетя Маруся!

— В среду-то будет?

— Среда — какое? Семнадцатое? Ну, значит, будет!

Мне:

— Это она про пенсию. У нее немужняя. Собственная, трудовая... Нянечкой была в школе. И своих семеро. Ваня, Валя, Галя, Аленка, Вовка, Люся и Лида... И никого дома. Все разъехались, у всех свои семьи. Она к ним в гости, они к ней в гости. Сейчас Лидка с мужем гостит, младшая. Морячка. Радисткой на дальнем теплоходе. А муж на том же теплоходе капитан...

С кем-то протянувшим руку за газетой из окна на первом этаже:

— Привет листоноше!

— Здравствуйте, товарищ Коган! Как ваше здоровье?

— Мое здоровье ничего себе. А где журнал «Здоровье»?

— «Здоровье» будет вовремя!

Мне:

— Пенсионер. Очень обходительный мужчина. Всегда ждет меня у окошка. Даже зимой форточку открывает... Между прочим, почти все пенсионеры выписывают «Здоровье». Себя соблюдают...

С шофером, который притормозил машину, высунулся, спрашивает:

— Гражданочка почтальон! Где тут Свердлова, 22?

— Автотрест?

— Нет, хлебопродукты...

— Управление? Вон за тем поворотом...

Мне:

— Я тут справочное бюро. Если ищут кого, не в адресный стол, ко мне идут...

Так и шагаем. Общаемся с адресатами, со встречными. Ну да, я тоже общаюсь. Люди видят рядом со своим почтальоном незнакомого человека, который все время что-то записывает, и им интересно, кто же это. Загорелая разбитная бабенка, развешивающая белье во дворе, так меня и спрашивает:

— А кто вы будете?

От вопроса в лоб я несколько теряюсь.

— Я? Я, знаете... Хожу...

— Правильно! — говорит она.— Як у нас в колгоспе. Бригадир-то, мужик, с карандашиком по полю. А бабоньки вкалывають...

— Вот видите,— говорю я,—Надежда Емельяновна! Вы не хотите, чтобы я нес сумку. А меня законно упрекают.

— Нет-нет! — говорит она.— Сумка должна быть у почтальона...

Сумка немного похудела. С левой стороны мы перешли на правую и теперь идем в обратном направлении, к истоку улицы, к начальным номерам. Со двора во двор, из дома в дом, с лестницы на лестницу. Хоть в учреждения-то не заходим. Учреждения обслуживает, слава богу, ГСП, городская служебная почта. А их тут, на Свердлова, хватает: горсовет, прокуратура, гороно, КГБ, облархив, молочный трест, милиция, «Укрэлеватормельстрой»... В этот «строй» зашли.

— Женщина одна, адресатка. Кларой зовут. Просит приносить ей почту не домой, а на работу.

— Привереда,— говорю я.— Не может до востребования... Лишний нам заход.

— Что, начинаете уставать?

И я подтягиваюсь, прибавляю шаг, чтобы не выказать первых признаков усталости. За Маяковской пошли зигзагом, с левой на правую, с правой на левую. Чтобы дважды не проделывать один путь. Обходим рвы, канавки: улица перекопана, прокладывают газ. В начале маршрута этого не замечал, сейчас замечаю. Экскаватор надо обойти. Забор буквой «П» — опять нам крюк.

— Напрегораживали, наворочали...— ворчу.

— Стройка! — говорит Надежда Емельяновна.

Кружим во дворах. У каждой квартиры, понимаете, свой ящик. А почему бы их не выставить все у входа во двор? Какое было б облегчение почтальону!.. Подумал об этом и тут же поймал себя на том, что до́ма-то, в Москве, ворчу, так сказать, в обратном смысле. До́ма недоволен, что ящики внизу, в подъезде, и надо спускаться за почтой... Точка зрения моя изменилась, потому что изменилась «кочка» зрения. Там, до́ма, я адресат, а здесь — почтарь...

И я уже сочувственно, как свой, как коллега, что ли, слушаю Ростика. Это Ростислав Николаевич Журавлев, сослуживец Пупановой, почтальон с другого участка. Сегодня выходной, возится на огороде. Мы принесли ему «Правду» и письмо из Министерства связи.

— Ты, никак, Ростик, с начальством в переписке?

— Ага! — говорит Ростик, которому под шестьдесят.— Дошла моя жалоба! Будет и мужчинам форма. А то вон как вас разодели, женский персонал! Красиво, удобно. А мы в затрапезном виде шлёндаем...

— Да ты уж свое отхаживаешь, Ростик. Сколько тебе до пенсии-то? Нам, видать, вместе...

— Э-э, тебе-то только годик, знаю. А мне еще три топать... По возрасту пора. А документов на стаж нехватка. Не все довоенные разыскал...

— Не огорчайся, Ростик. Я тебя подожду...

Это она уже с улицы. Я бы не прочь постоять еще, поболтать с Ростиком. Но взялся за гуж — поспевай за Емельяновной! И кажется, что дворы пошли побольше и верхних этажей вроде бы прибавилось. Вот она взлетает по лестнице, а я остаюсь внизу. Даже не знаю, почему я не поднялся... Пошел было, а она уже вниз, уже обегала этажи.

— Господи, открытки забыла оставить, марки! — И опять вверх по тем же ступенькам. Спустилась, говорит: — Старушка больная, из дому не выходит. Я ей открытки, конверты оставляю, потом прихожу за письмами.

Это была первая лестница у нас на пути, по которой я не поднялся. И был еще двор, в котором я и вовсе не пошел по квартирам. Но не виноват, честное слово, не виноват. Такой мне человек повстречался, и такой был соблазн поговорить с ним!.. Посередине двора стоял высокий полный усатый старик в белой толстовке, какие теперь редко носят, и в белой капитанской фуражке без «краба». Он громко, я бы сказал, преувеличенно громко приветствовал появление почтальона. Она ответила молча, помахав ему рукой, а мне сказала:

— Он глухой, совсем глухой...

— Это верно,— сказал старик.— Я ничего не слышу. Но вижу, что́ говорят. Я читаю по губам. Так что и не пытайтесь секретничать при мне даже на расстоянии.—Он подошел ближе и представился: — Попов Иван Иванович, к вашим услугам. Бухгалтер здешнего интерната глухонемых. Но сам только глух. И, как вы сможете еще убедиться, излишне даже разговорчив. Слух потерял сравнительно недавно, в 1918 году. Имея за плечами два курса высшей мореходки и обладая уже дипломом штурмана малого плавания, дрался с ненавистным врагом в революционном отряде бесстрашного матроса Коляды и был тяжко контужен в бою под Херсоном. «В степи под Херсоном...» Сначала что-то еще слышал, а затем окончательно погрузился в мир беззвучия и вынужден был сменить плавание по бурным волнам океана на долгий дрейф в бумажных потоках, по водопадам цифр...

— У вас семья? — спросил я.

— Пожалуйста, повторите вопрос. У вас неясные движения губ... Ах, вы про семью? Все было, все было у Ивана Ивановича. Была жена, была дочь Лора, музыкально одаренная девочка. И все отнято войной, фашистами... Живу один... Сочиняю в тиши книгу, написав которую умру. И поэтому не тороплюсь с ее окончанием... Книга философская — о счастье. Что есть человеческое счастье? Полагаю, что это прежде всего трудно образуемое равновесие между разносторонними желаниями и возможностью их осуществления... Вы, кажется, записали сию мысль? О, какой у вас любопытный почерк! Строка, летящая вверх... Позвольте, позвольте еще раз взглянуть. Мне интересен внутренний механизм вашего почерка. О, графология — мой конек, или, как принято теперь говорить, хобби... Она недооценена как наука. Я прошу вас, напишите специально для меня несколько строчек.

И я написал под его диктовку: «Иван Иванович, определите по почерку мой характер».

— Подпишитесь. Подпись, знаете, много определяет.

Подписался, но довольно неразборчиво. Он взял листок, присел на скамейку, положив его на колени, сжал кулаками голову и застыл, отрешенный, в размышлениях о моем почерке. К сожалению, я уже не мог дождаться результата. Емельяновна, обойдя двор, вышла за ворота, и я должен был ее догонять.

(Скажу в скобках, что вечером, снедаемый любопытством, я пошел к Ивану Ивановичу. Он протянул мне листок, на котором под моими строчками было припечатано на машинке: «Исследование почерка товарища N...» И далее следовало... Что следовало далее, я не решаюсь обнародовать. Характер «товарища N» был раскрыт с беспощадной, знаете, точностью...)

Идем, шагаем. Вернее, шагает-то Емельяновна, а я плетусь. Жарко мне, душно. И восприятие действительности у меня явно ослабло. Правда, я слышу какой-то пронзительный голосишко сверху: «Те-еть На-адь! Видишь, где я?» Забрался, пострел, на самую верхушку высокой густой шелковицы. «Слезай, Женька! — кричит

Фото К. Дудченко.

почтальон.— Мамке письмо возьми». И он сигает с верхотуры прямо нам под ноги... Иду. Записываю: «Бабушке Софровой два письма сразу: от дочери из Тбилиси, из Томска от сына». Что-то еще заношу в блокнот, фиксирую. Но нет во мне прежнего энтузиазма, горения нет, как в начале маршрута. Устал, и скрыть это уже трудно. А нам еще кружить и кружить по дворам, подниматься по лестницам...

...Последний квартал. Последний дом. Последний почтовый ящик... Ух!

Надежда Емельяновна снимает пустую сумку с плеча. И мне кажется, что левое плечо у нее чуть ниже правого. Только сейчас заметил. Она перехватывает мой взгляд, говорит:

— Нет, они у меня однакие...— И выпрямляется, расправляет плечи.— Сегодня что-то поясница побаливает. Утром воды натаскалась с колонки... Хотите, угощу газированной? Устали, небось, с непривычки-то... Я тут рядышком живу, вон в том доме.

...Какая благодать — сидеть после жары в прохладной комнате, пить воду с ледника, перелистывать семейный альбом, перебирать поздравительные телеграммы!

— Вот поглядите-ка, какое письмо я получила из Ленинграда, из Музея связи.

Читаю: «Сердечно поздравляем с высокой наградой... Желаем... Просим выслать для экспозиции два Ваших фото по возможности 9 на 12...»

— Дожила! В музей, значит, меня... Как мумию какую. А я живая пока...

МАТЬ. Фото Семена Короткова (СССР). Золотая медаль.

ЭТЮД.
Фото Василия Малышева (СССР).
Золотая медаль.

ИНТЕРПРЕСС-ФОТО-66

С большим успехом прошла в Москве выставка «Интерпресс-фото-66». Ее девиз «За мир и дружбу, за гуманизм и прогресс» объединил фотомастеров из 71 страны мира.

Зал Манежа давно не видел такого количества посетителей: менее чем за месяц перед стендами выставки прошло 400 тысяч москвичей, советских и зарубежных гостей столицы.

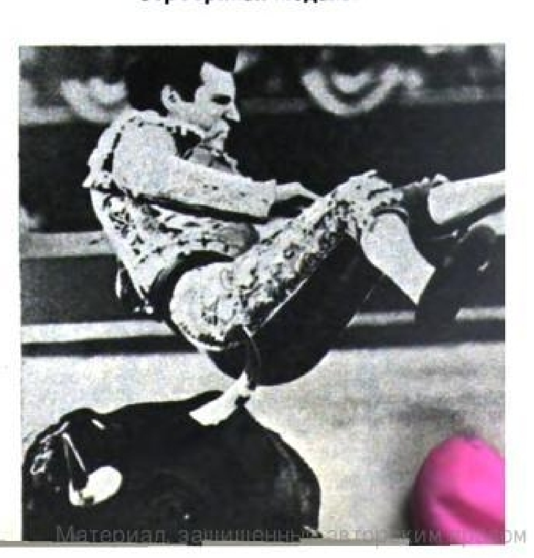
Жюри наградило медалями и почетными дипломами многих участников выставки. Три приза за лучшие работы присуждены зрителями.

Футбольный балет.
Фото Ласло Алмаши (Венгрия).
Серебряная медаль.

Гонки в Индианополисе.
Фото Джеймса Огата (США).
Серебряная медаль.

Матадор в воздухе.
Фото Т. Кинер (США).
Серебряная медаль.

Любиш Жоржевич и Будемир Петрович.

29 ноября — Национальный праздник Югославии

Блокнот, полный солнца

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Белградцы восторженно приветствовали вступление советских танков в город.

ДИВНА НАТАША

По долгу второй своей профессии, почтальона, я уже побывал в Словении. Изрезанная вдоль и поперек автотрассами, она почему-то напомнила мне гигантский живописный парк с вековыми деревьями, душистыми лугами, с очаровательным озером Блед, с таинственными Постойнскими пещерами. Едешь по дорогам Словении и поражаешься удивительному сочетанию красоты и легенд; любуешься кипучей созидательной деятельностью творцов техники XX века и памятниками древней культуры скифов и кельтов, эллинов и римлян; радуешься встречам с трудолюбивыми, веселыми, на первый взгляд даже несколько беззаботными словенцами, о которых я прочел в югославском журнале строки, вызвавшие улыбку: «Говорят, что они даже на пустом месте в состоянии за день соорудить высокое здание, в корыте для стирки белья вырастить крокодила, а построив на ручье мельницу, уже раздумывают о сооружении макаронной фабрики...»

Я побывал в столице Словении — Любляне. Горожане утверждают, что это один из самых древних городов Европы. Белоснежные грани стен многоэтажных жилых домов, алюминий и бетон, ультрасовременный куб гостиницы «Лев» — все это гармонично сосуществует с уютным средневековьем, с изъеденным временем камнем домиков, помеченных изображением дракона, с узенькими улочками и остатками римской крепости, строившейся по велению Цезаря Августа.

Я уже развез все приветы от Гриши Жиляева из подмосковных Люберец. Он сражался в горах и лесах Словении в составе знаменитого партизанского отряда, а потом советского батальона, сформированного из наших бойцов, бежавших из фашистских лагерей. Он сражался на земле Словении с теми же гитлеровцами, с которыми сражался на своей, советской земле в первые месяцы войны, пока не попал в плен. У него здесь много друзей, и всем им надо передать приветы.

По поручению харьковчанки Анны Федоровны Пахомовой я низко поклонился старой женщине в селе Медведеве Ангелине Добникар-Барбке (это ее партизанская кличка), жестоко поплатившейся за то, что спасла четырех советских девушек, угнанных с Украины на гитлеровский военный завод в Австрии (среди них и была Анна): гестаповцы арестовали Барбку и погнали в концентрационный лагерь.

А блокнот с адресами зовет в Воеводину — привольный живописный край преотличнейших черноземов.

Наш путь — в столицу Воеводины, в Нови-Сад, к Наташе Дивляк.

...Улица Милятычева, дом 25. Звонок. Тихо. Никто не открывает. Потом послышались семенящие шаги и негромкий голос женщины. Потом...

Что было потом, рассказать мне трудно. На гостей обрушился каскад чувств маленькой черненькой женщины, каскад ее ликующих возгласов и настойчивых призывов ко всем обитателям дома скорее идти сюда, в столовую, так как приехал человек из Москвы, и передает привет от Кати, и привез подарок от Кати — книгу, где и про нее написано.

— Дивна Катя! Молим вас, садитесь, рассказывайте. А как ее муж, сын? Ой, дивна Катя!.. Дмитрий! — Это она уже мужа теребит. — Что же ты не прочитаешь нам — вот здесь про Катю?.. Читай вслух, я пойму!

Ей уже, собственно, давно все известно про русскую подругу, знаменитую Катю Михайлову-Демину, бесстрашную разведчицу и санинструктора Дунайской флотилии. Но она настойчиво допытывает мужа: «Что там пишут про Катю?»

...Воспитанница детдома. Круглая сирота. Первый день войны застает шестнадцатилетнюю девочку в поезде под Смоленском — едет гостить к брату-летчику. Бомбят поезд. Девочка остается одна, ее подбирает воинская часть, и это решает ее судьбу. Матрос, разведчица, санинструктор, прошедший сквозь огонь и воду сражений на Азовском и Черноморском побережьях, на берегах Днестра и Дуная. Но все, что касается боев на югославской земле, Нови-Сада, штурма крепости Илок, тяжелого ранения Михайловой, тут уж извольте вооружиться терпением и не прерывайте Наташу Дивляк, которая рассказывает страстно, увлеченно, с подробностями, ибо уверена, что вы еще не все знаете про дивну Катю.

— Вон тут, на нашей улице, недалеко от нас, находился штаб Дунайской флотилии. Там мы и познакомились с ней. Мой дом был широко открыт русским, а Москва для меня была не только точкой на карте. Я еще до войны вступила в комсомол, сидела в тюрьме...— Сказала и сразу встрепенулась: — Нет-нет, это вы не пишите, речь не обо мне пойдет. (Подобное предупреждение я услышу еще не раз. И о подпольной революционной деятельности коммунистки Дивляк узнаю позже, и отнюдь не от нее.)

— Я была секретарем антифашистского комитета женщин. И, как только освободили Нови-Сад, мы решили созвать женскую городскую конференцию. А какая могла быть тогда конференция без выступления советской женщины! Я и пошла в штаб флотилии: «Пошлите к нам на конференцию боевую комсомолку, пусть выступит перед нами». «Есть,— говорят мне,— у нас такая комсомолка. Боевая, что уж дальше, кажется, некуда». И вот сидим мы с Катей у меня дома после той конференции, рассказываем друг другу о своей жизни и никак наговориться не можем. Узнала я про то, как она под Смедеровом в разведку ходила, как за Белград дралась... И на следующий день пришла ко мне Катя. И еще через день... И все называли нас сестренками. А тут явилась она как-то вечером хмурая, озабоченная. «Что с тобой?» «Прощай, Наташа!» Умом я, конечно, понимала, что война есть война. А сердцу не прикажешь — очень тяжело было мне расставаться с Катей... Встреча была еще более тяжкая — в госпитале... Врачи не верили, что она выживет. Под Илоком ее...

Штурм крепости Илок — памятная страница в истории боев за освобождение Югославии. Орешек оказался такой, что ни с суши, ни с реки расколоть его не удавалось. Командование сочло, что именно морякам тут первое слово. Именно они должны отвлечь внимание противника от войск, штурмовавших Илок с суши. И приказ дан такой: под те грозные стены Илока высадить десант морской пехоты.

Пятьдесят самых смелых, среди них и Катя, ночью высадились на маленький островок. Стоял декабрь. Дунаю бы утихомириться пора, а он разлился и затопил низменные берега острова. Десантникам пришлось занимать боевые позиции на ветвях полузатопленных деревьев и оттуда вести огонь. Из крепости ответили минометы. Гитлеровцы на шлюпках с пулеметами ринулись в контратаку. Раненые моряки падали в студеную воду, и Катя из реки вытаскивала их на ветви деревьев. Раненых много, потери большие. А тут и ее пуля настигла, в левую руку. Разрывная. Правой она продолжала действовать, пока не потеряла сознание. Очнулась и видит, что гитлеровцы совсем близко: островок со всех сторон окружен. Значит, конец. А, собственно, на другое моряки и не рассчитывали, шли на верную смерть. Но коль умирать, так с честью. Из левой руки все еще хлещет кровь, а из правой — огонь, правой отстреливается санинструктор Катя. И так до полудня, когда вдруг послышалось грозное солдатское «Ура!». Это советские и югославские полки, воспользовавшись отвлекающим ударом моряков, ринулись на штурм Илока.

Лишь ночью к острову десантников смог подойти бронекатер. Из пятидесяти в живых осталось только тринадцать. Подобрали и Катю.

— Дивна Катя моя! Любонька!.. В лице у нее ни одной кровинки не было. Я подняла тогда на ноги всех женщин города. Голодно нам было, а для Кати и белый хлеб, и масло, и яйца нашлись. Врач плавучего госпиталя сердится, гонит нас: «Другарицы! Для чего это? У нее всего вдоволь, не беспокойте вы, пожалуйста, ни себя, ни ее». А мы свое твердим: «Нет, это для нашей Кати!» И каждый день приходили, пока Катю в тыловой госпиталь не отправили. Провожали мы ее. И потом долго-долго вспоминали. Все наши женщины вспоминали...

Окончание. См. «Огонек» № 44.

Прошли годы. В Белград, на конференцию Союза объединений борцов Народно-Освободительной войны Югославии, приехала делегация Советского комитета ветеранов войны, и среди них — Катя, теперь уже доктор Екатерина Илларионовна Демина.

— Мы встретились в первый же день. Как двадцать лет назад, сидели обнявшись и про все друг другу рассказывали. Нашлась моя дивна Катя! А вот Виктора так и не нашла. Вы не слышали про такого инженера — Виктора Студнева? Электрик... Невысокий, широкоплечий, блондин... Он бежал из плена к партизанам. Потом воевал в русском батальоне Оранского. У нас про этот батальон все знают. Виктора под Липовцами ранило. Привезли его в больницу, в Нови-Сад, а как стал поправляться, в наш дом поселили. Месяца полтора жил он у нас. Веселый был молодой человек. Когда наши женщины организовали курсы русского языка, он на тех курсах преподавал. И с бабкой моей очень дружил, бабкой Зоркой. Он ее даже на русский концерт однажды пригласил на зависть всем девушкам с курсов...

Улыбнулась, задумалась Наташа Дивляк и, не глядя на меня, говорит:

— Если найдете его... Я, конечно, понимаю, что это очень трудно: иголка в стоге сена,— так, кажется, у вас говорят? Но вы поищите, вдруг найдете!

...Я рад сообщить вам, дивна Наташа, что и в стоге сена иногда можно найти иголку. Вы прочтете эти строки, вероятно, тогда, когда уже придет к вам письмо главного специалиста института «Фундаментпроект» Виктора Студнева. Не удивляйтесь. Адрес ваш он узнал у меня. И, пожалуйста, не браните его за то, что он рассказал мне, как вас, коммунистку, пытали в тюрьме, как вы там бунтовали, как, будучи тяжелобольной, продолжали свою бурную деятельность секретаря Женского антифашистского комитета. Я знаю, что вы не любите рассказывать об этом, да еще журналистам. Но не сердитесь, дивна Наташа!

ПО СЛЕДАМ СЛЕДОПЫТОВ

Нет, еще не все поручения Деминой удалось мне выполнить. Живут в Белграде Владимир и Любичка, брат и сестра покойного Любиша Жоржевича — боевого моряка, опытнейшего лоцмана, с которым Катя не раз ходила в разведку и память о котором хранит бережно и трогательно.

Но к Жоржевичам я иду с поручением не только от Деминой. И если быть более точным, то в первую очередь я несу туда слова пылкой детской любви и преклонения перед памятью Любиша от красных следопытов музея боевой славы школы № 12 из подмосковного города Электростали, от пионеров, среди которых, между прочим, и маленький Демин. Здесь, в музее, по существу, и началось мое путешествие по Югославии. Разглядывая «Катин стенд» — есть тут такой,— я как бы зримо ощутил грозную неприступность Илока и величавость голубого Дуная с его необозримыми далями. А потом меня провели через Железные Ворота — это там, где ласковый Дунай становится диким и суровым, где при выходе из горных теснин, пробив себе дорогу шириной в каких-нибудь 150—200 метров, он яростно ревет и клокочет, преодолевая бесчисленные пороги и перекаты. «Отряд Бороды,— скажет мне «экскурсовод», учительница Уразова,— должен был на этом участке разведать дорогу боевым кораблям флотилии. Вот тут-то во всем блеске и проявилось искусство лоцмана Жоржевича». А лоцман будто слушает Уразову и приветливо улыбается нам со стены — лихой югославский морячок в пилотке с красной звездочкой. Рядом с его портретом — портреты другарей, братьев по оружию, достославных дунайцев, советских моряков-разведчиков из отряда Бороды, как в шутку называли они своего командира Калганова. Я вижу их здесь в бушлатах и бескозырках, с напряженными лицами, обожженными военными ветрами Черного моря и Азовского, Днестра и Дуная. И еще одна большая фотография — групповая. Чинно восседают сугубо штатские товарищи, спокойные, улыбающиеся, при всех орденах и медалях. Это все те же дунайцы, но уже двадцать лет спустя. Снимок сделан 9 мая 1966 года.

Кто собрал их здесь? Пусть отвечают виновники — подмосковные красные следопыты. Сейчас я вручу Любичке скромный их подарок — альбом «Москва», а письмо, в котором про все сказано, она уже получила почтой. И с разрешения хозяйки я приведу из него несколько строк:

«Здравствуйте, уважаемые Любичка и Владимир. Мы давно не писали вам. Извините нас, ваше письмо и фотографию мы получили. Они будут храниться в нашем музее боевой славы, который рассказывает о славном боевом пути Краснознаменной Дунайской флотилии. Мы знаем, что советским морякам в их трудной борьбе против фашистских захватчиков помогали и югославы. Мы ищем этих людей. И если вы знаете их адреса, напишите нам. Может быть, среди них окажутся друзья нашего Любиша. Наши красные следопыты разыскали уже почти сто моряков-дунайцев, но мы продолжаем наши поиски... Мы бы хотели, чтобы вы написали нам о себе и еще биографию Любиша... Если у вас хранятся вещи, которыми пользовался ваш брат, то не подарите ли вы что-нибудь нашему музею?.. В прошлом году мы послали вам красный пионерский галстук. Где он хранится сейчас?

В этом году на празднование 21-й годовщины со Дня Победы мы пригласили к нам в школу всех, кого мы разыскали за эти два года... Три дня гостили у нас герои. Перед отъездом решили посадить аллею дружбы — клены. Каждый посадил свое дерево, и пионеры будут ухаживать за ними. Не забыли мы и про Любиша. Оставили место для его дерева. Мы хотим, чтобы вы прислали свое дерево нам, а мы посадим и будем растить его. Что вы скажете на это? Конечно, мы можем в память о Любише посадить русский клен, но хотелось бы получить дерево с родины нашего героя...»

Мой коллега Виктор Жунич уже давно закончил перевод письма, а Любичка все молчит. И никто из нас не смеет нарушить эту скорбную тишину. Женщина смотрит на праздничный снимок дунайцев и думает: «А ведь Любиш тоже мог быть среди них». Он умер в 46-м: сказались раны войны.

Любиш Жоржевич был еще очень молод, а хлебнул в жизни столько, что хватило бы на пятерых. Двоюродного брата, Душана, профессора математики, гитлеровцы расстреляли 21 июня 41-го года. А на следующий день расстреляли и его родного брата. За связь с партизанами гестаповцы схватили и Любиша. Посадили в тюрьму. Но он принадлежал к числу тех людей, которые никогда не сдаются и находят выход из самых, казалось бы, безвыходных положений. Партизаны помогли ему убежать. Это было в Смедерове. Пройдет немного времени, и судьба снова забросит его сюда, теперь уже вместе с советскими разведчиками из отряда Бороды — приплыли «языка» брать. А потом дунайцы пойдут дальше. Большая голубая дорога Дуная поведет их к стенам Белграда, а затем и Будапешта. И все время с боями, впереди кораблей флотилии, разведывая им путь.

...Мы еще раз увидимся с Любичкой. Она нам вручит ответный подарок пионерам и скажет: «Я обязательно пришлю ребятам югославское деревцо. Пусть оно растет рядом с русским кленом».

Я, кажется, добросовестно выполнил поручение следопытов. Более того, сам стал следопытом, отыскав еще одного дунайца, друга Жоржевича. Впрочем, если уж быть точным, то надо признать, что он сам отыскался. Однажды, придя днем в редакцию «Свет», попадаю в крепкие объятия незнакомого мне белградца. Здоровенный, круглолицый дядя полон эмоций, неуемного желания выговориться, и Виктор едва поспевает переводить его сбивчивую речь, расцвеченную фольклором наших моряков.

— Я приятель Любиша Жоржевича. Вы понимаете, что такое для моряка друг? Мы вместе били на Дунае фашистских гадов. Откуда я узнал о вашем приезде? Странный вопрос! Я же лоцман... Вы были у сестры Любиша в гостях? Были. Все, баста. Лоцману этого достаточно. Он тут же снимается с якоря и дает полный вперед — искать товарища из Москвы, чтобы передать привет дорогим дунайцам.

И тут уже сыплются фамилии, вспоминаются Борода — Калганов, Земляков, Лях, Алексей Чхеидзе—«мой кореш-сорвиголова!».

В ход пущена наша дорожная карта. Она разложена на столе, и Будемир, прихватив собеседников, отправляется в путешествие по маршруту боевого похода дунайцев. Карандаш скользит по голубой ленте реки. Уже взята крепость Илок, и сейчас моряки подгоняют баржи к Батина-Скела, чтобы навести там понтонный мост, открыть дорогу пехоте. И вот уже грянул долгий, трудный, кровавый бой. На рассвете 11 ноября от левого берега на рыбацких лодках отплыли две роты — советская и югославская. Враг встретил их огнем минометов, но в тот же миг воздух вздрогнул от грохота советской артиллерии. Плацдарм был захвачен. Но это только увертюра к Батинской битве, длившейся двадцать дней.

Будемир Петрович тяжело вздыхает: «Вода смешалась с кровью... Очень много советских бойцов погибло под Батиной».

И снова воспоминания. Бой за высоту «169», переходившую несколько раз из рук в руки. Бойцы прозвали ее «высота смерти». На той горе установлен памятник нерушимому, сцементированному кровью, боевому братству советских и югославских воинов, сражавшихся под Батиной. А карандаш Будемира Петровича пополз по карте дальше — курс на Будапешт, Вену...

Разговор переходит на послевоенные годы. Лоцман снова на флоте, теперь уже торговом. И в моем блокноте — список его друзей в Одессе и Измаиле, которым я должен передать привет от Будемира Петровича. Потом он достает из бумажника фотографию очаровательной молодой женщины и, лукаво подмигнув мне — «Что? Хороша?»,— говорит:

— Скажите ребятам,— так он их называет по старой памяти,— что если они увидят югославский фильм с участием вот этой красавицы, то пусть вспомнят лоцмана Будемира Петровича и крепенько выпьют за его здоровье. Это моя дочь, киноактриса Оливера Вучо. Говорят, что она знаменитая. Все может быть. Ах, вы уже слыхали о ней? О, это очень приятно. И что? Действительно знаменитая?

Будемир расплывается в блаженной улыбке.

— Оливера — мое самое большое послевоенное достижение. Передайте, пожалуйста, в пионерский музей ее фотографию. И вот этот снимок.

И лоцман кладет на стол еще одну, куда менее эффектную, любительскую, но очень дорогую его сердцу фотографию. Он снят с Любишем Жоржевичем. Пилотки с красными звездочками, видавшие виды военные гимнастерки, портупеи. Глаза, полные радости и тревожных ожиданий: друзья фотографировались в Вене в первые послевоенные дни. Это перед отъездом домой, в Белград.

— Пусть пионеры повесят эти два снимка рядом,— продолжает лоцман.— Мне кажется, что есть тут какой-то смысл. Как вы считаете? Кем была бы Оливера, если бы не...

Он сразу не нашел нужного слова, умолк, помрачнел и снова тяжело вздохнул. Вспомнил друга своего Любиша, вспомнил Чхеидзе, человека, которого уже после войны и в результате войны постигло большое горе — он потерял зрение.

* * *

...Я приехал в Белград с блокнотом, в котором несколько страниц были заполнены адресами и фамилиями югославов — друзей моих соотечественников. Я увожу этот блокнот с большим списком советских людей, которым должен передать привет от их друзей в Югославии. Это привет из страны солнца, которого здесь, кажется, больше всего в глазах и душах людей, преображающих облик своих республик. И я снова вспоминаю фразу, оброненную коллегой: «Блокнот, полный солнца».

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

Камчатка

Юрий РЫТОВ Фото Николая КОЗЛОВСКОГО. Специальные корреспонденты «Огонька»

ОЛЕНИ, ВЕРТОЛЕТЫ И РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ

Один старый камчадал в шутку сказал мне, что олень — самая рентабельная скотина в мире. Пожалуй, в этой шутке большая доля правды. Олень сам добывает себе пищу, ему не нужен кров. Экономисту легко подсчитать себестоимость этого своеобразного производства: единственная солидная статья расходов — зарплата пастухов. Да и то обычно одна бригада пасет стадо в несколько тысяч голов!

Но за этой сверхрентабельностью стоит сверхтяжелый труд, кочевая жизнь человека, почти круглый год оторванного от дома, от семьи.

В селе Ачайваям — столице большого Пахачинского совхоза — мы познакомились с бригадиром оленеводов Алексеем Петровичем Алетыном. Коряк по национальности, потомственный пастух, Алексей Петрович считается одним из лучших оленеводов области. Он член областного комитета партии, недавно награжден орденом Ленина. Ему сорок шесть лет. Из них по крайней мере сорок пасет оленей. Невысокий, темноволосый, с коричневым, в складках, лицом, опаленным ветром, солнцем, дождями и морозами, Алексей Петрович рассказывал о своей жизни. Он не очень-то уверенно говорит по-русски, поэтому нам помогал его сын, десятиклассник, приехавший домой на каникулы из районного центра, где находится школа-интернат.

— Хороший пастух,— рассказывал Алексей Петрович,— должен прежде всего хорошо знать пастбища, знать, в какое время и где стадо найдет достаточное количество пищи. (Алексей Петрович сказал об этом так: «Где олень может хорошо кушать».) Каждая ошибка обходится дорого. Очень трудно зимой. Особенно в гололед, когда снег становится гладким и твердым, как стекло. Оленьи копыта не могут пробить твердый наст. Спасение в одном: пастух садится на нарты и долгие часы ездит по тундре, пока не отыщет благополучный участок...

Летом табун находится в пути весь день — с семи утра до семи вечера — и проходит за это время не меньше десяти километров. Зимой стоянки продолжаются дольше, маршрут у табуна другой — кольцеобразный. Однако и зимой олени постоянно перемещаются с пастбища на пастбище. Их путь не регламентирован никакими инструкциями: только здравый смысл, только интуиция, знания и опыт пастухов.

В селе Ачайваям у всех оленеводов прекрасные новые дома. (Кстати, все детали для этих домов — доски, гвозди, стекло — привозят на самолетах. Двухквартирный дом обходится государству в 55 тысяч рублей!) Но пастухи бывают в поселках лишь несколько дней в году. А все остальное время на пастбищах живут в тех же условиях, в каких жили и их деды,— в тесных, неудобных, прокопченных юртах, довольствуясь самым скудным набором предметов бытового снаряжения. Цивилизацию до самых последних дней представляли на пастбищах лишь красные яранги — выездные клубы — да построенные кое-где на путях кочевий так называемые культбазы. Однако на эти базы пастухи в силу все тех же особенностей своей работы попадают редко. Красные же яранги, в штате которых состоят обычно каюры, киномеханик, фельдшер, библиотекарь и, разумеется, заведующий, оснащены лишь нартами мощностью в несколько собачьих сил и потому подвижны (да и то весьма относительно — не забывайте о погоде!) лишь зимой. И, конечно, сейчас пора так организовать быт оленеводов, чтобы он соответствовал нынешним возможностям техники, нынешнему уровню развития культуры...

Мне повезло: в поселковой гостинице, в большой комнате, где стояло пять кроватей, два стула и одна тумбочка, моим соседом оказался Вениамин Николаевич Казаков, заместитель начальника областного управления сельского хозяйства. Бывший секретарь Корякского окружного комитета партии, он хорошо знает область, приехал сюда изучить условия труда и быта пастухов.

Кроме нас, в комнате поселились Виктор Михайлович Пономарев, заместитель начальника Олюторского районного сельскохозяйственного управления, Костя Буряков, геолог из Ленинграда, многоопытный камчатский бродяга, ожидавший в Ачайваяме летной погоды, и Юра Шейкин, юный студент Дальневосточного института искусств, приехавший на Камчатку собирать местный фольклор.

Пресс-конференция началась рано утром, когда все уже проснулись, но еще не вылезали из-под одеял. Прерывалась она лишь могучим храпом нашего нового, шестого, соседа, никому не известного гражданина, который явился в гостиницу глубокой ночью, поставил между нашими кроватями раскладушку, не раздеваясь, лег на нее и до сих пор спал.

В ходе нашей пресс-конференции выяснилось, что Казакову принадлежит интересный проект реорганизации всей системы бытового и культурного обслуживания оленеводов. Ход рассуждений его очень прост. Главный источник лишений, выпадающих на долю пастухов,— слабая, непрочная связь пастбищ с очагами цивилизации — селами и поселками. Это произошло по двум причинам. Во-первых, из-за плохого, ненадежного транспорта, которым владеют совхозы и колхозы: собачьи нарты, в лучшем случае лошади. Во-вторых, потому, что опекают оленеводов не один, а три хозяина: дирекции совхозов или правления колхозов, снабжающие пастухов продуктами и снаряжением, управления министерства культуры, ведающие красными ярангами, и облздравотдел, руководящий медицинским обслуживанием.

Казаков предложил, во-первых, объединить силы и средства трех организаций, создав единую комплексную группу обслуживания оленеводов; во-вторых, использовать вместо нарт современный транспорт — авиацию: вертолеты и небольшие самолеты.

— А вы знаете, сколько стоит аренда вертолета?— неожиданно вмешался человек на раскладушке, оборвав свой храп.

— Могу дать точную справку,— сказал геолог.— Летный час вертолета «МИ-4» стоит 220 рублей, самолета «АН-2»— 120 рублей.

— Где вы найдете такие деньги?— осведомился человек.

— Мы все подсчитали,— ответил Казаков.— Для Пенжинского района, например, понадобится 150 тысяч рублей в год. Треть этой суммы должны дать колхозы и совхозы, треть — управления культуры, еще одну треть — облздравотдел. Должны помочь и промыслово-охотничьи хозяйства. Они применяли бы авиацию для сбора пушнины, которую попутно добывают все пастухи. Расходы не так уж велики, если учесть, что одни лишь красные яранги ежегодно платят за транспорт 30—40 тысяч рублей.

— Превосходная идея!— поддержал геолог.— Если на пастбища будут приходить вертолеты, то пастухи смогут жить в легких переносных домах, оборудованных рацией, небольшой библиотекой, электрической печью и электрической сушилкой. Вместо шкур, на которых обычно спят в юртах пастухи, в таких домах будут легкие кровати и спальные мешки. Раз в неделю или в две вертолеты перенесут домики на новое пастбище. Непосредственно у стада останутся лишь дежурные, которые воспользуются на это время обычными палатками...

— Почему бы не организовать сменную работу пастухов?— спросил Юра Шейкин.— Одни выезжают на пастбища, другие отдыхают в поселке...

— А где вы возьмете столько людей?— с иронией поинтересовался человек на раскладушке.— Пастухов и сейчас не хватает.

— Потому и не хватает,— возразил Виктор Михайлович Пономарев,— что трудная у них жизнь. Если ее улучшить, молодежь с удовольствием пойдет на эту работу. Во всяком случае, некоторые затраты на авиацию совхозам и колхозам по силам,— продолжал он.— Наш Пахачинский совхоз, например, каждый год получает не менее 350 тысяч рублей прибыли.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы вскоре с раскладушки снова не раздался могучий храп.

После завтрака Вениамин Николаевич вручил мне папку с собранными им материалами: газетными вырезками, расчетами таб-

Окончание. См. «Огонек» № 46.

Бухта Наталии. Оленеводы на отдыхе...

...и олени в пути.

РЫБА—БОГАТСТВО КАМЧАТКИ

Катя Кетина — дочь рыбака.

Геологи всегда веселы и иногда не бриты. Борис Трибунский и Александр Стерлин.

«Петропавловск» пришел в Петропавловск.

лицами. Я узнал, что некоторые оленеводы уже используют современную технику. Колхоз «Ударник», Карагинского района, забрасывает пастухам продукты и снаряжение на самолетах и вертолетах. Оклянский совхоз применяет для той же цели тракторы, Пахачинский — вездеходы, Пенжинский — тракторы и самолеты. Однако все это делается пока очень робко, это еще первые шаги. Казаков, несомненно, прав: проблему нужно решать централизованно, четко.

Однако противников проекта нашлось достаточно. Соглашаясь, что без воздушного транспорта сейчас не обойтись, оппоненты Казакова в то же время возражают против выдвинутого им принципа комплексности. И каждый из оппонентов отстаивает свои узковедомственные позиции. Авиация — дорогое удовольствие, и даже высокая рентабельность оленеводства не оправдает все авиазатраты, если каждое ведомство станет создавать собственные бригады, для которых потребуется чуть ли не в три раза больше транспорта. Конечно, комплексная работа прибавила бы забот руководителям: попробуй договорись с соседями, согласуй с ними свои планы!

РОБИНЗОН ИЗ УРОЧИЩА БОЛЬШИЕ ЩЕКИ

Мы плывем по реке Камчатке на катере. Плывем из поселка Ключи к поселку (и, по всей вероятности, будущему городу) Усть-Камчатск, расположенному на берегу Тихого океана.

Мы плывем уже не первый час. Берега стали еще круче, поднялись вверх. Отвесные скалы сжали реку. Большие Щеки — так называют это место. Вдруг скалы расступились, и на берегу мы увидели избушку в два окна.

— Смотрите,— сказал наш спутник, Анатолий Семенович Херсонский, начальник Усть-Камчатского морского порта,— гидрометеопост. Здесь лет пятнадцать жил один человек. Современный Робинзон. Сейчас он уехал. На его месте другой. Я, правда, его не видел. Говорят, помоложе.

С Робинзоном мы познакомились через несколько дней, специально для этого отправились в Большие Щеки.

Молодой Робинзон был у себя в резиденции. Едва мы сошли на берег, катер, доставивший нас сюда, отчалил. Было уже поздно выяснять, сможет ли хозяин нас принять. Лицо Робинзона выражало явную тревогу и смущение. Не очень-то часто, наверное, его посещали гости!

Робинзона звали Георгием Андреевичем Ульченко. Учтиво представившись, он пригласил нас в дом.

Мы очутились в маленькой комнатке с одним окном. У окна стоял стол и несколько стульев. Отчаянно дымила печь. Может быть, и к лучшему: в жилище Ульченко не было комаров. В соседней комнате на полу играл ребенок.

Беседа не клеилась. На все наши вопросы Ульченко отвечал скованно и односложно. Однако, откажись он вообще с нами говорить, уехать мы все равно не смогли бы: стемнело, а катер не появлялся. Пришлось оставаться на ночь.

Но потерянное время окупилось с лихвой. То ли Георгий привык к нам, но утром мы заметили, что его настороженность и скованность исчезли. Теперь он разговаривал с нами гораздо охотнее и свободнее.

На метеопосту работает не только Георгий Ульченко, но и его жена Зина. Он — наблюдателем, она — техником. Забот у них много. Несколько раз в день Георгий измеряет глубину реки и температуру воды и воздуха, определяет силу ветра, количество осадков. Зина ведет первичную обработку этих сведений и отправляет свои материалы на метеостанцию в Ключи. Особенно тяжело им зимой — нужно ежедневно в нескольких местах долбить лед.

Продукты, деньги и газету «Камчатская правда» Георгий получает в селе Камыки. Зимой ездит туда на нартах — у него восемь нартовых собак. Летом ходит на моторной лодке. Конечно, такое удовольствие он может позволить себе не чаще одного-двух раз в месяц... Впрочем, сейчас дело осложнилось. Село Камыки разделило участь маленьких камчатских деревень. Многие жители уже переселились в Усть-Камчатск. Скоро, наверное, и почта и магазины закроются...

— Не скучно ли жить без людей?

Георгий долго думает над моим вопросом. Мы стоим на берегу. Теперь и он вместе с нами пристально вглядывается в даль. Катера все нет.

Георгий — высокий, худой, у него вьющиеся каштановые волосы. Одет в штапельную рубашку с полосочками, давным-давно переставшую быть парадной, брезентовые брюки, выпачканные соляркой, и высокие рыбацкие сапоги— самая модная на Камчатке обувь. Побриться он еще не успел, но борода ему идет, придавая даже несколько стиляжный вид.

— Конечно, скучно,— наконец отвечает он.— Особенно зимой. Летом у нас еще бывают гости. Заезжают рыбаки, а то и катер иногда пристанет. Здесь чудесная ключевая вода.— Георгий показывает на ручеек, впадающий в реку.— Вот за нею иногда и приезжают речники. Ну, а зимой нас навещают лишь медведи... Зимой очень скучно.

У Георгия Ульченко, несмотря на его тридцать два года, большой и суровый жизненный опыт. Родился на Камчатке, много лет жил на Командорских островах. Мастер на все руки. Вопреки словам популярной песенки, был и кочегаром и плотником. Давно уже научился разговаривать с тайгой на «ты»...

И все-таки жизнь на отшибе, участь одинокого Робинзона требуют большого мужества. В прошлом году, зимой, в семье Ульченко случилось большое несчастье. Простудился и заболел маленький сын. Как на грех, разыгралась сильная пурга, и врач из соседней деревни не смог выехать в урочище. Георгий закутал мальчика и повез его на нартах к врачу сам. В дороге ребенок умер...

Много подобных Георгию Ульченко Робинзонов встречали мы на Камчатке. Метеорологов, вулканологов, геологов... Как правило, они живут очень далеко от населенных пунктов.

Современные камчатские Робинзоны — пионеры освоения края. Метеорологи обеспечивают устойчивые транспортные связи и в воздухе и на море. На полуострове нет ни одной железной дороги. Геологи сейчас практически подтверждают давние теоретические предположения о богатствах камчатской земли. Перспективные изыскания вулканологов, с одной стороны, гарантируют населению безопасность от стихийных бедствий, с другой — позволят лучше постигнуть суть процессов, совершающихся в земных недрах...

Но как плохо мы еще заботимся об этих людях! Как далеко отстала организация их труда от наших технических возможностей!

У Робинзонов нет компактной рации (да что там рации — нет даже полупроводниковых приемников). Нет удобной одежды. Нет средств, защищающих от лесных насекомых (хотя такие препараты давно освоены промышленностью). Нет надежного транспорта (за исключением вертолетов, которыми в последнее время активно пользуются геологи). Короче говоря, нет элементарного технического и бытового оснащения, выпуск которого вполне по плечу нашей промышленности.

И мне хочется повторить образный призыв композитора Александры Пахмутовой, обращенный к нашим хозяйственникам на последнем съезде комсомола:

— Обуем романтику в валенки!

УРОК АРИФМЕТИКИ

Пожалуй, Алексей Андреевич Житник, председатель Камчатского облплана, был одним из самых интересных людей, которых мы встречали на Камчатке. Он называет себя «трижды пенсионером». Когда-то служил в армии, вышел в отставку. Затем получил право на пенсию как геолог. Наконец, еще позже,— как обычный гражданин, достигший шестидесяти лет. Но правом своим пока пользоваться не хочет. Он очень высокого роста и, несмотря на солидный возраст и некоторую полноту, сохранил военную выправку. В гостинице поселка Тиличики, где мы познакомились, все почему-то считали его профессором.

Многие до сих пор представляют себе плановика сугубо кабинетным работником, этаким книжным червем, неразлучным со сводками и арифмометром. На самом же деле эта профессия требует не только большой эрудиции, знаний, любознательности, но и большой подвижности. Чтобы планировать точно, надежно, безошибочно, нужно много ездить, нужно самому видеть конкретные, живые вещи, скрытые за колонками цифр. Указанным качеством Алексей Андреевич обладает в высшей степени.

Наши дела в Тиличиках давно были закончены, однако уехать мы не могли. Шли дожди, облака плотно затянули небо, самолеты не поднимались в воздух. Времени для разговоров достаточно...

Естественно, говорили мы о том, что волновало больше всего,— перспективах освоения Камчатки.

Всем известно, что лов и обработка рыбы— ведущая отрасль хозяйства области. Однако не все, наверное, знают, что много лет эта отрасль приносила убытки. Лишь в 1961 году наступил перелом. Рыбная промышленность наконец-то стала рентабельной. За несколько лет она дала 150 миллионов рублей прибыли. И все-таки... Все-таки, несмотря на эти, казалось бы, внушительные цифры, Камчатке еще долго предстоит находиться на иждивении у других, более рентабельных областей. Ведь капитальные вложения в Камчатку в несколько раз превышают ее отдачу — по крайней мере в нынешней пятилетке.

Вот это обстоятельство и определяет главную хозяйственную проблему области. Экономисты сформулировали бы ее так: как наиболее эффективно использовать капитальные вложения? А если говорить попросту: как побыстрее расплатиться с долгами?

Что для этого нужно?

Алексей Андреевич утверждает: во-первых, необходимо комплексное решение всех насущных вопросов. Во-вторых, надо немедленно, не откладывая, приступать к магистральным, узловым делам, открывающим доступ ко всем остальным.

Наша беседа с А. А. Житником походила на урок арифметики. Он ставил условия задачи: дано, требуется определить. Мы пытались найти правильный ответ. Часто ошибались. Но, к несчастью, не были в этом оригинальны. Алексей Андреевич рассказывал, что иногда точно такие ошибки совершали гораздо более знающие люди — экономисты и плановики.

Вот одна из нескольких подобных задач, предложенных нам А. А. Житником. В нынешнем году улов рыбы на Камчатке составляет примерно пять миллионов центнеров. К концу пятилетки должен вырасти до десяти миллионов. Что следует для этого предпринять?

— Соответственно пополнить рыболовецкий флот.

— Верно,— согласился Алексей Андреевич.— Так оно и решено. И все?

Мы пожимаем плечами.

— Кроме того, нужно значительно расширить судоремонтные заводы и оснастить их хорошей техникой. Но об этом пока никто не позаботился. Между тем уже сейчас наши суда много месяцев стоят на приколе, ожидая ремонта.

Но и это не все. В прошлом году мы получили четыре с небольшим миллиона тонн центнеров рыбы. А могли бы пять и даже пять с половиной, если бы располагали достаточной приемной базой. Таким образом, решение гораздо сложнее. Но об этих сложностях недостаточно подумали в Госплане. Необходимые пропорции в развитии рыбного хозяйства пока не соблюдаются...

Не стану утомлять читателя пересказом всех решенных нами совместно с Алексеем Андреевичем Житником задач. Поверьте на слово: их было очень много...

...Однажды утром мы увидели над Тиличиками солнце. Через полчаса были на аэродроме. Мы разъехались, точнее, разлетелись в разные стороны. Но часто вспоминали А. А. Житника — его энергию, его убежденность в собственной правоте, его ясную логику. И мы уверены: он непременно добьется верного ответа на свои задачи. И в этом ему активно должны помочь его коллеги из Госплана СССР. Только при таком условии будет быстро обживаться Камчатка —богатейший и перспективнейший наш край.

Здесь мой дом

Валерия ГЕРАСИМОВА

Рассказ

Рисунки Л. Хайлова.

1

Все проходило на должном уровне. Состав президиума был умело подобран: на сцене за столом, укрытым пурпурным бархатом, сидели ведущие представители архитектурного искусства трех поколений — старшего, среднего и кое-кто из молодых.

Было много цветов — и на столе президиума и у рампы.

Выставили также макеты лучших работ юбиляра, в частности созданный им в пору наивысшего творческого расцвета «Дворец материнства».

Семидесятипятилетний юбиляр выглядел так, точно всю свою предшествующую жизнь готовился к данному событию. Был он по-стариковски живописен, с аккуратно выложенной на старомодную манишку длинной библейской бородой. Некогда эта борода казалась чуть ли не демонстративной. Но постепенно к ней привыкли, даже оценили. На торжественных вечерах, особенно на приемах с иностранцами, она выглядела импозантно — традиционно «по-русски». Ее обладатель часто попадал под кинокамеру или телеобъектив.

Конечно, с годами борода поредела, стала сквозить, и среди хвойных гирлянд и цветов заострившееся старческое лицо вызывало смутное представление об иной, куда менее ободряющей церемонии.

Ощущал это и ответственный организатор вечера Федор Максимович Горохов. Ведь ему предстояло первым выступить с приветственной речью.

Но он спокойно-добродушно посматривал в такой знакомый ему, переполненный сейчас многоцветный, многозвучный зал «Дина». Так сокращенно назывался «Дом искусства и науки», где происходило чествование.

Опытный оратор и общественник, Федор Максимович твердо знал, что надо отвлечь аудиторию от вполне возможных невеселых ассоциаций и сразу же создать иное, лишь праздничное настроение.

Ведь сверстники юбиляра есть и в зале и даже рядом, здесь, в президиуме. Лучше всего начать с легкой, дружеской улыбки. «Сухотки» и без него будет достаточно: стоит только взглянуть на соседа, почтенного членкора академии,—тот уже заранее выложил перед собой чуть ли не фолиант, как видно, текст предстоящего выступления. Уж он не пропустит ни одного из деяний юбиляра, а попутно подробно поговорит и о своих собственных.

Да, если прикинуть на глазок, чтива у него никак не меньше, чем на час. И все это глухим, идущим словно откуда-то из-под пяток, поистине гробовым голосом!

Может быть, и начать с маленькой, дружеской улыбки в адрес этого факельщика? «Я вижу, что в честь дорогого юбиляра готовится салют из мощной, тяжелой артиллерии (шутливый кивок на фолиант). Я же, как представитель иного, более легкомысленного рода оружия... и к тому же обычно бьющий мимо цели — а это подтвердят присутствующие в зале члены общества «Охотник-любитель».

И далее имена кое-кого из недавно им же организованного для коллег охотничьего кружка.

Такое начало хотя немножко и легковесно, но далеко от всякой казенщины, а главное, сразу же настроит аудиторию на веселый лад.

Впрочем, на «тяжелую артиллерию» может обидеться этот гробовщик (Федор Максимович еще раз покосился на мрачного членкора), для него юмор, даже самый дружественный,— понятие чуждое, почти враждебное. А всем известно, что человек он тяжелый, злопамятный, способный затеять то или иное «дело» и даже с подачей заявления. Потом расхлебывай всю эту нудьгу...

Нет, растопить юбилейный чугун надо исподволь! Осторожненько, ни на волос не затрагивая чьего-нибудь самолюбия. Можно, конечно, начать шутливо, хотя, по правде сказать, довольно банально:

«Поздравляю самого молодого из всех здесь присутствующих!»

И дальше о комсомольском задоре, о нестареющем взоре... Нет, отставить! Эти юбилейные «вечно молодые» старцы — тоже казенщина, только подсиропленная.

Впрочем, стоит ли заранее ломать голову? Опыт подсказывал: что-нибудь да найдется! Особенно на трибуне под электризующим взглядом аудитории. А улыбку оставить. Не угнетать, а порадовать людей!

Ведь за это они ценят и даже — без ложной скромности — любят его! Во всяком случае, много лет одаряют своим доверием, избирают на нужную им всем, серьезную общественную должность. А он служит людям как умеет.

Как и рассчитывал оратор, помог случай.

Да, чистая случайность... Уже направляясь к трибуне, также украшенной гирляндами и цветами, он случайно толкнул самый крупный макет, под мрамор с золотом,— копию наиболее известного создания юбиляра —«Дворец материнства».

С этого крошечного эпизода и начал. Подходя к трибуне, даже подыграл немножко, чуть прихрамывал на якобы ушибленную ногу:

— Прочно же стоят созидания Евграфа Петровича, даже вот в таком виде! А уж в оригинале стоять им, как говорится, «на века»! А если и случаются петушиные наскоки (это был намек на недавнее и довольно бесцеремонное выступление в печати),— правда, в дискуссионом порядке — кое-кого из молодых «петушков», то результат, товарищи, вы сейчас видели! (Смех.) Пусть же под стать своим созиданиям, нестареющим, закаленным в боях, будет и наш дорогой старший товарищ и учитель!

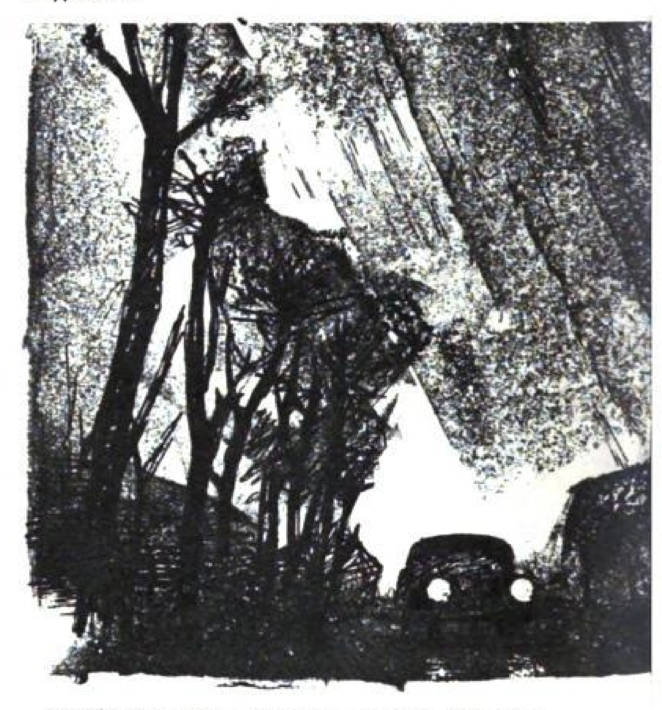
Всем корпусом обратившись к юбиляру, Федор Максимович горячо зааплодировал, и зал дружно подхватил эти аплодисменты.

В этом было многое: и то, что так или иначе, а старик на своем веку все же немало поработал, и то, что теперь он — не в пример иным временам — уже давно никому не мешал, ни с кем не конкурировал. Трогало даже то, что в первом ряду виднелась до смешного старомодная прическа престарелой его супруги и бантики двух внучек.

Свое теплое, а главное, ни на секунду не затянувшееся выступление оратор закончил также под общие аплодисменты. А дальше, словно побывав в руках опытного акушера, собрание пошло в нужном направлении.

На сцену, салютуя, выбегали пионеры, множились приветственные адреса — пирамида папок в различных переплетах — кожаных, бархатных, парчовых и даже пластмассовых — все росла и росла на столе президиума. Панихидное зачтение членкором основного доклада прошло как-то облегченно.

Блеснул эрудицией в своем выступлении и один из лауреатов Государственной премии, некогда нередко проектировавший вместе с юбиляром, сделавший карьеру под его руководством.

Оратор удачно упомянул, правда, без прямого навязчивого сопоставления, великих мастеров зодческого искусства. Прозвучали имена Браманте, Растрелли и даже Микеланджело. Затем оратор связал творческие устремления юбиляра с русскими талантами — от Баженова и Казакова до Щусева и Жолтовского.

Горячо выступали представители смежных организаций — от Союза художников, от скульпторов, от инженеров-строителей... От Союза писателей приветственную оду, также приправленную дружеской улыбкой, темпераментно прочла довольно известная, немолодая, несколько злоупотребляющая косметикой поэтесса.

Старик пожимал чьи-то руки, кого-то «по-русски» истово обнимал, даже лобызал, а когда хор молодежного ансамбля «Дина» грянул «Многие лета, многие лета!», слезинка скользнула в патриархальную его бороду.

Не было недостатка ни в яростных вспышках магния, ни в стрекоте съемочного киноаппарата.

Горохова тревожило лишь одно: жена, обычно до педантизма аккуратная, пришла с явным запозданием. Даже пропустила его выступление, хотя и знала, что оно будет первым. За все восемь лет их совместной жизни такого не случалось. Только внешний вид ее несколько успокоил Федора Максимовича — как всегда, скромно-элегантный и достойный. И уселась, согласно своим правилам, не в первых рядах, на что имела полное право, а где-то подальше, в средних.

Никогда Инна не лезла вперед, никогда себя не выпячивала. И все же никогда не проходила незамеченной.

Так было и сегодня.

Как всегда, костюм ее строго соответствовал духу происходящего события. Что-то неброское, приглушенных тонов, но далеко не траурное. Лишь на плечах, подчеркивая праздничность вечера, маленькая накидка из поблескивающего искорками легкого меха — предмет так и неразрешенного женского спора: настоящая ли у Инны Васильевны норка или великолепная имитация зарубежного происхождения?

У Федора Максимовича сложилось впечатление, что точно этого не знает и сама Инна...

Во всяком случае, она умела с превеликим искусством уклоняться от того или иного нежелательного вопроса.

Федор Максимович пытался хотя бы в отдаленной степени овладеть этим мастерством. Особенно позабавило его, когда Инна на вопрос одной из бесцеремонных дам о ее возрасте простодушно ответила, что, во всяком случае, она наверняка старше той, которая ее спрашивает.

И что поразительно: в довольно короткий срок, и, казалось, не делая особых усилий, она сумела не только примирить с собой, но даже

завоевать симпатию активисток «Дина», самых завистливых и некрасивых.

Они прошли мимо тех неведомо кем занесенных сплетен, будто у Инны Васильевны это далеко не первый брак, а у него имеется где-то оставленная семья...

Больше всего подкупало то, что Горохова не какая-нибудь увязшая в быту, стандартная домохозяйка, а также и не помешанная на тряпках «стиляжка», а истинно современная женщина со своим собственным твердым местом в жизни. Импонировало и звание кандидата наук и то, что ее имя иногда появлялось в печати, хотя преимущественно в женских журналах. Пописывала она и об эстетическом воспитании и на моральные темы. Последняя ее брошюра, «Большое сердце», вышла с чеховским эпиграфом: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Наконец, Инна Васильевна была одной из самых энергичных активисток «Дина».

«Комплексная женщина»,— называл ее известный оформитель советских выставок за рубежом Макушин. И эта оценка привилась.

И все же что-то произошло! Только муж мог это определить по едва заметной, но знакомой ему примете. Он никак не мог уловить взгляда ее чуть оттененных тушью ярких глаз. Да, в иные минуты Инна умела смотреть и в то же время как бы не видеть человека.

В чем же он на этот раз провинился?

А ведь в антракте, а особенно по окончании торжественной части вечера, Инна будет ему просто необходима. Без нее он буквально как без рук!

В специальной, известной лишь избранным синей комнате должен состояться все увенчивающий банкет.

Там должны присутствовать заранее строго отобранные лица. Список этот, правда, из года в год почти не менялся. Но все же следовало обладать отличной памятью и сноровкой, чтобы пригласить именно тех, к о г о н а д о, а главное, сделать это тихо, незаметно. Вот хотя бы этот гробовый, а к тому же тугоухий членкор, что прогудел свой доклад. Оно то неоднократно бывал в синей комнате. И все же в ответ на приглашение может на весь зал загреметь: что? куда? зачем? Привлечет всеобщее внимание, а там не оберешься разговоров об антидемократизме, об элите, об отрыве от масс и обо всем прочем!

По всем признакам подвыпивший подонок Лугин уже иронически поблескивает припухшими глазками, словно петух нацеливается на спелое зерно.

Ну, это-то личность в своем роде отпетая... Цена ему всем известна, и все же... Да, присутствие Инны на банкете будет всем не только приятно, но и полезно. Хотя и маленькая, но крепкая у нее ручка! С ней все пройдет как по маслу. Даже беспардонный Лугин ее побаивается.

Федору Максимовичу вспомнилось, с каким искусством жена воспроизводит веселую имитацию грузинского тоста «Я пью этот маленький бокал с огромным чувством!». Он невольно усмехнулся...

А попробуй развесели хотя бы вот эту священную корову — Горохов покосился на дородную супругу члена коллегии Госстроя — или вон ту унылую перламутровую лысину...

Что ни говори, а без Инны такого юбилейчика ему не провернуть!

2

Вопреки ожиданию в антракте она первой подошла к нему. И начала как раз с того, что его беспокоило.

— Смирницких, как?

— Конечно,— кивнул он.

— Обоих?

— А как же иначе?

— Закса?

— Угу.

— А Грибковых?

Федор Максимович неодобрительно повел бровью.

Тут, приветливо улыбаясь, неожиданно подошла сама Грибкова. И Инна Васильевна, сердечно с ней поцеловавшись, заговорила совсем о другом — о работе недавно ею организованного кружка художественного внутриквартирного оформления.

Подходил еще кто-то и еще с чем-то...

Лишь ответив на самые разнообразные вопросы, Инна Васильевна отвела мужа в сторону. Они очутились за массивной, с позолотой, витой колонной. Кстати, антично-боярский, не так давно реконструированный зал «Дина» был последним творением юбиляра.

— Скажи, кто такая Козлухина? — понизив голос, но все так же приветливо улыбаясь, спросила она.

— Козлухина?

— Да, Козлухина.

— В первый раз слышу!

И в то время, как Федор Максимович, не отличавшийся — особенно в былые годы — излишним пуританизмом, мысленно перебирал все возможные женские имена, фамилии и даже прозвища, Инна Васильевна впервые за весь вечер всматривалась в него ясно и зорко.

— Честное слово, в первый раз слышу,—наконец с искренним облегчением произнес Федор Максимович.

— А ты подумай получше. Инициалы Е. П.,— напомнила Инна Васильевна.

— Е. П.? Ей-богу, не знаю!— Федор Максимович чистосердечно взглянул на жену.

С годами веселые его синие глаза несколько подпухли и повыцвели, но и сейчас все же были красивы, а при случае и выразительны.

— Значит, это шантаж,— с характерной для нее сдержанностью заключила Инна Васильевна.— Вот посмотри сам,— протянула она мужу записку.— Попросила срочно передать тебе. Какая-то дикая...— Инна подыскивала термин,— особа. Заявилась прямо на дом. Без телефонного звонка, без предупреждения... Прости, что записка в таком виде, но все это она нацарапала при мне прямо на подоконнике... Разберешь?

— Это не так просто! — заглянул в помятый листочек Федор Максимович.

Инна Васильевна усмехнулась. Больше в этот вопрос углубляться она не захотела. Не в ее правилах была так называемая супружеская сцена.

Ждали иные, неотложные сейчас дела: надо было достойно завершить столь удачно проходивший юбилейный вечер.

Почерк, нелепый какой-то, кувыркающийся, точно пьяный, сразу же насторожил Федора Максимовича. А какое обилие кавычек!

Размашистая подпись действительно ровно ничего не говорила. «Козлухина Е. П.».

«Уважаемый «товарищ» Горохов! Немного стыдно «Вашему величеству», что я, как говорится, на своих двоих обегала не одно учреждение, а также справочное бюро, чтобы наконец добраться до Вашего «палаццо»! Да, «уважаемый товарищ», на своих на двоих! У меня после некоторых невеселых событий на ногах, а особенно на левой, сужение сосудов и явление неврита. Конечно, от Вас такие «мелочи» жизни далеки, как от аллаха!..

Ну, да бес с ним, еще подумаешь — завидую... Если бы дело не шло о Ч е л о в е ч е с к о й ж и з н и, ты бы и носа моего не видел! На принижение своего личного «я» попрежнему не способна. Лучше околею!

Небось, еще помнишь «ндрав» лохматой девчонки с Шайтановки? За вторжение в ваше спокойствие извиняй! Дело уж очень большое! У «нее» последние дни. Появились пролежни и глубинные хрипы. Но духом, как всегда, несгибаема и полна оптимизма. Стопами Коли Островского...

Больше писать не хочу. Еще разревусь на глазах у известной тебе дамочки. Спеши, пока не поздно!

Мой адрес: Здесь, Хлебный переулок, 11, комната 125 (бывш. общежитие). Козлухиной Е. П. Телефона не имеется».

«Последние дни»? «Человеческая жизнь»? Чья жизнь?

С тех пор, как Горохов на фронте потерял единственного сына, казалось, ничья иная жизнь по-настоящему его не волнует и взволновать не может. Еще раз взглянул он на записку.

«Палаццо»,— сердито выхватил он словцо.

А ведь у него всего-навсего сорок пять метров, к тому же одна из комнат проходная. Только Инне с ее умением и вкусом удалось сделать так, что у них уютно и красиво, что к ним охотно приходят не только те, которые по тем или иным причинам н у ж н ы, но и иные, подчас самые обычные люди. Хотя бы те же Грибковы.

В обстановку, хотя и вполне современную, Инна сумела внести что-то свое, чуждое трафарету и обывательщине. Взяла, например, и вместо солидного абажура прикрыла лампу самым обыкновенным красным зонтиком... Многие стали ей подражать. Грибкова, например, употребила даже летнюю соломенную шляпку. Ну, это уж слишком!..

А письмишко... Конечно, какая-нибудь городская сумасшедшая! Они не перевелись, все еще существуют. Только подновили свой репертуар социальной демагогией. Для таких, как эта безвестная Козлухина Е. П., всякий, кто ежедневно бреется и хотя бы раз в неделю меняет белье, уже буржуазный перерожденец!

А скорее всего под этими выкриками таится какое-нибудь простенькое житейское требование: наверно, содействовать улучшению жилищно-бытовых условий, обязательно с раздельным санузлом и чтобы поближе к метро.

К нему, как к признанному общественнику (хотя бы в масштабе своей организации), частенько обращаются с подобными просьбами. И, как может, как умеет, он совершенно безвозмездно помогает людям.

Однажды даже уступил заманчивую туристскую путевку Каир — Александрия, из-за чего серьезно поссорился с Инной. А поехавший туда субъект сейчас прошел под руку со своей похожей на кенгуру супругой и даже не взглянул на него.

Как это? «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти»... Горохов вздохнул. Уйти...

Но куда уйти?..

Годы не те, чтобы затевать что-то новое. А о былой творческой работе и помышлять нечего!

Отстал. И устал.

Волосы и те, особенно последние годы, лезут и лезут, как проклятые!

Инна Васильевна раздобыла ему какой-то особенный, японский, укрепляющий корни лосьон. И все же в день его собственного «...летия» он наверняка будет с лысиной...

А может быть, записка от чьей-нибудь разгневанной мамаши? Но, честное слово, последние два года ему не в чем себя упрекнуть. С Зиночкой Ольховой дело до сих пор на точке замерзания. Чистая платоника.

Мила, конечно... Но, видно, он устал, взял да и устал.

В конце концов это приходит к каждому...

Федор Максимович еще раз провел ладонью по редеющим волосам...

А ведь когда-то в их молодежном отряде ребята даже дали ему кличку «Чубатка»: такая была у него буйная грива! Расческа не брала... Шура любила тонкими, прохладными своими пальчиками перебирать его залихватские вихры. Так тихо перебирала, что иногда он, положив ей голову на колени, засыпал. А чаще грезил о чем-то... Уж очень доверчивыми были ее прикосновения. И, пожалуй, материнскими. Откуда это бралось у такой желторотой девчонки? Просто удивительно!

Впрочем, что об этом вспоминать? Было, да сплыло!

Оптимист по природе, Федор Максимович не любил раздумывать о том, чего уже нельзя ни вернуть, ни тем более исправить. Иначе споткнешься в сегодняшнем настоящем деле. Да так, что и нос раскрасишь! Вот сейчас все проходит на хорошем уровне. А Инна, наверное, уже хлопочет в банкетной синей комнате. Ему же надо поспешить на сцену. Проверить, что и как...

Сейчас он угостит публику свеженькой программой любимого всеми самодеятельного ансамбля «Диазка». И название он сам придумал — производственное, но с некоторым смысловым подтекстом. Диазка — это светокопия на кальку. Вот и поднесет он светокопию с некоторых явлений и даже лиц! Особенно удался этот хор чертежниц и врывающееся в него горестное соло басом одного из «госампирщиков»...

Они позволят себе чуть-чуть посмеяться, даже над слишком выспренним юбилейным славословием. Конечно, в меру, без переборов, чтобы старикан не обиделся.

Оживут люди!

3

Выступление «Диазки» действительно развеселило публику: дружно аплодировали, смеялись. Даже те, кого немножко ущипнули, тоже аплодировали. Особенно понравился хор чертежниц... Сколько было в этом ансамбле юности, задора да и просто славненьких мордашек!

Без каких-либо срывов и неловкостей удалось пригласить и всех намеченных в синюю комнату.

Там также было как подобает: и шампанское в запотевших ведерышках, и заливное из осетрины, и цыплята-табака, и икорка, и черный кофе с коньяком. Были даже небольшие новшества — разноцветные соломинки из пластмассы для потягивания крюшона и похожие на брошки, затейливые, крошечные тарталетки.

Опыт зарубежных поездок Инны Васильевны чувствовался в этих мелочах. А с каким психологическим чутьем были рассажены гости за столом!

Никого она не оставила в тени, никого не обидела, а все же сумела воздать должному должное. Как всегда, не боясь конкуренции, пригласила самых хорошеньких из участниц «Диазки». Их молодость точно осветила ряды солидных гостей. Окончательно расшалившийся юбиляр даже отхватил с одной из «диазок» старомодную (с забавной утрировкой) польку-бабочку. Библейская борода его так и взмывала...

Чуть подгадил неведомо как прорвавшийся в синюю комнату пресловутый Лугин... Он даже успел выкрикнуть что-то крайне неуважительное по адресу юбиляра. Но тут же, по мановению руки Инны Васильевны, его выставил опытный официант...

Этот эпизод не огорчил публику, а скорее развеселил, в том числе и Федора Максимовича.

Огорчило его совсем другое: два человека, чье присутствие было ему по-настоящему дорого, ушли в самый разгар веселья: его бывший соавтор талантливейший Кравцов и тоже ярко талантливый молодой скульптор Петя Матюшин.

Обычно, когда на подобных празднествах официальные обязанности Горохова заканчивались, он подходил к одному из них и отводил душу в «трепатне», как подчеркнуто легкомысленно называл он эти беседы.

А лучше всего, когда случалось им разговаривать дружной тройкой.

Дело, конечно, не в том, что Кравцов за последний свой проект экспериментального жилого ансамбля был отмечен высокой наградой и на работавшего вместе с ним Петьку также упали лучи славы. А в том, что... Но стоит ли рассусоливать, как и почему ты любишь? Почему уважаешь? Но для Федора Максимовича их присутствие было какой-то невидимой твердыней среди всех этих тарталеток и салфеток, среди какой-то, в сущности, утомительной для него пестрой и повизгивающей карусели... А может быть, ему просто нравилось некрасивое, с плоской переносицей, как у боксера (позднее он узнал, что тот и правда занимается боксом), мальчишеское лицо Матюшина или мужественная красота и спокойно насмешливые глаза уже седеющего Кравцова? Этим крепким, красивым человеком одно время как будто была увлечена Инна Васильевна.

На секунду вспыхнуло воспоминание об особом голосе Инны, когда она разговаривала с Кравцовым по телефону... Да и Кравцов тогда частенько к ним захаживал... Федор Максимович строго к себе прислушался. Ему больно? Да нет! Нисколечко! Почему? На это он даже самому себе затруднился бы ответить... А вот что сегодня не с кем будет отвести душу—это факт. И факт очень печальный. Если только оба не пошли вниз играть в бильярд... Вышвырнув из ледяного стакана пластмассовую соломинку, он залпом осушил бокал крюшона. Потом второй, с какой-то идиотской ягодкой на самом донышке. Затем хватил рюмку армянского коньячка.

После этого им овладело дерзкое и одновременно слезливое желание, подобно Лугину, гаркнуть нечто совсем неуместное, а в данном случае даже непристойное.

Ну, хотя бы что вот в этой самой комнате, где сейчас пьют и жуют, некогда ставили гроб с покойником. И молчаливые люди с черно-алыми траурными повязками один за другим проходили мимо. Вот там, где на столе сейчас бутылки и блюдо с тарталетками, лежал Женька Донцов. Раскроенный его череп умело прикрыли тяжелой хвойной гирляндой.

Объяснили, что это, мол, трагическая случайность на стройке: подвыпил малость молодой человек, вот и сорвался вниз. Может, так оно и было. Но боль, еще до сих пор живая, так и пронзила Горохова. Взять хотя бы почтенного юбиляра... Когда-то по его почину Женьке пришили черт его знает что — чуть ли не презрение к Родине... Накрутили такое... Тогда этот старикан выглядел не столь патриархально. На мясистом лице играл румянец... А какой петардой, бывало, взрывался на собраниях! Вот подойти сейчас и дернуть за апостольскую бороду — вдруг наклеена? Эх, Женька, Женька, друг незабываемый! Прости.

Чтобы заглушить боль, Федор Максимович снова подошел к столу с винами, хотел налить уже не рюмку коньяка, а хлопнуть целый бокал. Но тут, как всегда, с поражающей его чуткостью подоспела жена.

— Освежись-ка, Федюка (это было домашнее прозвище),— протянула она стакан с весело пузырящимся нарзаном.

Покорно — очевидно, уже выработался условный рефлекс — Федор Максимович залпом выпил бодрящий, отрезвляющий напиток.

Но на этот раз наваждение все не проходило...

Неожиданно перед ним возникла грубая, малограмотная записка, особенно эти ее многозначительные кавычки, намекающие на что-то подловатое и нечистое.

Странно, но лишь теперь, когда голова его кружилась, Федор Максимович почувствовал, что схожие интонации он точно когда-то слышал...

Но когда? Где?

Тут к Горохову легко, почти неслышно ступая, подошел старый, давно известный ему гардеробщик «Дина» Осип Степанович, или, как чаще его звали запросто, дядя Ося.

С великолепно отработанным приемом дядя Ося, как бы разыскивая на столе оставленный кем-то номерок от вешалки, успел шепнуть Федору Максимовичу, что его нанизу ожидает «какая-то...— тут он, подыскивая слово, слегка запнулся,— какая-то... товарищ».

4

В гардеробной «Дина» за левой вешалкой имелась довольно глубокая ниша. Это было известно не только дяде Осе, но и Федору Максимовичу. Некогда в разгар «украшательства» эту непонятную нишу озарял вделанный в стену фонарь, напоминавший древнехристианский светильник.

В годы войны кто-то его отбил, как видно, для бытовых нужд, и с той поры в нише царил приятный полумрак, весьма устраивавший жаждавшие встречи сердца.

Эта особенность значительно пополняла скромный бюджет Осипа Степановича, впрочем, строго следившего за соблюдением нравственности в определенных границах.

Не без живости сбежав по лестнице, Горохов, нырнув за вешалки, нетерпеливо заглянул в романтический полумрак ниши. Смутным видением ему уже мерещился милый облик Зиночки Ольховой.

Нечто совсем иное — прямоугольное, твердокаменное, даже схожее с театральной статуей командора — внезапно выступило перед ним.

Вероятно, Горохова пробрала бы невольная, почти мистическая дрожь, если бы эту каменную фигуру не увенчивала модная сейчас, схожая с вертикально поставленной дыней, неистово оранжевая волосатая шляпа. Он хотел уже обратиться в бегство, а попутно и пожурить дядю Осю за редчайшую в его практике ошибку, как вдруг губы изваяния дрогнули, и он услышал хрипловатый, но до странности напомнивший ему кого-то голос:

— Не узнаешь, Чубатка?

Горохов всмотрелся еще острее. Фигура не без лихости двинула угловатым плечом и шутливо вскинула руку в пионерском салюте. И тут, озаренная светом воспоминаний, перед ним возникла подруга комсомольских лет Евка Рóзина. Евка, лохматая Евка Розина, что жила за Шайтановской заставой...

— Это ты — записку? — тупо спросил он.

— Точно!— по-современному отрапортовала женщина.

— Почему же Корзухина?

— Козлухина,— резко поправила его.— Это по мужу. Настоял, чудак! Обывательщинка заедала. Но на фронте, под Берлином, погиб героем.

Ева смело взглянула на Горохова.

— А ты сдал, сдал, красавчик! И брюшко, и лысеешь!

Да, это была все та же памятная ему жестокая Евкина прямолинейность.

— А я еще в него влюблена была, страдала, дуреха!..

Федор Максимович поежился, оглянулся... Но, к счастью, у раздевалки никого не было, а его верный дядя Ося, как всегда в подобных случаях, стоял на стрёме.

Щелкнув зажигалкой, Розина нервно прикурила. Беглая вспышка на мгновение озарила ее лицо.

Оно было истерзано глубокими морщинами, словно все то время, что они не видались, кто-то рвал его на части. Тем более поражала претендующая на последнюю моду оранжевая дыня на голове.

— Нехороша? — усмехнулась женщина.—Физиономия, что и говорить, у меня нефотогеничная. Одно вывозило! — Ева выдернула из-под дыни серо-черную кудрявую прядь.

— Да, волосы у тебя всегда были замечательные! — испуганно подтвердил Горохов.

— В свое время не оценил, чертяка,— беззлобно усмехнулась женщина.— Да кто вас разберет, чижиков...

И, тут же погасив блеснувшую металлом улыбку, спросила грозно:

— Что же, товарищ Горохов, стоять будем или поедем?

Этот мгновенный переход от бесшабашной улыбки к гневу тоже был таким же, как когда-то...

— Поедем? Куда? — стряхивая с себя дурман воспоминаний, спросил Горохов.

И тут прозвучало единственное для него имя:

— К Дунаевой.

— К Дунаевой? К Шуре?

— В записке я так прямо не сказала. Боялась, что твоя дамочка тебя не отпустит. У них на такие дела ухо востро... Как же сам-то ты не расчухал! — В голосе женщины зазвучала горечь.— Как сам-то?.. Ну, нечего зря балакать! Поехали!

— К Саше? — еще раз спросил Горохов.

— Ты что, не понимаешь? Или прикидываешься? Поверь, из-за собственной своей персоны тревожить ваше семейство не стала бы!

— Но... как же... Что же с ней?

Федор Максимович спиной как бы втиснулся в холодную стенку ниши.

— Как? Слишком много пережил человек. Думаю, не без твоего содействия,— ядовито и горестно усмехнулась Розина.— На этой почве обычно и бывает...

— Что?

Словно перед ударом в лицо, мужчина даже прижмурился...

— Канцер! — выстрелом щелкнул краткий ответ.

Дальше все замелькало, точно в бессвязно смонтированном, модернистском фильме, финалом которого было одно — смерть. Особенно нелепо было то, что прокручивался он под звуки долетавшего из синей комнаты слащавого штраусовского вальса. Размашисто швырнув окурок, Ева отважно вышла из полумрака ниши на свет.

— Едем, Федор! А то можем...

— Что?

— Опоздать.

Еще минуту назад Горохову показалось бы безумием подобное предложение. Уехать, не закончив вверенного ему мероприятия? Ни словом не предупредив жену? И главное, отправиться именно туда, куда, по необъяснимым для него причинам, в иных случаях такой терпимой Инной Васильевной путь ему был безоговорочно запрещен! И все же чем-то более безусловным, чем разум, он знал, что вопреки всему он должен, он обязан немедленно ехать!

В поисках такси, как был, без пальто, без шляпы, он выбежал под осенний, пронизывающий дождик. Такси не было. Стояло лишь несколько частных машин, при свете из окон весело поблескивающих мокрыми боками. В одной из них, склонившись над дорожными, карликовыми шахматами, сидели Кравцов и Лугин.

Горохов не удивился: он знал поразительную способность Лугина, когда надо, мгновенно трезветь и даже включаться в напряженную умственную деятельность. Горохов рванул ручку двери.

— А-а... пионервожатый!— ничуть не удивившись, пропел Лугин.— И ты, Брут, сбежал с этой кремации? Небывало! Даже супружница не задержала... Изумительно!

— Перестань, Боря!— поморщился Кравцов.

Странные отношения связывали двух этих столь несхожих людей: Кравцов, как видно, находил для себя что-то занятное в циничеcких словоизвержениях Лугина; а того, возможно, привлекала внутренняя сила и одаренность Кравцова. А может быть, и что-нибудь попроще, хотя бы вроде этой первоклассной машины.

— Эх, взорвал бы я к чертовой матери все эти Евграфовы избушечки-небоскребушки! Всю эту эклектическую окрошку из французского с нижегородским! Подумайте, в последнем своем творении вместо лифта закатил чуть ли не Иверскую часовню. Все в позолоте. Туда, не перекрестясь, и входить не посмеешь. А вы ему и икорку, и шампанского, и девулю! И какую девулю!— не унимался Лугин.— Секс-бомба!

— Перестаньте трепаться!— В голосе женщины прозвучала такая сила, что Горохов невольно вспомнил былые выступления никогда и никого не боявшейся девчонки с Шайтановки. Евке приходилось один на один выступать среди толпы взбаламученных белыми, разъяренных солдат-дезертиров; ей же случалось останавливать яростные потоки мешочников и с револьвером в руке выискивать среди них спекулянтов.

Когда на дутовском фронте выбило комвзвода, эта самая Евка Розина взяла на себя командование... В том бою и его ранило в первый раз. Перебит был почти весь их молодежный отряд «Третий Интернационал», а Шура, подоспев, оттянула его на своей шинельке за сосну и перевязала косынкой. Спасла...

Но надо же к ней, и как можно скорее! Рассказать все Кравцову? Но здесь этот грязненький Лугин...

Тут Розина, даже не посоветовавшись с ним и, видимо, мгновенно определив, кто в машине главный, энергично склонилась к Кравцову и страстно зашептала ему что-то на ухо. Невозмутимо выслушав этот страстный и, как видно, неотразимый шепот, Кравцов с чисто шоферской интонацией только и спросил:

— Куда поедем?

Подчинявшийся во всем Кравцову, Лугин даже не осмелился переспросить, что же произошло. Почему спокойно-разумный, всеми почитаемый человек вдруг подчинился какойто взбесившейся уродине? Даже посадил ее рядом с собой, на переднее шоферское место. А месткомовский теленок (это было одно из прозвищ, данное им Горохову), молча сбегав за пальто и также ровно ничего не объясняя, плюхнулся рядом с ним как миленький.

Положим, с юбилейным ритуалом великолепно справится его благоверная... Но все же...

В знак неодобрения Лугин издал носом нечто схожее с лошадиным пофыркиваньем. Никто: ни сосредоточенный Кравцов, ни бешеная уродина, ни этот сытенький теленок — не обратил на это ни малейшего внимания.

А между тем какая-то странность, и странность нехорошая, казалось, витала в машине. Не спасла даже болтающаяся перед носом Кравцова такая знакомая Лугину игрушечная обезьянка.

Горохов, которому преданный дядя Ося успел шепнуть, что у раздевалки его искала Инна Васильевна, сердилась и звонила «в разные места», не потрудился напялить на себя шляпу, пальто, а нелепо держал их в охапке. Опустив боковое стекло, точно что-то выискивая, он напряженно всматривался в слякотную, осеннюю черноту.

Несмотря на то, что Лугин изрядно «надрался», как с веселой объективностью определял он данное состояние, увидев, что, миновав площадь Дзержинского, машина двинулась к вокзалам, он заволновался.

— Жорж (так, с его точки зрения, аристократически называл он Георгия Кравцова), высади меня у метро «Красные ворота», мой переулок там совсем неподалеку... Уж как-нибудь сам дотопаю!— неожиданно жалобно попросил он.

Георгий Николаевич, как и все, давно привыкшие видеть в Лугине существо, неподвластное общим законам и правилам, казалось, несколько удивился.

— Жены боишься?— заранее усмехаясь над очевидной нелепостью такого предположения и не сбавляя хода машины, чуть повернул он свой скульптурно строгий профиль к Лугину.

Пренебрежительно повела прямоугольным плечом и Розина.

Только Горохов по-прежнему, казалось, не слышал ничего. Он все всматривался и всматривался в пробегающие мимо иные еще светившиеся окнами, иные совсем темные, точно смежившие глаза, здания.

— Да, боюсь!— неожиданно просто и серьезно ответил Лугин.— Вы думаете, наш Лушка свой умишко до конца пропил? А я боюсь. И надо бояться. Если хотите знать, даже апельсин домой везу. Супруге.

И он действительно показал крупный, неведомо как ему доставшийся «банкетный» апельсин.

Окончание следует.

ВЫСОКИЙ ИНТЕРЕС

На обложке крупнейшего индийского еженедельника «Иллюстрейтед Уикли оф Индия» — узбечка, которую журнал называет «королевой хлопка». В канун нашего праздника — 49-й годовщины Октября — еженедельник посвятил Советскому Союзу специальный номер.

В журнале выступают председатель Индийско-советского общества по развитию культурных связей Кришна Менон, бывший посол в СССР Т. Н. Кауль, космонавт Герман Титов; здесь опубликованы интервью с лауреатом Нобелевской премии Михаилом Шолоховым, статьи о современной советской кинематографии, о нашем балете, рассказ Алексея Толстого «Русский характер» и т. д. Помещенные в журнале материалы дают широкую картину пути, пройденного Советской страной за 49 лет, подчеркивают эффективность индо-советской дружбы.

Специальный номер «Иллюстрейтед Уикли оф Индия» открывают слова великого сына индийского народа Джавахарлала Неру: «Дружба, связывающая Индию и ее народ с Советским Союзом и его народом, основана не на каком-то мимолетном капризе или соображениях выгоды, а имеет гораздо более глубокие корни».

В большом материале о советской внешней политике журнал подчеркивает огромную роль СССР в успешном завершении исторической встречи в Ташкенте. «Ташкентская декларация,— пишет автор статьи,— по праву считается важным международным событием, которое внесло крупный вклад в дело укрепления мира в Азии и во всем мире».

Это третий номер журнала «Иллюстрейтед Уикли оф Индия» за последнее время, в котором широко рассказывается о Советском Союзе, о дружбе и сотрудничестве двух великих народов. Вспоминается в этой связи апрельский номер, посвященный дню рождения Владимира Ильича Ленина, с его красочным портретом на обложке, выполненным известным индийским художником Хеббаром.

Главный редактор журнала А. С. Раман недавно побывал в Советском Союзе, был гостем «Огонька». После своего возвращения Раман написал серию статей, в которых он делится своими впечатлениями о Советском Союзе.

Л. ИВАНОВА (АПН)

●

Повесть о неудачнике

Герой повести В. Курочкина «Урод» киноактер Отелков относится к немалочисленному, но тягостному для окружающих племени неудачников. Небольшие, более чем скромные возможности Отелкова никак не согласуются с его непомерными желаниями, и отсюда извечный обиженно-риторический вопрос: «А что они понимают в искусстве?» Они — это прежде всего талантливый режиссер Гостилицын, который, хоть и видит, что Отелков бездарен, все же дает ему роль, и не какую-нибудь, а заглавную. Фильм, как и следовало ожидать, отсняли, роль Отелков провалил, и, казалось бы, на этом карьера актера-неудачника закончилась. Отелков сам находит в себе мужество признаться, что занимается не своим делом, но, к сожалению, это всего лишь красивые слова, и он тотчас, коль скоро из города М. пришло приглашение, меняет свое решение и уезжает сниматься в новой картине. Он неудачник не по стечению обстоятельств, а по своему упрямству, по своему ханжескому отношению к себе, к окружающим его людям и к самой жизни.

В. Курочкин свободно владеет материалом, акцентируя внимание на главном и отметая все лишнее и необязательное. Отсюда лаконизм его письма. Богатство прозы В. Курочкина в ее образном и емком языке, пронизанном юмором, в игре оттенков и самих красок: наряду с гротесково-броским образом уживается добрая улыбка, ей сопутствует горькая усмешка, которые тут же могут смениться лирическими интонациями.

В. ПАЛЕНОВ

Виктор Курочкин. Урод. Журнал «Октябрь» № 5 за 1966 год.

ДВЕ ПАРТИИ С СУПЕР-ГРОССМЕЙСТЕРАМИ

шахматы

Под редакцией международного гроссмейстера С. Флора

Командное первенство страны по шахматам свело за доской сильнейших шахматистов страны. На первой доске команды спортивного общества «Труд» блестяще выступил неоднократный чемпион мира Михаил Ботвинник. После пяти сыгранных партий в его активе было записано 5 очков. Шахматный ветеран заставил сдаться В. Смыслова, П. Кереса, Б. Спасского, А. Лутикова, И. Бирбрагера. Игру Ботвинника отличала свежесть, смелость, и многих интересовал вопрос: как же он закончит свой матч с супер-гроссмейстерами! Следующие две встречи — с Е. Геллером, Л. Штейном — Ботвинник закончил вничью и лишь две последние партии — с М. Талем и Т. Петросяном — проиграл.

По просьбе редакции М. М. Ботвинник комментирует две свои встречи на командном первенстве страны — с Б. Спасским и Т. Петросяном.

Михаил БОТВИННИК,
экс-чемпион мира

Разумеется, на шахматном Олимпе всегда пребывают оба участника матча на первенство мира: и чемпион и претендент. Один победил в матче на первенство мира, другой превзошел всех гроссмейстеров в отборочных состязаниях. О встрече с ними за шахматной доской мечтает каждый шахматист. На командном первенстве страны мне и посчастливилось с ними встретиться. Представляя обе партии на суд читателей «Огонька», автор этих строк надеется, что шахматисты должным образом оценят как достоинства, так и недостатки игры супер-гроссмейстеров нашего времени.

Итак, в шестом туре чемпионата мне довелось сесть за столик с Б. Спасским, и небрежность в дебюте заставила меня пережить немало трудных минут.

Б. Спасский — М. Ботвинник

Защита Каро-Канн

1.	e2—e4	c7—c6
2.	d2—d4	d7—d5
3.	Kb1—c3	d5 : e4
4.	Kc3 : e4	Cc8—f5
5.	Ke4—g3	Cf5—g6
6.	h2—h4	h7—h6
7.	Kg1—f3	Kb8—d7
8.	h4—h5	Cg6—h7
9.	Cf1—d3	Ch7 : d3
10.	Фd1 : d3	Kg8—f6

Этот известный вариант защиты Каро-Канн является любимым оружием Б. Спасского. О вкусах не спорят, но заслуживает ли столь большого внимания вариант, где примерно за 50 лет произошли лишь следующие нововведения: 1) белую пешку стали продвигать на h5 (вместо h4) и 2) белого ферзя ставят на поле e2 ранее, чем будет сыграно Kpb1 и c2—c4...

О последнем новшестве я запамятовал и допустил небрежность — слишком рано сыграл Kf6. Теперь у черных будут трудности, поскольку белые успевают установить коня на поле e5.

К несчастью для моего партнера, весь этот вариант был мне хорошо известен, ибо еще в 1928 году мне довелось быть комментатором партии Н. Григорьев — В. Панов, где встретилось это же начало!

11.	Cc1—d2	Фd8—c7
12.	0—0—0	0—0—0
13.	Фd3—e2!	e7—e6
14.	Kf3—e5	Kd7 : e5
15.	d4 : e5	Kf6—d5

Кажется сомнительным (естественней 15. ...Kd7), но этот маневр связан с одной хитрой позиционной идеей.

16. f2—f4 c6—c5

Форсирует события, ибо белые не могут допустить хода c5—c4 (этот маневр и встретился в упомянутой партии Григорьев — Панов).

17.	c2—c4	Kd5—b4
18.	Cd2 : b4	. . .

Самое простое, но, быть может, не самое сильное продолжение. После того как черная пешка займет позицию на поле b4, белым трудно будет найти удобное укрытие для своего короля. Именно поэтому при наличии ферзей черные в любом эндшпиле будут иметь контригру. Быть может, следовало предпочесть 18. Kpb1.

18.	. . .	Лd8 : d1 +
19.	Лh1 : d1	c5:b4
20.	Kg3—e4	Cf8—e7
21.	Ke4—d6 +	Kpc8—b8

На первый взгляд преимущество белых подавляющее, однако это не соответствует истине. Слаба пешка c4, недостаточно надежно и положение коня d6. В случае 22. g3 черные могут ответить 22. ...f6.

Разумеется, размен пешки f7 на пешку f4 лишь активизирует фигуры черных.

22.	Kd6 : f7	Лh8—f8
23.	Kf7—d6	Лf8 : f4
24.	g2—g3	Лf4—f8
25.	Фe2—g4	. . .

Белые нападают одновременно на две пешки, но черные успевают все защитить.

25. . . . Фc7—d7

С неприятной угрозой 26. ...Фa4 и дальнейшим 27. ... Cg5 +

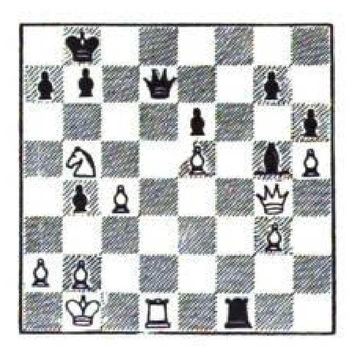
26. Kpc1—b1 Ce7—g5

Единственное! Плохо было 26. ... Лf2 27. Ф : g7 Фa4 28. Лc1!

27. Kd6—b5 . . .

Этот маневр еще ничего не портит, но в нем не было необходимости.

27. . . . Лf8—f1

28. Kpb1—c2 . . .

Этот ход был сделан столь поспешно, что напрашиваются два очевидных вывода: Спасский расценивал неизбежные теперь размены в пользу белых, и одновре-

менно он опасался, как бы зрители не заподозрили, что он не видел предыдущего хода черных.

Бить ладью, конечно, было нельзя из-за мата (28. Л : f1 Фd3+), но следовало хладнокровно вернуться конем на поле d6. Теперь белым суждено играть эндшпиль без пешки.

28. . . . Лf1 : d1
29. Фg4:d1 Фd7 : d1 +
30. Крc2 : d1 Cg5—e3!

Белые должны быть внимательны. Продолжение 31. b3 Cf2 32. g4 Cc5 33. Крe2 a6 34. Kd6 C : d6 35. ed b6 36. Крd3 Крb7 37. Крd4 Крc6 38. Крe5 Крd7 вело к проигранному пешечному концу. Приходится отдавать пешку e5.

31. Крd1—e2 Ce3—c1
32. b2—b3 Cc1—b2
33. Kb5—d6 Cb2 : e5
34. Kd6—e4 Крb8—c7

Этот ход возможен, поскольку 35. Kc5 C : g3 36. K : e6 + Крd6 37. K : g7 Крe5 38. Ke8 Крe6 вело к запатованию коня.

35. g3—g4 Крc7—c6
36. Крe2—d3 b7—b5
37. c4 : b5 + . . .

Рано или поздно размен был вынужден. Вследствие неизбежного цугцванга черный король путем Крc7—d6—e5 всегда мог занять центральную позицию.

37. . . . Крc6 — d5

Единственная надежда черных состоит в активизации короля, пешка не имеет решающего значения. В случае 37. ...Кр : b5 38. Kd2 Крc6 39. Крe4! и Kf3 белые создавали неприступную крепость.

38. g4—g5 . . .

План белых, связанный с разменом пешек королевского фланга, оказывается, по-видимому, достаточным для ничьей. После партии Б. Спасский продемонстрировал более убедительную ничейную возможность: 38. Крe3 Cc7 39. Крf3! Крd4 40. Kf2 Крc3 41. Крe2 Крb2 42. Крd3 Кр : a2 43. Крc2 и черным не пробиться!

38. . . . h6 : g5
39. Ke4 : g5 Ce5—f4
40. Kg5—e4 Cf4—h6
41. Ke4—f2 Ch6—g5
42. Kf2—g4 Cg5—f4
43. Kg4—f2 Cf4—d6
44. Kf2—g4 . . .

В случае 44. Ke4 cf8 45. Kf2 Ce7 46. Ke4 Крe5. 47. Kf2 Крf5 48. Крc4 Крg5 49. Kd3 Кр : h5 50. K : b4 g5 51. a4 g4 52. Kd3 белые, по-видимому, достигали ничьей, но продолжение 44. Ke4 Cc7 45. Kf2 Cb6 46. Ke4 Крe5 47. Kd2 Крf4 48. Крc4 Крe3 49. Kf1 + (49. Kb1 Ca5) Крe2 50. Kg3 + Крf3 51. Kf1 Cc7! решало борьбу.

Теперь пешки королевского фланга разменываются, но проходная пешка черных несколько продвигается вперед.

44. . . . Cd6—c5
45. h5—h6 g7 : h6
46. Kg4 : h6 e6—e5
47. Kh6—f5 e5—e4 +
48. Крd3—e2 Крd5—e5
49. Kf5—h4 Крe5—d4

Когда партия была отложена, я анализировал лишь то, что приведено в предыдущем примечании. Поэтому в дальнейшем черные играли не очень последовательно, но вряд ли это должно было повлиять на результат борьбы.

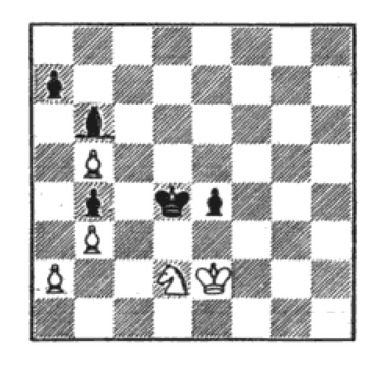
50. Kh4—f5 + Крd4—d5
51. Kf5—h6 . . .

Сомнительно сыграно, но следует отметить, что и после 51. ...Крe6 52. Kg4 Крf5 53. Kh6 + Крf4 54. Kf7 Ce7 55. Kh6 белый конь в западне, но выиграть его черные не могут!

51. . . . Cc5—e7
52. Kh6—g4 Ce7—g5
53. Kg4—f2 Крd5—d4
54. Kf2—d1 Cg5—c1
55. Kd1—f2 Крd4—d5
56. Kf2—g4 Cc1—g5

Один раз эта позиция уже была...

57. Kg4—f2 Cg5—f6
58. Kf2—g4 Cf6—d4
59. Kg4—h2 Cd4—c5
60. Kh2—f1 Крd5—d4
61. Kf1—d2 Cc5—b6

62. Kd2—c4 . . .

Видимо, лишь этот злосчастный ход приводит к поражению белых. После 62. Kf1 Крc3 63. Kg3 Крb2 64. Крd1! Кр : a2 65. Крc2 e3 66. Ke2 пешка b5 спасала белых — нет маневра a7—a5—a4. Теперь конь c4 уже не успеет вернуться на поле e2, и партия решена.

62. . . . Крd4—c3
63. Крe2—d1 Cb6—d4

Грозит 64. ...Крd3.

64. Крd1—e2 e4—e3

После 65. K : e3 C : e3 66. Кр : e3 Крb2 67. Крd3 Кр : a2 68. Крc4 Крa3 пешечный конец проигран. Грозит же Крc3—c2—b1 : a2.

65. Kc4—a5 Крc3—b2
66. Ka5—c6 Cd4—c5
67. Kc6—e5 Крb2 : a2
68. Ke5—d3 Cc5—e7,

и белые сдались, так как пешка b4 неизбежно продвигается в ферзи...

Прошло еще пять туров соревнования — и вот партия с чемпионом мира. Это был заключительный, одиннадцатый день непрерывных боев. Следует отметить, что к шахматным мастерам до сих пор сохранилось «особое» отношение. Если мы сейчас переходим на систему, когда рабочие и служащие будут отдыхать два дня в неделю, если всем понятно, что футболисту нужно дать отдых между матчами, то шахматисты могут поработать и 11 дней без перерыва... Гроссмейстеры посидят за столиком да и отдохнут — обойдутся и без выходных дней. Стоит ли удивляться, что накануне, в партии с Талем, я одним ходом предложил своему партнеру взять либо фигуру, либо пешку. Мой партнер... взял пешку! Прошло еще несколько ходов, и Михаилу Талю было предложено еще 2 пешки. Это было уже принято без колебаний, и партия вскоре пришла к логическому концу.

В такой обстановке, когда думаешь не о том, чтобы найти верный путь, а лишь о том, чтобы не допустить просмотр, и должна была происходить последняя партия...

М. Ботвинник — Т. Петросян

Английское начало.

1. c2—c4 g7—g6
2. g2—g3 Cf8—g7
3. Cf1—g2 e7—e5

Если черные стремятся к ничьей, то им проще всего продолжать 3. ...c5 4. Kc3 Kc6 5. e3 e6 6. Kge2 Kge7 7. d4 cd 8. K : d4 d5, что, между прочим, встречалось и на этом турнире. Т. Петросяна в данной партии (до известного момента) ничья не устраивала, и он избирает иное продолжение.

4. Kb1—c3 d7—d6
5. d2—d3 Kg8—e7
6. e2—e4 0—0
7. Kg1—e2 Kb8—c6
8. 0—0 f7—f5

Это «усиление» подготовлено было черными в кабинетной тиши. Е. Геллер в партии со мной из шестого тура воздержался от этого обязывающего продолжения.

9. Kc3—d5

Ход этот почти обязателен, если белые хотят развивать ферзевого слона на поле e3. На немедленное Ce3 черные с выгодой отвечали. 9. ... Kd4.

9. . . . Крg8—h8
10. Ce1—e3 Cc8—e6
11. Фd1—d2 Фd8—d7
12. Лa1—e1 Лa8—e8
13. f2—f4 . . .

Позиция почти симметрична, но конь d5 украшает положение белых. Все же черные стояли бы надежно, если бы не поспешный размен на следующем ходу.

13. . . . e5 : f4
14. Ke2 : f4 Ce6—g8
15. Kd5 : e7 . . .

Неприятный для черных ход; в случае 15. ... Ф (или Л) : e7 белые с выгодой продолжают 16. ef. Черные вынуждены отвлечь коня от центрального поля d4.

15. . . . Kc6 : e7
16. Cg2—h3 b7—b5

Еще один нервный ход и новое ухудшение позиции — игра в центре завязывается к выгоде белых. Пассивное 16. ... Фd8 было лучше.

17. b2—b3 c7—c5

Петросян чувствует позиционную угрозу — размен чернопольных слонов и поэтому профилактически защищает поле d4, но недооценивает при этом ответ белых.

18. d3—d4 Фd7—c6

Поскольку 18. ... bc 19. dc Лd8 (или 19. ... c3 20. Ф : d6) 20. Лd1 вряд ли может устроить черных, они вынуждены потерять темп.

19. c4 : b5 Фc6 : b5
20. d4 : c5 d6 : c5
21. Лe1—c1 . . .

Соблазнительное продолжение, связанное с разменом чернопольных слонов — 21. Фd6 c4 22. Cd4 (или 22. ef K : f5 23. C:f5 Ф:f5 24. Cd4 Л : e1 25. Л : e1 C : d4 26. Ф:d4+Фf6) Kc8! 23. C : g7+Кр:g7 24. Фd4 + Фe5 25. Ф:e5 + Л:e5 26. ef Л:e1 27. Л:e1 gf не могло дать белым ощутимого перевеса.

21. . . . Лe8—d8

Петросян начеку — он охраняет поле d4; проигрывало 21. . . . Лc8 22. Фd6.

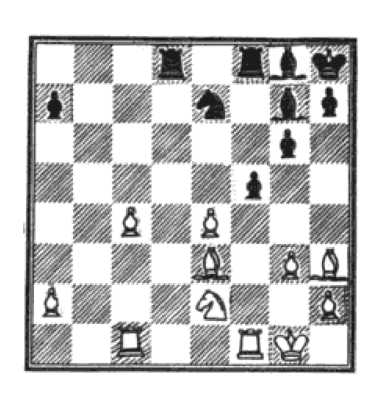
22. Фd2—e2! . . .

Единственное! Черные должны менять ферзей, и слабые пешки c5 и a7 дают преимущество белым.

22. . . . Фb5 : e2
23. Kf4 : e2 c5—c4

Правильно сыграно. Теряя эту обреченную пешку на поле c4, черные разбивают неприятельские пешки на ферзевом фланге и активизируют слона g8.

24. b3 : c4

24. . . . Ke7—c6

Из общих соображений черные уклоняются от взятия пешки e4 (слон h3 смог бы в этом случае поддержать проходную пешку c4) и одновременно допускают тактический просмотр. Между тем именно после 24. . . . fe 25. Л : f8 Л : f8 26. c5 Kc6 27. Cd7 Ke5 28. c6 K:d7 29. cd Ce6 30. Лc7 Лd8 31. Л : a7 Крg8! (Плохо 31. ... Л : d7 32. Л:d7 C:d7 33. Cd4!) 32. Cd4 Ch6 33. Kc3 Л:d7 34. Л:d7 C:d7 35. K:e4 Крf7 черные имели реальные шансы свести партию вничью.

В этот же критический момент борьбы белые имели возможность путем 25. ef! gf (25. ...Лfe8 26. Cg5 Л:e2 27. f6 Cf8 28. f7 или 25. . . . Лde8 26. Cg5 Л : e2 27. f6) 26. Kf4 остаться с лишней пешкой при лучшей позиции... Из «практических» соображений они решили переставить ходы и сыграли

25. Ce3—g5 . . .

ожидая варианта 25. ... Лde8 26. ef Л:e2 27. f6 и т. д. Но, конечно, Петросян здесь уже заметил опасность и сыграл иначе.

25. ... f5:e4

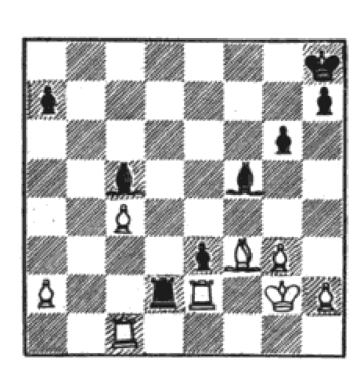
Неожиданное, но вряд ли оправданное решение! В случае 25. . . . Лb8! 26. ef gf 27. Л:f5 Лe8! черные временно оставались без двух пешек, но многочисленные угрозы компенсировали эти материальные потери.

Полвека назад Капабланка писал, что если (в спокойной позиции) есть пешка за качество, то это может привести к ничьей; если же потеряно «чистое» качество, план выигрыша должен состоять в возвращении качества с выигрышем при этом пешки... Читатель увидит из дальнейших примечаний, насколько Капабланка был проницателен!

26. Cg5:d8 Лf8:d8
27. Ch3—g2 Kc6—d4
28. Ke2:d4 Cg7:d4+
29. Крg1—h1 e4—e3
30. Лf1—e1 . . .

Из-за далеко продвинутой проходной пешки e3 необходима осторожность. Так, в случае 30. c5 e2 31. Лfe1 Ce3 32. Лc2 Cc4 33. Cf3 (33. Л:c4 Лd1) Лd1 34. Л:d1 edФ+ 35. C:d1 Cd5+ 36. Лg2 C : c5 ничья была неизбежной.

30. . . . Cd4—c5
31. Cg2—f3 Cg8—e6
32. Крh1—g2 Лd8—d2+
33. Лe1—e2 Ce6—f5

Естественное продолжение 34. Л : d2 ed 35. Лd1 Ce3 36. Ce2 (но не 36. c5 Cc2 и C:c5) Ce4+ 37. Крh3 Крg7 38. Лf1 вряд ли приводило к выигрышу из-за неудачной позиции белого короля. Поэтому белые должны препятствовать ходу 34. . . . Cd3, чтобы размен на поле d2 не был вынужден.

Путем 34. Лce1 (продолжение, указанное Петросяном — в случае 34. . . . Cd3 35. Л:d2 ed 36. Лe5 или Лe8+ белые задерживают пешку d2 ладьей сзади) Лd8 35. Л:e3! C:e3 36. Л:e3 белые получали выигранный конец с лишней пешкой в полном соответствии с рекомендацией Капабланки. И после 34. . . . Лd3 35. g4 Ce6 36. h3 черные фигуры оттеснялись с активных позиций. Любопытно выигрывали белые в случае 34. ... Cb4 35. Л : d2 C:d2 36. Лh1 Cd3 37. c5 e2 38. C:e2 C:e2 39. c6, и за проходную пешку черные должны будут отдать одного из слонов.

Я решил здесь защитить поле d3 от вторжения черного слона самым надежным способом, но при этом легкомысленно ослабил первую горизонталь.

34. Лc1—c3 Cf5—e4!

Этот не бросающийся в глаза ход заставляет белых капитулировать, ибо как минимум они остаются без фигуры: 35. Лc:e3 C:e3 36. Л:d2 C:f3+ 37. Кр:f3 C:d2. В иных вариантах черная пешка проходит в ферзи.

В этой партии я провалился на экзамене по тактике: как ни опасался что-либо прозевать, все же нашел возможность просмотреть!

Итак, случайное поражение и случайная победа...

Открылся месячник дружбы поэтов Советского Союза и Германской Демократической Республики. В дружеской встрече принимают участие 20 молодых авторов. Сейчас они совершают поездку по нашей стране, а затем продолжат свои беседы в Германской Демократической Республике.

На снимке (слева направо): Ханнес Вюрц, Вольфганг Тильгнер, Герд Эггерс, Хартмут Кёниг, Бернд Повилайт, Иохен Лаабс, Христа Альтен, Иоахим Рэмер, Готфрид Геральд, Гейнц Калау.

Фото Е. Умнова.

Стихи дружбы

Владислав ШОШИН

Владимир

Праздник песенной русской доли
Пусть берет меня в оборот,
На владимирское ополье
С Золотых я гляжу Ворот.

Я на главы гляжу святые,
На седую полынь-траву,
Где гуляли полки Батыя,
Словно смертный сон наяву.

Русь стонала в цепях и дымах,
Но не властны года остуд,
И подруги для глаз любимых
Голубые венки плетут.

Русской силе в веках просторно,
Что там тень ронять на плетень!
Пионерского голос горна
Будит новый над Русью день.

Пыль неслышно во ржи взметнулась,
Знойно пенятся удила:
Это юность к стране вернулась,
Словно вечно в душе была.

Или просто душе открытой
Не всегда легко и светло,
Или солнышко шло к зениту
Да за тучу на миг зашло...

Феликс ЧУЕВ

* * *

Я писал свои стихотворенья,
не слагал, а возводил стихи,
чтобы оставалось ощущенье
каменно положенной строки.

Нет, нельзя со всеми быть хорошим
и метаться между двух знамен.
Есть борьба. И это непреложно.
Мир, как прежде, четко разделен.

И пока на этом свете душном
грозы собираются опять,
ни от водки, ни от малодушья
не имеют права умирать.

На меня надеется Россия,
в райвоенкомате я учтен —
единица знаменитой силы,
выращенной с дедовских времен.

Стоит жить, хотя и неизвестен,
стоит жить, хотя и нелюбим,
потому что есть такая песня,
для которой ты необходим!

Лариса ВАСИЛЬЕВА

* * *

Средь улицы, леса и поля
стою ни жива ни мертва.
Откуда во мне эта воля
себя изводить на слова?

Ведь лучше, надежней и проще
с лихой проходимостью строк
заведовать беленькой рощей
восторгов чужих и тревог.

Чтоб вовремя печка топилась
и дымно пыхтела труба,
чтоб так беззащитно не билась
в своем же капкане судьба.

Но что мне заменит минуту,
когда ни мертва ни жива
и громоподобно салюту
от сердца отходят слова?

Ханнес ВЮРЦ

Первый концерт

О таинство названья:
Четвертая Чайковского!
Хрустящая программка,
о первый твой концерт!
В твоей седой судьбе
нетронутого острова
коснется старый вальс,
холодный, как ланцет.
Анданте состенуто,
труба судьбу вещает.
Но почему — сирены,
и мужа бьет палач?
И мужа почему
тебе не возвращают?
Элегия кларнетов
и скрипок скорбный плач.
Так одиноко в доме,
так долго одиноко...
Но в мире есть товарищи,
и есть твоя борьба.
Поймут ли дети боль
вчерашнего урока,
твое седое горе?..
Но вальс поет труба.
С детьми своими вместе
я город расчищала,
с детьми и со страною
училась и росла.
Аллегро кон фуоко.
Финал — мое начало!
Я прежде на концерте
ни разу не была.
Мой сын,
мой мальчик стал
сегодня инженером.
Он рядом улыбается.
Мы счастливы,
хотя
для счастья никогда
не выдумают меру.
Но музыка на сцене —
теперь мое дитя.

Перевел Феликс ЧУЕВ.

Иохен ЛААБС

Поездка по железной дороге

Ты видишь из вагонного оконца
наполненные солнцем небеса,
и ленту полотна — две нити солнца,
и синие могучие леса.

В стекле сверкнуло молнией село,
стремительно его дома сменялись,
и женщины в своих садах смеялись,
и было от подсолнухов светло.

И снова горизонт закрыло: лес!
Под сводом сосен слышен мощный грохот,
колес на частых стыках дробный хохот.
Березы подпирают свод небес.

Врываемся в большие города,
да так, как будто пробиваем стены,
мосты свои отбрасывают тени,
и трубы сами мчатся ввысь. Туда.

Вращай меня, людской водоворот,—
я часть тебя!
Возьми мою тревогу
и вымой чистотой мою дорогу,
чтобы я мог по ней идти вперед.

Перевел Вл. КОСТРОВ.

Хартмут КЕНИГ

Скажи мне, с кем ты

Ты с ними иль с нами — решайся сейчас,
Боец ренегата не любит.
Не думай кормиться у них и у нас:
Тебя двоедушье погубит.

Еще не решил, в чьих колоннах идти?
Боишься решенья прямого?
Величие сможешь в борьбе обрести,
Колеблясь, умрешь бестолково.

Мы право имеем любого спросить —
Открой свою душу для света!
Пока ухитрялся ты маску носить,—
Но Родина спросит ответа!

Перевел Владислав ШОШИН.

В. Касиян. «ЛЕТИТ ОРЕЛ, ЛЕТИТ СИЗЫЙ...»

Из иллюстраций к «Кобзарю».

БОЙ ПОД ОСТРОЙ МОГИЛОЙ.

Картинная галерея Армении. Ереван.

В. Касиян. ПЕРВЫЙ БУНТ.

Иллюстрация к «Истории фабрик и заводов».

Старая закваска

Из журналистского блокнота

М. КУРЬЯНОВ

На глухом полустанке между Артемом и Сучаном в купе нашего вагона подсел рослый старик. Нам показалось, что он слегка навеселе, потому что, едва примостившись на полке, не стал, как обычно, «обживаться», а тут же начал рассказывать свою семейную историю. Говорил он с примесью местного диалекта, что придавало его рассказу особую сочность.

— Ух, уходил своего Андрюху, ух, уходил! — начал он без всякого предисловия.— Полосовал вожжою, что твоего мерина. И ништо: здоров, как медведь! — говорил старик, отдуваясь и выравнивая дыхание.

Мы переглянулись: пьян, мол, и несет бог весть что. А он неторопливо достал из кармана пиджака кисет зеленого цвета, вынул из него коробок спичек, обрывок газеты, насыпал на ладонь крупного самосада, растер его большим пальцем и стал скручивать цигарку.

— Еще когда Андрюха был во-о-о,— поднял он невысоко руку с кисетом, отмеряя, очевидно, рост сына,— случалось тож стегать мальца за это,— указал он подбородком на кисет,— за курево. А как же: нешто гоже сызмальства пристрастиваться к самосаду?

Рассказывая, старик ни на кого не глядел, ни к кому не обращался. Можно было подумать, что человек говорит сам с собою. Но тут он обвел нас всех взглядом, точно ища поддержки. Мы молчали. Он слегка поерзал на сиденье и добавил:

— Ну, об той поре Андрюха, конешно, всхлипывал, как всяк в малолетстве, еще неукрепший, а теперя — не-е-е! Удюжил. Так, говорит, зазря, не дался бы, а за вину хлещи — стерплю и серчать не стану.

Старик запалил цигарку, крепко затянулся, обдал нас густым дымом. Молодая женщина, сидевшая напротив, кашлянула и прикрыла рот носовым платком. Старик виновато помахал, словно лопатой, большой ладонью и уставился на женщину. Несколько секунд молча разглядывал ее, словно только что увидел, затем откинулся назад, отвел взгляд в сторону и враз будто застыл.

— Ноне с бабенкой Андрюха забаловал,— загудел он после долгой паузы, будто выходя из оцепенения,— вот я и того, вожжою... А как же? Кабы на дому да в ладном согласии на жизнь, оно б что ж? А то, вишь, удумал в тайности грех учинить, срам на девку покласть и в кусты? Э-э, нет, шалишь! И тут уж, как ни хоронись, худая слава все одно наружу выйдет. Это завсегда так. Вот и Андрюхина проделка вся как ни на есть на люди вышла. И, слышь, как?..

Мы не перебивали его ни одним словом, внимательно слушали, в чем же провинился Андрюха. А старик не торопился продолжать рассказ, очевидно, собирался с мыслями, но на нас по-прежнему не обращал внимания.

— Через Авдотью-то, жену мою, все и просветлилось. Затяжелела она у меня, сердешная, удумала детишко принесть. Шестерых выносила, а Андрюху, наименьшего, в кедраче выродила, в аккурат на покров, как за кедровым орехом снарядилась.

На время старик замолк. Глубже прежнего затянулся несколько раз, шумно выпустил через широкие ноздри дым. Загасил в ладони цигарку и выбросил ее из вагона через открытое окно.

— Чудна́ ведь жизнь-то... Оно бы крепчать человеку по взрослении, ан нет! Слабнет с годками! Вот и Авдотья тож: как отяжелела в последний раз — гляжу, не та уж, што в кедраче была, не-е-е, занемогла. Ну, спряг я тут бричку и айда в этот самый, как, бишь, его, родильный дом.

Родила благополучно, мальчонку принесла. Ну, я, как и полагается, передачки переправляю — всякую там снедь на подмогу. Поначалу все шло ладно, без отклонений, а потом, гляжу, в чудачество старая ударилась: по две передачи затребовала, и, говорит, точь-в-точь чтоб схожи были. Спросил было: изъясни, мол, Авдотья, по какому положению? Эх, расходилась она тут, куды там! Отступился: стареет, думаю, Авдотья и в чудачества кидается. А передачки ношу — по две, точь-в-точь одинаковые, как велела.

По вагону прошел проводник, предупредил пассажиров, едущих до полустанка Кангауз, приготовиться к выходу. Женщина, сидевшая напротив старика, забеспокоилась, начала оглядывать вещи, собираться к выходу. Извлекла из-под полки два чемодана, положила на них несколько узлов и вся насторожилась.

— Одолеешь аль нет? — обратился к ней старик, глядя на вещи.— Не то подсоблю, рученьки, небось, к писарскому делу прилажены, а может, ты учителка?

Женщина смущенно пожала плечами. Видно было, что ей не хотелось открывать себя, а ответить надо было, тем более что и помощь была необходима.

— Ни то, ни другое, дедушка,— ласково проговорила она.— Еду к мужу по месту службы.

— Ну, все одно, давай вещички! — произнес он с усмешкой.— Понятное дело, возле мужикова боку легче.

Он сгреб чемоданы, узлы и пошел к выходу. Женщина улыбнулась (смотрите, мол, какой чудак, все взял), бросила «до свидания» и пошла следом.

— Так вот,— вернувшись, продолжал он прерванный рассказ,— в аккурат на выезде из родильного дома Авдотья моя сызнова штуку выкидывает. «Ты,— говорит,— Егорушка, напослед прихвати два конверта. И,— говорит,— чтобы оба цвету малинового». «Что ты,— говорю,— удумала, какие еще конверты?» «Да как же,— говорит,— какие? Обыкновенные. Для упаковки мальцов. Нешто ты, Егорушка, в сельпе не углядел?» «И знать,— говорю,— не знаю и ведать не ведаю». «Так ты,— говорит,— съезди туда и купи два конверта да не упусти умом, чтоб оба точь-в-точь и цвету малинового». «Что ты,— думаю,— старая, с колен съехала? Обсмеют в магазине за такие выдумки!»

А что делать, ехать надоть.

Приезжаю завтрашним днем в сельпо и спрашиваю про эти штуки. «Пожалуйста,— ответствует молодуха за прилавком,— а цвету какого?» «Малинового,— говорю,— малинового». А сам не верю, неужто и взаправду конверты для мальцов имеются?

Ну, уплатил я, как полагается, за покупки, и цвет, гляжу, заревом полыхает.

И айда к Авдотье.

Вхожу в дом, в дверь протискиваюсь.

«Не-е-е! — запружает мне дорогу пухлым телом такая ладная бабенка.— Конверты давай, а сам — вон, не велено Авдотьей, никак не велено».

«Что ты,— думаю,— за напасть, какую еще тайность Авдотья удумала? Никак двойню принесла и хоронится, подарок, знать, изготовляет».

Вышел я на двор к бричке, цигарку свертел и поджидаю. В голове разные мыслишки перемешиваются. А как дверь нараспах открылась, гляжу, Авдотья моя с малиновым кульком на руках. А возле ее — молоду́ха, тож с конвертом и тоже с малиновым. Подходят. Авдотья ласково так здравствуется, и молоду́шка тож.

«Здрасте,— говорит,— тятенька!»

«Что,— думаю,— за театр, к чему бы? Какой,— думаю,— тятенька?»

Ну, Авдотья враз принялась за расспросы всякие — про скотину, про дом, об Андрюхе упоминает, где он и что.

«Да,— говорю,— через два дня будет, на сплаве леса нынче, заломы на реке расчищает».

Едем тихо и миром беседу ведем. Молодушка иным словом в разговор встревает, но более молчит. Чья? Куда едет? В окрест никто не живет: деревушка ближняя — версты три в другую сторону. Куды ж она?

Ну, приехали, в дом взошли, мальцов примостили. Тут Авдотья кивает на молодушку, в полном успокоении сказывает такие слова: «Вот, Егорушка, это наша невестка, дочка, значит, а мальцы энти — один тебе сынок, а другой — внучонок. Люби и жалуй».

Вот те, бабушка, и юрьев день!

Гляжу то на старую, то на молодую и в толк не возьму.

«Что ж это?» — развожу руками.

Авдотья смеется. «Андрюха,— говорит,— сынок наш, набаловал».

Ну, и вскипел я тут. Враз выбег во двор, лошадь во хомут и айда к речке. Верст десять проскакал к Андрюхе да как заорал на него: «А ну, домой, такой-сякой!» Аж дружки его сплавские в остолбенение пришли.

Опешил, конешно, Андрюха, а я его за ворот да в бричку. «Дома,— говорю,— проясним, что и как».

Едем — молчим. Андрюха вдруг: «Тять, а тять, пошто так?» «А по то,— говорю,— во дворе растолкую».

И растолковал да так вожжою полосовал, што твово мерина. И ништо! Здоров, как медведь!

Старик замолк. Мы переглянулись. Молодой парень, с ученым видом сидевший у самого окна и порывавшийся давно уже вмешаться в рассказ, спросил:

— А зачем же так сразу, не узнавши да еще и вожжою? Может быть, ваш Андрей и не виноват вовсе?

— Кабы не виновен, не тронул бы,— заулыбался старик.— Нешто гоже бить ни за что? Не-е-е! А Андрюха, он что ж, тронул девку — и в лес, никто, мол, не прознает? Нет, браток, шалишь!.. А по мне так: не люба — не трожь, и все тут! Сосенку в лесу и ту жаль тронуть. А это ведь человек. На страдания его пускать нельзя. А тут еще малец. Чей? Какого корню? Нашего! Стало быть, должен это Андрюшка понимать? И что ж, думаете, Андрюшка-то наш? Говорит: «Да нешто я, тятя, против? Да хоть сейчас готов по закону. Будет у вас, тятя, внучонок, а я ваш покорный сын».

Мы заметили, что старик еще что-то хотел сказать, но вдруг остановился и широко раскрыл глаза на молодого человека. Он оглядывал его, будто выходца синой планеты.

— Некультурно это — вожжой,— заметил тот,— а словами убедить не могли?

— Эх, милый человек,— ответил старик,— вожжа-то не чужая, отцовская. Зла в ней нету. А слова что? В одно ухо влетело, из другого вылетело. А это, милый человек, в голове застреват...

общественное

ПИТАНИЕ

Читатели «Огонька» А. Петров из Ленинграда, К. Опанасенко из Киева и другие просят опубликовать советы по приготовлению различных блюд к праздничному столу.

Сегодня у нас в гостях журнал «Общественное питание». Предлагаемые им материалы из выходящего в ближайший месяц номера — ответ на письма наших читателей.

Из записной книжки кулинара

При варке рыб, имеющих специфический запах (камбала, треска, пикша), в воду рекомендуется добавлять огуречный или помидорный рассол, а также морковь, петрушку, лавровый лист и душистый перец.

❄

Чтобы жесткое мясо стало более нежным, вкусным и ароматным, его следует мариновать. Для маринада можно использовать уксус, вино, лимон, в качестве ароматических овощей — репчатый лук, морковь, петрушку, а из приправ — черный перец, соль. Мясо рекомендуется вынести на холод и выдержать там несколько часов.

❄

Для бутербродов с мясными продуктами сливочное масло можно смешивать с небольшим количеством столовой горчицы или южного соуса (10 граммов на 100 граммов масла).

❄

Жирные мясные продукты (свинину, гуся, индейку) запекают, поливая небольшим количеством горячей жидкости, поэтому вначале они тушатся, выделяя жир. После испарения жидкости блюдо запекается в собственном жире, что придает ему тонкий аромат и вкус.

❄

Чтобы яблоки не потеряли при запекании сока, их следует предварительно — на 1—2 минуты — опустить в кипяток.

❄

Суп с перловой крупой иногда приобретает неприятный синеватый оттенок. Чтобы этого избежать, перловую крупу рекомендуется предварительно сварить почти до готовности.

❄

Солить бобовые нужно в конце варки, потому что соль препятствует распаду накопившихся в них сложных пищевых веществ на более простые составные части.

❄

Не рекомендуется солить мясо задолго до его тепловой обработки, так как это вызывает преждевременное выделение мясного сока. Это ухудшает вкус и снижает питательную ценность блюда.

❄

Чтобы улучшить вкус мясного соуса, рекомендуется добавлять в него виноградное вино (1—2 столовые ложки на стакан соуса). Для белого соуса следует брать белое вино, для красного — мадеру или портвейн.

❄

К жареному натуральному мясу в большинстве случаев надо подавать не соус, а мясной сок, полученный при жарении.

❄

Куски мяса для вторых блюд надо заливать кипящей водой настолько, чтобы она только покрывала их. Холодной водой заливают лишь солонину и соленые языки.

Л. Шур,
старший инженер-технолог УРСа Северо-Западного речного пароходства

Ленинград.

общественное
ПИТАНИЕ

ВКУСНЫЕ БЛЮДА

Свиная корейка фаршированная

Со свиной корейки (с костями, длина их не должна превышать 8—10 сантиметров) срезают сало, оставляя его слой не более 1—1,5 сантиметра. Из середины корейки вырезают часть мякоти. На костях оставляют слой мяса (1—1,5 сантиметра). Корейку с внутренней и наружной стороны натирают солью, перцем и оставляют на 10—20 минут в прохладном помещении.

Готовят фарш. Для этого мякоть, срезанную с корейки, вместе с чесноком и белым хлебом, замоченным в молоке, пропускают через мясорубку. Добавляют соль, перец, тмин, яичные желтки и все хорошо перемешивают. Этим фаршем наполняют корейку. Жарят в духовом шкафу 1—1,5 часа. Во время тепловой обработки корейку поливают образовавшимся соком.

Готовую корейку нарезают на порции и подают как холодную закуску.

Свиная корейка — 800 граммов; яйцо — 1 штука; молоко — 2—3 столовые ложки; хлеб белый — 30—40 граммов; масло сливочное — 1 столовая ложка; чеснок — 2 грамма; тмин — 2 грамма; соль, перец.

Телятина, тушенная в сметанном соусе

Из телятины (почечной части или задней ноги) нарезают порционные куски, слегка отбивают их, солят, панируют в пшеничной муке и жарят, но так, чтобы они не слишком сильно подрумянились. Добавляют сметану и тушат до готовности. Телятину вынимают, а оставшийся соус заправляют лимонным соком (если сметана кислая, то лимонный сок не добавляют), солью и красным перцем, по желанию вливают виноградное вино (мадеру), доводят до кипения и процеживают. Этим соусом заливают куски тушеной телятины.

При подаче на стол посыпают зеленью.

В качестве гарнира можно рекомендовать отварной картофель, рассыпчатый рис. Телятина—800 граммов; масло сливочное — 2 столовые ложки; сметана — 1 стакан; один лимон; мука пшеничная — 1—½ столовые ложки; вино — 2—3 столовые ложки; перец красный; соль по вкусу.

Пирог открытый с яблоками

Тесто готовят безопарным способом на дрожжах. Для этого молоко подогревают до 30—35°, растворяют в нем дрожжи, соль и сахар, добавляют растопленный маргарин, яйца и тщательно перемешивают. Всыпают пшеничную муку и замешивают тесто. Оно должно быть плотным и однородным.

Готовое тесто раскатывают в пласт (по величине кондитерского листа) толщиной 1 сантиметр, кладут его на лист, смазанный жиром, и выравнивают поверхность. Края теста загибают на 1,5 сантиметра. Тесто смазывают сливочным маслом и по всей поверхности ровными рядами кладут яблоки, нарезанные дольками. Сверху посыпают корицей, сахарным песком и выпекают в духовом шкафу.

Мука пшеничная — 2—1½ стакана; молоко — 1 стакан (неполный); маргарин — 1 столовая ложка; масло сливочное — 1—½ столовые ложки; сахарный песок — ½ стакана; одно яйцо; дрожжи — 10 граммов; соль — 5 граммов; яблоки свежие — 500 граммов; корица — 2 грамма; жир для смазки листа — ½ чайной ложки.

Бисквит с миндалем

Готовят бисквитное тесто. Для этого желтки растирают с сахарным песком до полного растворения сахара. Объем массы должен увеличиться примерно в три раза.

Отдельно взбивают белки. Когда они увеличатся в объеме в 4—5 раз, их соединяют с желтками, растертыми с сахарным песком, ванильным сахаром. После тщательного перемешивания постепенно (в три-четыре приема) всыпают пшеничную муку и перемешивают до получения однородной сметанообразной массы. Тесто следует вымешивать недолго, так как оно может осесть, и тогда бисквит будет низким и непышным.

Форму выстилают пергаментной бумагой и на ¾ объема заполняют бисквитным тестом, сверху посыпают измельченным миндалем и тотчас выпекают в горячем духовом шкафу.

Готовый бисквит охлаждают и вынимают из формы.

Мука пшеничная — 1 — ¼ стакана; сахарный песок — 1 стакан; яйца — 8 штук; ванильный сахар — по вкусу; миндаль измельченный — 2—3 столовые ложки.

Баба творожная

Желтки растирают с сахарной пудрой, добавляют растертое сливочное масло, протертый творог и продолжают растирать до получения однородной массы. Вводят взбитые белки, ванильный сахар, натертую лимонную цедру, изюм и осторожно перемешивают.

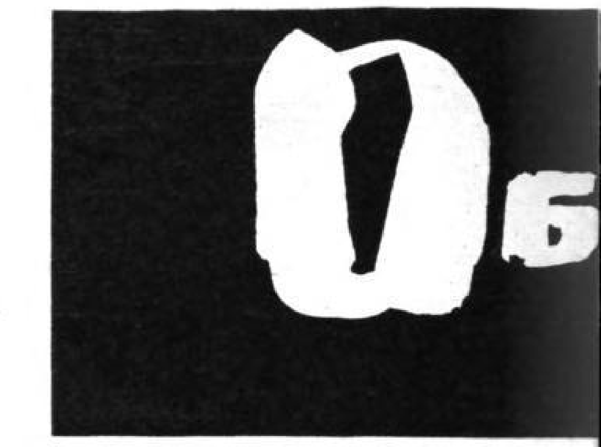
Массу выкладывают в форму, смазанную маслом и посыпанную сухарями, и выпекают в духовом шкафу при среднем нагреве.

Бабку украшают цукатами, или консервированными ягодами, или фруктами.

Нарезают ломтиками и посыпают сахарной пудрой, смешанной с ванильным сахаром.

Творог — 350 граммов; яйца — 6 штук; масло сливочное — 4—5 столовых ложек; изюм — 100 граммов; сахарная пудра — 150 граммов; ванильный сахар — по вкусу.

ПОТУСТОРОННИЕ НРАВЫ

Алиби

В ночь на 30 июня 1964 года супруга техасского банкира миссис Кэндэйс Грэйс Мосслер вела себя по меньшей мере странно. В 1 час 30 минут ночи усадила своих четверых детей в возрасте от 10 до 19 лет в машину, стоявшую у подъезда роскошного многоэтажного жилого дома «Гавернорс лодж» в Майами (Флорида), где в не менее роскошной квартире жил ее муж мультимиллионер Жак Мосслер, и исчезла во мраке флоридской ночи.

Примерно через четверть часа соседи Мосслера услыхали в его квартире возню, крики: «Не надо!.. Не надо!..» На пол грохнулось что-то тяжелое, смолкли крики, воцарилась зловещая тишина. Через несколько минут бдительные, хотя и слабоватые духом соседи, так и не решившиеся вмешаться в события, увидели: по черной лестнице спустился высокий неизвестный мужчина, сел в белый «шевроле», рванул с места и тут же пропал в черной флоридской ночи.

А миссис Мосслер? В 2 часа 47 минут она объявилась в дорогой местной больнице со всеми четырьмя детьми, которым, собственно, надлежало в это время суток мирно похрапывать дома в постелях. Кэнди —«Конфета», как фамильярно прозвала ее впоследствии американская пресса, попросила дежурную медицинскую сестру вызвать врача. Будет только через час? Ничего, она подождет. Ей не к спеху. В 4 часа с минутами врачебная помощь Конфете была оказана. В 4 часа 14 минут она усадила детей в машину и отправилась в «Гавернорс лодж».

Возможно, Конфета и нуждалась в тот час в медицинской помощи. Но еще больше она была нужна ее мужу, семидесятилетнему банкиру Жаку. Впрочем, нет, теперь уже необходимость в помощи отпала. Жак лежал на полу своей гостиной в «Гавернорс лодж», как пишут в детективных романах, «очень, очень мертвый».

В дом обожаемого супруга Кэнди вернулась в 4 часа 30 минут. Ночная управляющая (есть и такие в домах богачей) миссис Дарр видела ее с детьми в мраморном вестибюле у лифтов.

Ровно через 19 минут после этого старшая дочь Кэнди от ее первого брака хладнокровно позвонила семейному врачу: «Приезжайте, пожалуйста. Папа лежит, весь залитый кровью...»

Врач досконально знал не только — и не столько — детективную литературу, сколько нравы техасских миллионеров. Выезжая по вызову, он позвонил в полицию.

Детективы прибыли в «Гавернорс лодж» первыми. Им представилось в общем малоприятное зрелище. Владелец банков и ссудных контор лежал бездыханный на полу гостиной, прикрытый небрежно наброшенным одеялом. Ни дети, ни сама Кэнди не обнаруживали никаких следов горя или хотя бы волнения.

Ничем не напоминала Кэнди безутешную вдову. Правда, она выглядела озабоченной. Умоляла детективов как-то вмешаться. Что-нибудь сделать. Чем-нибудь помочь. Хотя, строго говоря, покойник не нуждался даже в сочувствии. Ему нужны были лишь похороны.

Все шло сравнительно нормально, пока сыщики не начали задавать недоуменные вопросы.

Ошибка банкира

Подготовка алиби, начавшаяся с ночной поездки в больницу, видимо, не включала возможных объяснений мотивов преступления. Первоначально Конфета выдвинула два варианта. Первый: у Мосслера, как и у всякого банкира, уйма врагов, только и ждавших случая вонзить в него (39 раз!) острый нож. Второе: произошло ограбление, самый вульгарный грабеж. Что ж, с этим она готова смириться: ничего не поделаешь, волна преступности...

Второй вариант отпал сразу же: оказались нетронутыми ценности, которые не могли не привлечь внимания убийцы, если бы его целью был грабеж. Первый вариант — месть — продержался несколько дольше. Впоследствии он фигурировал и на суде, хотя оказался неубедительным.

Видимо, поэтому в конце первого дня следствия был выдвинут третий вариант. Очень грязный, очень оскорбительный для семидесятилетнего старика, не способного уже ничего сказать в свою защиту. Посоветовавшись с адвокатами, Кэнди без тени смущения объявила, что убитый, дескать, страдал грязным пороком. Убийство — дело рук одного из его «любовников».

Полиции, лучше Кэнди знающей, кто и каким пороком страдает в Майами, этот ход показался «пахнущим рыбой», то есть липовым. Особенно когда стали известны некоторые факты. Выяснилось, что Конфета — дамочка с весьма запутанной биографией, состоит в скандальной интимной связи с сыном своей родной сестры Мэлвином Лэйном Пауэрсом, 22 лет. Этот факт, подтвержденный множеством свидетельских показаний, не отрицала впоследствии и сама Конфета. «Кто из нас без греха!» — кокетливо отвечала она на вопросы журналистов.

...ЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО

Судя по всему, Жак Мосслер был трезвым бизнесменом. Но его способность разбираться в людях явно оказалась недостаточной, когда он встретил 28-летнюю Конфету. После длительного путешествия по Европе Мосслер поселился в Хьюстоне (Техас). За несколько лет до описанных событий в Майами он усыновил детей из трагически распавшейся семьи. В доме раздавались детские голоса. Жену лестно сравнивали со «звездами» Голливуда. Банкиру казалось, что он счастлив.

Действительно, все шло более или менее нормально, пока в доме Мосслеров не поселился Мэлвин. Изгнанный в свое время из школы, он успел уже отслужить в военной авиации и отсидеть в тюрьме три месяца за мошенничество.

Беспечный дядюшка пристроил было Мэла в одной из своих фирм. А вскоре, заручившись письменным предписанием суда и содействием двух дюжих судебных исполнителей, был вынужден выгнать Мэла из дома.

— Вы еще пожалеете об этом! — яростно орал Мэл.— Я еще вернусь!

Напуганный угрозой, престарелый банкир отправился в длительное путешествие. Вернувшись, он покинул Хьюстон и переселился во Флориду. А Мэл открыл в Хьюстоне — на деньги Конфеты — свой бизнес — торговлю автомобильными «трейлерами».

Полиции не стоило большого труда установить, что Мэл Пауэрс прибыл в Майами 29 июня и улетел в Хьюстон 30-го. Отпечатки его пальцев — и даже ладоней — были обнаружены в квартире банкира и на белом «шевроле», найденном утром 30-го у аэропорта Майами. Счетчик на автомобильной стоянке показывал: машина была оставлена в 5 часов 19 минут утра.

Мэл был арестован почти сразу же. Тетушка — немного позднее. Оба были сразу же освобождены под залог в 50 тысяч долларов каждый — наследство Жака Мосслера превышало тридцать миллионов долларов. Главным претендентом на него была Конфета.

Следствие длилось полтора года...

Битва за миллионы

Семь недель камера судьи Шульца на шестом этаже окружного суда в Майами была эпицентром сенсации. Делу № 2244, помпезно озаглавленному «Штат Флорида против Кэндэйс Мосслер и Мэлвина Лэйна Пауэрса», было предназначено решить, завладеет ли когда-нибудь Конфета миллионами убитого. Хотя, конечно, с юридической точки зрения,— но только теоретически — ей угрожали большие неприятности.

Битва началась и, пожалуй, была уже выиграна во время подбора двенадцати присяжных, которым предстояло решить кардинальный вопрос: «Виновны или не виновны?». За первые две недели, когда комплектовался состав суда, адвокаты, ловко маневрируя, добились того, что среди присяжных (их отбирали из списка, содержавшего 177 имен) не было людей точных профессий — учителей, бухгалтеров, архитекторов, физиков,— которые привыкли к логике, точности, ясности.

«Деньги говорят»,— гласит американская поговорка. Доллары и нанятая на них защита не просто говорили. Они кричали — нагло, громко, визгливо. Зато обвиняемые молчали, словно в рот воды набрали. Ни Мэл, ни Конфета не проронили ни единого слова за все время процесса, длившегося семь недель.

Самое странное состояло в том, что ни судья, ни обвинение ни разу не задали подсудимым простой и более чем естественный в подобных условиях вопрос: «Убивал или не убивал?», «Соучаствовала в преступлении или не соучаствовала?» (Оказывается, законы штата допускают отказ подсудимых давать на суде показания! По тем же законам, такой отказ не может быть поставлен в вину обвиняемым. Что и говорить, все удобства для преступников!)

Пробелы юриспруденции пытались восполнить журналисты. Через адвоката Формэна они пытались взять интервью у Мэла. Адвокат с вежливой улыбкой отклонил их попытки. «Мой подзащитный,— заявил он,— слишком злоупотребляет своим правом говорить».

Судебное разбирательство свелось к допросу свидетелей и препирательству между обвинением и защитой. Силы были явно неравны: на трех прокуроров-обвинителей приходилось семь адвокатов защиты.

Мотивы преступления были весьма убедительно сформулированы обвинением: ненависть, похоть, алчность. Суду были представлены веские улики — отпечатки пальцев и ладоней Пауэрса, найденные на месте преступления. Были и показания свидетелей. Эрл Мартин работал у Пауэрса механиком, Фред Духарт служил на соседней станции автообслуживания. Обоим Пауэрс предлагал деньги, если они согласятся «пристукнуть» старого банкира. Свидетели отклонили это предложение, несмотря на всю его соблазнительность.

Нашелся, правда, свидетель, Билл Мулви, который получил от Конфеты задаток (семь тысяч долларов) в счет ее заказа — уничтожить старика. Деньги Мулви взял, а заказа не выполнил. Но его показания суду попросту не были приняты во внимание.

Обстановка на суде царила прямо-таки водевильная. Судья помогал вдовствующей миллионерше чем мог. Не открывал заседания, не удостоверившись в том, что система кондиционирования воздуха в зале действует нормально и подсудимая не испытывает неудобства. Отменял заседания в дни, когда Конфета чувствовала себя неважно. Исключил из протоколов суда показания сержанта полиции Мэддокса, которому Пауэрс фактически сознался в преступлении вскоре после ареста.

Возможно, поведение судьи было обусловлено «историческим прецедентом». Оказывается, брат Конфеты де Уитт Уиттерби, владевший в штате Джорджия придорожным кабачком-казино «Серебряный доллар», застрелил в 1954 году одного из своих завсегдатаев. Адвокат Сандерс, нанятый Конфетой, спас де Уитта от угрожавшей ему казни. Приговоренный к пожизненному тюремному заключению, де Уитт уже через пять лет был выпущен на свободу. Сандерс был избран в 1962 году губернатором Джорджии. По словам журнала «Пост», Кэндэйс Мосслер «внесла крупные взносы в фонд его кампании».

Подсудимые? Пауэрс хранил молчание. Ухмылялся анекдотам, которые адвокаты рассказывали время от времени, чтобы подбодрить подсудимого, не дать ему раскиснуть,— Мэл должен был выглядеть спокойным и беззаботным. Конфета разыгрывала бедную, беззащитную вдову, которую всякий может обидеть. С видом оскорбленной невинности всплескивала руками, слушая свидетелей, хотя ни разу не встала и не отвергла их показания. Входя в зал суда, рассылала на все стороны воздушные поцелуи. Улыбалась присяжным покорной, обольстительной улыбкой. В общем, старалась производить впечатление.

Пресса довольно-таки сухо воспринимала этот бурлеск, как назвал процесс журнал «Пост». Некоторые газеты из осторожности держали себя во время суда нейтрально. Но ни одна не выразила серьезных сомнений в виновности Мэла и Конфеты. И все неизменно отводили скандальному процессу самое видное место. На всю страницу печатались портреты Конфеты, все еще привлекательной, несмотря на свой более чем зрелый возраст (у нее уже был внук, и одна из газет называла ее «разудалая бабуля»).

Обработке общественного мнения защита уделяла едва ли не главное внимание. Адвокаты не жалели ни сверкающего лака, ни розовой краски, живописуя — в суде и за его пределами — добродетели вдовы («помогала родным и друзьям», «воспитывает четырех приемышей», «не скупится на благотворительные пожертвования» и т. п. и т. д.). Для убитого не жалели дегтя и сажи. Один из представителей защиты сказал журналистам: «К тому времени, когда старик Перси (адвокат защиты Формэн) покончит с защитой, публика будет гореть желанием наброситься на убитого в его могиле». Журнал «Пост» заявил, что на суде произошло «второе убийство». Формэн «начал добивать убитого». Адвокат «меньше всего говорил о своем подзащитном» и «пытался как можно больше очернить всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к делу как свидетель».

За спасение Мэла от электрического стула Формэн заломил — в счет будущих благ — двести тысяч долларов. Мэл был 701-м подсудимым, которого этот адвокат защищал от обвинения в убийстве. Некоторые из них совершили преступление среди бела дня, в присутствии десятков свидетелей. И лишь один из убийц был казнен. Говорят, что, когда этого адвоката спросили, сколько он возьмет за защиту по одному из дел, он ответил: «Смотря кто будет поставлять свидетелей — вы или я».

В заключительной речи, продолжавшейся пять часов, с перерывами на завтрак и обед, Формэн объявил, что суд в Майами отражает в себе «идеологию западного мира». Трудно было бы сделать заявление большей саморазоблачительной силы!

Кто-то из публики, присутствующей на суде, однажды бросил: «С этакими миллионами выкрутятся...»

И выкрутились. В «поединке со штатом Флорида» победили Мэлвин Пауэрс и Кэндэйс Мосслер. Вердикт присяжных гласил: «Не виновны». Преступление осталось без наказания.

«Я не согласен с вердиктом,— заявил главный обвинитель Джерстайн, генеральный прокурор округа Дэйд, на территории которого находится Майами.— Но такова американская система».

Да, такова американская система. Она отвела от убийцы меч правосудия. Тяжелый, карающий, когда его заносят над борцами за мир и демократию. Картонный, когда под ним оказывается преступник с тугой мошной.

Вл. МОРЕВ

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—47.

Рисунки П. Пинкисевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РОЗА И ЕЕ СТРАННОСТИ

Шарль Бессон не ошибся. В баре, помимо Чарли, находился всего один человек, это был Тео. Он сидел перед недопитой рюмкой аперитива «мастик» [1] и за отсутствием партнера сам с собой играл в «покер-дайс» [2].

Шарль устремился к нему, счастливый и гордый возможностью представить комиссару старшего брата, а тот смотрел на вошедших тусклым взглядом и неохотно покидал табурет у стойки.

— Знаешь ты комиссара Мегрэ?

Тео мог бы ответить: «Только понаслышке», или «Как и все», или еще что-нибудь в этом роде, что дало бы понять, что для него это не просто первое попавшееся имя,— но он лишь церемонно поклонился и, не подавая руки, процедил:

— Очень рад.

Вблизи он выглядел старше: заметнее выступали мелкие морщины, похожие на трещины. Должно быть, по утрам он немало времени проводил в парикмахерской, где с ним проделывали сложные косметические процедуры, включая и массаж лица; кожа у него была, словно у старой кокетки.

— Ты, конечно, знаешь, что по моей просьбе и просьбе Валентины, специально ездившей в Париж, комиссар согласился вести следствие?

Шарль был несколько огорчен тем, что брат встретил их с ледяной вежливостью путешествующего монарха.

— Мы тебе не помешали?

— Ничуть.

— Только что на пляже мы провели целый час под солнцем, и нас мучает жажда, Чарли!

Тот дружески подмигнул Мегрэ.

— Что ты пьешь, Тео?

— Виски.

— Терпеть не могу виски. А вы что выпьете, комиссар? Себе я закажу пикон-гренадин.

Вышло так, что и Мегрэ взял себе то же самое. Давно уж он не пробовал этот напиток, и каким-то загадочным образом он сразу же напомнил ему времена отпусков.

— Ты был у Валентины после воскресенья?

— Нет.

У Тео были большие, холеные, бледные руки, поросшие рыжеватыми волосками, на мизинце — большой перстень-печатка. На нем не было ни одной вещи, какую можно приобрести в заурядном магазине. Да, несомненно, он облюбовал для себя определенный внешний облик и следовал ему неизменно. Кто-то в свое время произвел на него неизгладимое впечатление — возможно, какой-нибудь английский аристократ; он изучал его жесты, походку, манеру одеваться, даже мимику. Вот и теперь он время от времени вяло подносит руку ко рту, словно собираясь зевнуть, но не зевает.

— Ты еще долго пробудешь в Этрета?

— Не знаю.

Шарль все старался представить брата в более выгодном свете и объяснял комиссару:

[1] «Мастик» — спиртной напиток с привкусом аниса (прим. перев.).

[2] «Покер-дайс» — игра в кости, на которых вместо цифр изображены фигуры карточной колоды.

В № 22 нашего журнала был объявлен конкурс на лучший юмористический рассказ по рисункам художника В. Воеводина.

Со всех континентов земного шара редакция получила отклики. Более полутора тысяч авторов прислали свои рассказы.

Жюри отобрало для публикации юморески, которые и предлагаются вниманию читателей.

Редакция «Огонька» сердечно благодарит всех, кто принял участие в конкурсе.

Исторический роман

ПОВАР. А не скушаете ли вы, профессор, картофельную запеканочку?

ПРОФЕССОР. Не откажусь. А хороша ли ваша запеканка?

ПОВАР. Хороша ли? Да за такую точно запеканочку царь Алексей Михайлович повару шубу со своего плеча пожаловал.

ПРОФЕССОР. Не преувеличивайте, милейший. В то время на Руси еще не знали картофеля.

ПОВАР. Вот те раз! Так ведь казаки Степана Разина о картофеле осведомлены были.

ПРОФЕССОР. Знаете что, дорогой? Не морочьте мне голову. Я все же профессор истории и в этих делах разбираюсь.

ПОВАР. Так нате сами прочитайте, что черным по белому написано. Или слушайте (читает): « — Сарынь на кичку! — крикнул Степан, и буйная ватага казаков ринулась на купеческий корабль. Через пять минут все было кончено. Пленных было немного, и все они держались с достоинством.

— Порубать их, атаман, али как? — спросил старый есаул с седым чубом и лицом, морщинистым, как печеная картошка...»

ПРОФЕССОР. Это невероятно... Черт знает что такое... ох, сердце... Сердце останавливается... я буду жаловаться... дайте жалобную книгу...

ПОВАР. Жалобную книгу вам? Ах, так? Опозорить хотите? Машенька, принеси посетителю жалобную книгу.

МАШЕНЬКА (официантка). Очень странно, профессор, что вы именно на нас жаловаться хотите. Столько лет к нам в кафе ходите, и всегда принимаем вас, как родного. Мне кажется, если уж жаловаться, то на книгоиздательство или еще куда. Например, в Союз писателей.

ПРОФЕССОР. Правда, Машенька, правда. Вы умница, вы чудесная девушка. Вы мне всегда нравились... Ох, это проклятое сердце... Одно время я даже хотел вам сделать предложение... Но вот опять сердце...

ПОВАР. Что я слышу? Моей сестре предложение? После нанесенного нам оскорбления? Не бывать этому!

ПРОФЕССОР. Ваша сестра вполне взрослая. Ей, мне думается, уже исполнилось двадцать лет, и она вправе сама распоряжаться собой.

ПОВАР. Ха, ха, двадцать! Скажите лучше — тридцать.

МАШЕНЬКА. Ну, знаешь...

ПОВАР. Ладно, ладно, бог с вами. Идите и живите в любви и согласии. Аптечку с собой захватите, сердечники. А я останусь здесь, у своих кастрюль. Умру холостым, но от орудия не отойду.

Волгоград. И. ДВОРКИН

Пути-дороги

— Должен вас предупредить, товарищ: суп гороховый у нас сегодня не удался,— сердечным голосом сказал повар, отпуская обед.

Мне понравилось такое мужественное признание, и я с легким сердцем ответил:

— Это ничего, я наемся вторым.

Когда я взялся за второе, повар продолжал:

— Котлеты неважные.

— Вы очень самокритичны,— сказал я, съев кусочек котлеты.

— А чего скрывать правду? — оживился мой собеседник.— Правду я всегда в глаза говорю. Плохо — значит, так и говори, и нечего народ обманывать.

— А что скажете про оладьи со сметаной? — спросил я с надеждой.

— Я человек откровенный и не скрою: оладьи плохие. Печь плохо горит. Оладьи — дело тонкое, а тут у нас не ресторан, индивидуальных заказов не принимаем.

Я молча взялся за кофе.

— Кофе жидкий и холодный, не правда ли? — спросил повар.

— Правда. Вы удивительно искренний человек, спасибо хоть за это.

— Не стоит. У меня такой характер: все говорю открыто.

Через неделю я опять был командирован в этот совхоз.

В столовой повар встретил меня как старого знакомого.

— Презабавный парень. Никогда не знает накануне, что будет делать на следующий день. Без всяких на то причин после ужина у «Фуке» или «Максима» он вдруг может собрать чемодан и улететь в Канн или Шамони, в Лондон или Брюссель. Так ведь, Тео?

Но Мегрэ уже перешел в атаку.

— Позвольте задать вам один вопрос, господин Бессон. Когда в последний раз у вас было свидание с Розой?

Бедняга Шарль оторопело уставился на обоих и раскрыл было рот, чтобы запротестовать. Он, видимо, не сомневался, что старший брат станет решительно опровергать возможность чего-либо подобного.

Но Тео возражать не стал. Он, казалось, был озадачен и, прежде чем поднять глаза на комиссара, несколько мгновений рассматривал дно своего стакана.

— Вы хотите знать точную дату?

— Да, возможно более точную.

— Шарль вам подтвердит, что я никогда не помню чисел и путаю дни недели.

— Больше недели тому назад?

— Примерно неделя.

— В воскресенье?

— Нет. Даже под присягой я дважды подумал бы, прежде чем ответить. Ну, а на скорую руку могу сказать, что было это в прошлую среду или четверг.

— Часто вы с ней встречались?

— Не помню точно. Два-три раза.

— Познакомились вы с ней не у вашей мачехи?

— Вам, наверное, говорили, что я не встречаюсь с мачехой. Я не знал, где работает эта девушка, когда с ней познакомился.

— Где это произошло?

— На гулянье в местечке Вокотт.

— Ты стал волочиться за горничными?— пошутил Шарль, давая понять, что это не в привычках старшего брата.

— Я смотрел бег в мешках. Она стояла рядом со мной. Не припомню уж, кто первым заговорил — то ли она, то ли я. Во всяком случае, она сказала, что деревенские праздники похожи друг на друга, что все это глупо и она предпочитает уйти. Я тоже собирался уходить и из вежливости предложил ей место у себя в машине.

— И это все?

— Повторить, Чарли!

Тот, уже не спрашивая позволения, наполнил три стакана, и Мегрэ не стал возражать.

— Она говорила, что много читает, рассказывала о книгах, которые не могла понять, но которые волновали ее. Должен ли я рассматривать это как допрос, господин комиссар? Заметьте, что я готов подчиниться, если это требуется, но согласитесь, что не в таком месте...

— Полно, Тео!— возразил Шарль.— Не забывай, что господин Мегрэ приехал сюда по м о е й просьбе.

— Из тех, с кем я встречался, вы первый, кто, видимо, немного знает эту девушку,— добавил комиссар.— Во всяком случае, вы первый что-то рассказываете мне о ней.

— Что же еще вы хотите узнать?

— Что вы думаете о ней?

— Это деревенская девушка, но она слишком много читала и поэтому задавала несуразные вопросы.

— О чем?

— Обо всем. О доброте и эгоизме, об отношениях между людьми, о разуме. Разве все упомнишь?

— А о любви?

— Она заявила мне, что не верит в любовь и никогда не опустится до того, чтобы отдаться мужчине.

— Даже выйдя замуж?

— К замужеству она относилась как к чему-то, по ее словам, весьма постыдному.

— Стало быть, между вами ничего не было?

— Абсолютно ничего.

— Никаких вольностей?

— Случалось, что она брала меня за руку, когда мы шли пешком, а когда случалось ехать в автомобиле — слегка опиралась о мое плечо.

— Она никогда не говорила вам о ненависти?

— Нет, ее коньком были эгоизм и высокомерие, последнее слово она произносила с сильным нормандским акцентом. Чарли!

— Короче говоря,— вмешался брат,— ты ради забавы занимался изучением характера?

Тео не стал утруждать себя ответом.

— Это все, господин комиссар?

— До смерти Розы вы были знакомы с Анри?

На этот раз Шарль забеспокоился не на шутку. Откуда Мегрэ, говоривший с ним о пустяках, все это знает? Поведение Тео начинало ему казаться не таким уж естественным, особенно его затянувшееся пребывание в Этрета.

— Я знал его только по имени. Она рассказывала мне обо всех своих родных, которых она не любила, конечно, по той причине, что они якобы не понимали ее.

— А Анри Трошю вы встретили только после ее смерти?

— Он остановил меня на улице, спросил, тот ли я самый человек, кто встречался с его сестрой. Вид у него был такой, что он вот-вот полезет драться. Я обстоятельно объяснил ему все, и он успокоился.

— Вы встречались с ним еще раз?

— Да, вчера вечером.

— Зачем?

— Просто мы встретились случайно...

— Он зол на ваших родных?

— Особенно на Валентину.

— По какой причине?

— Это уж его дело. Полагаю, что вы сможете его допросить, как допрашиваете меня. Чарли!

Мегрэ вдруг понял, на кого с таким старанием пытался походить Тео: на герцога Виндзорского!

— Еще два-три вопроса, поскольку вы уж так любезны. Когда-нибудь вам приходилось встречаться с Розой в «Гнездышке»?

— Никогда.

— А ждать где-нибудь поблизости от дома Валентины?

— Она сама сюда приходила.

— Случалось ли ей бывать пьяной в вашем обществе?

— Она сильно пьянела после одной-двух рюмок.

— Она не высказывала желания умереть?

— Смерти она боялась панически. В автомобиле она всегда умоляла меня сбавить скорость.

— Любила ли она вашу мачеху? Была ли ей предана?

— Не думаю, чтобы две женщины, живя вместе и встречаясь с утра до вечера, могли любить друг друга.

— Вы полагаете, что в конце концов они неизбежно начинали друг друга ненавидеть?

— Этого слова я не произносил.

— Кстати,—снова вмешался Шарль Бессон,— я вспомнил, что должен зайти к Валентине. Было бы просто невежливо приехать в Этрета и не узнать, как у нее дела. Вы не поедете со мной, господин комиссар?

— Нет, спасибо.

— Вы останетесь с братом?

— Я побуду здесь еще какое-то время.

— Вам я больше не понадоблюсь сегодня? Завтра я поеду в Дьепп на похороны. Кстати, Тео, у меня умерла теща.

— Поздравляю.

Шарль выскочил из комнаты красный как рак, и трудно было бы сказать, что тому причиной: выпитые ли аперитивы или поведение брата.

— Идиот! — пробормотал Тео сквозь зубы.— Значит, это он заставил вас приехать сюда из Парижа?

Он пожал плечами, протянул руку к игральным костям, словно давая понять, что сказать ему больше нечего. Мегрэ вынул бумажник из кармана, повернулся к Чарли, но Тео пробормотал тому:

— Запиши на мой счет.

Выйдя из казино, Мегрэ увидел машину Кастэна, а возле отеля и самого инспектора, который дожидался его.

— Вы не торопитесь? — спросил Кастэн.— Может, выпьем по рюмочке?

— Вот уж чего мне не хочется. Кажется, я проглотил только что три аперитива подряд. И мне бы хотелось скорее сесть за стол.

Комиссар чувствовал, что его разморило. Все это дело вдруг представилось ему в комическом свете, даже Кастэн с его серьезным и деловитым видом показался уморительным типом.

— Мне кажется, вам стоило бы прокатиться в Ипор,— заговорил инспектор.— Уже пять лет я здесь работаю и думал, что знаю нормандцев. Но совладеть с этой семейкой мне оказалось не по плечу.

— Что они говорят?

— Ничего. Ни да, ни нет. Разглядывают тебя исподлобья, сесть не предлагают и словно ждут, пока ты уберешься восвояси. То и дело переглядываются, будто говорят друг другу: «Так будем с ним разговаривать?» «Решай сам!» «Нет, ты решай!» Потом мать пробурчит какую-то фразу, вроде бы ничего не значащую, но, видимо, полную скрытого смысла.

— Что же она говорит?

— Вот, например, такое: «Все эти люди — одна шайка, никто из них и слова не проронит».

— А еще что?

— «У них, конечно, были причины, по каким они не пускали сюда нашу дочь».

— Роза их не навещала?

— Насколько я понял, редко. Хотя из их слов можно сделать любые выводы. Впечатление такое, что слова у них имеют совсем другой смысл, чем обычно. Можно было понять лишь одно: мы с вами явились сюда не для того, чтобы установить истину, а чтобы избавить «тех людей» от неприятностей.

Они, кажется, не верят, что Роза погибла по ошибке,— продолжал инспектор.— Послушать их, так это в нее, а не в Валентину ме-

---

— А, покушать захотели? Пожалуйста, милости просим. Но должен сказать прямо: обед сегодня неважный.

Вкусив от каждого блюда и все же оставшись голодным, я попросил книгу жалоб.

— Хотите жалобу писать? — спросил меня повар.— Скажу вам прямо, не люблю ябедников и не советую им встречаться мне на узкой дорожке.

И хотя я не жаждал встречи, в тот же день вечером попался ему на узкой дорожке, точнее, в доме заезжих, и даже не успел удивиться, что так тесен мир.

— Скажу тебе откровенно,— засмеялся повар,— сейчас тебе будет нужна медицина.

Я услышал сильный водочный запах и... очнулся уже в больнице.

Когда я рассказал, как было дело, одна сестричка разжалобилась и стала приносить мне блины. Блины с каждым днем становились вкуснее, а беседы наши продолжительнее. Когда же после выписки Любовь Петровна угостила меня борщом своего приготовления, я прослезился и понял, что жизнь прекрасна, несмотря на существование столовых.

Через месяц мы с Любой выходили из загса.

— Милый,— сказала мне жена,— давай пригласим на свадьбу повара. Ведь если бы не он, может быть, мы и не нашли бы друг друга. Пусть он хоть раз в жизни поест по-человечески...

Но пригласить повара нам не удалось: он все еще отбывал наказание.

Н. ХЛОПОТИН

Зверосовхоз «Лесной»,
Алтайский край.

Прискорбный случай

Бредя по сорок второй улице Нью-Йорка, он угрюмо глядел под ноги, не замечая суеты огромного города, не замечая полыхающего багровыми красками вечернего неба, которым он, наверное, не преминул бы полюбоваться при других обстоятельствах. Ведь он был единственным человеком в этом городе, который иногда взор свой поднимает к небу и видит удивительную красоту ярких, изменчивых красок над глыбами небоскребов. Так он думал о себе в минуты хорошего настроения.

Но сегодняшний вечер был испорчен. Полчаса тому назад веселый собутыльник сказал ему, угощая отменным вином:

— Пей, полупрозаик, полупоэт!

Вспомнилась пушкинская эпиграмма, и вино скисло.

А ведь рассказик он написал замечательный. Это была едкая, сногсшибательная сатира на советскую действительность. Он в ярких красках показал протест рядового советского потребителя, которому надоела безвкусная, противная стряпня, подаваемая в общественных столовых.

...Потребитель наконец возмутился. Несмотря на угрозы главного повара, он написал что надо в жалобной книге, а потом вместе со свидетельницей происшествия пошел к самому Загсу и там уже разнес все и всех. Загс сробел и перетрусил. Потребитель торжествовал.

Свидетельница оказалась заместителем министра здравоохранения Советского Союза и всецело была на стороне потребителя. Восхищенная его смелостью, она предложила ему свою руку и сердце.

Наверное, после такого события все столовые будут ликвидированы. Их заменят шикарные рестораны под руководством выписанных из Америки специалистов кулинарии...

Рассказ был немедленно принят к печати в очень популярной газете «Новое точное время», выходящей в Нью-Йорке солидным тиражом в 326 экземпляров.

Автор рассказа был знаменит в известных кругах как непримиримый критик советской действительности, беспощадный враг советских новшеств. Он 20 лет из своих 60 отдал стихам, наполненным ненавистью к своему народу, а другие 20 посвятил прозе того же содержания. Он никогда не был в Советском Союзе, но считал себя большим знатоком русской современной жизни, потому что его папа служил в земской управе Мездряковского уезда в 1911 году.

Всю обедню испортил один вопрос. Его спросили наивно:

— Скажите, а что это такое — Загс?

Он снисходительно объяснил:

— Это не что, а кто. Так называется в той стране заведующий государственной столовой, сокращенно загс...

Бредя домой, он мрачно смотрел себе под ноги, ругая художника Воеводина, веселого сотрудника «Огонька», за то, что тот соединил столовую с Загсом без логических оснований. На сердце и в желудке было скверно. Не хотелось даже поднять голову, чтобы полюбоваться яркими красками вечернего неба. Он вдруг почувствовал себя совсем плохо. С трудом дотащился домой, беспомощно прилег на диван, икнул и помер...

Так скончался в городе Нью-Йорке великий сатирик Аргусовский.

Чудны дела твои, господи!..

Патрик де ЛЕКОУТ

Нью-Йорк, США.

Забавные Забавные

ТОРЕАДОР ПОНЕВОЛЕ

Бурю негодования в одном из испанских городов вызвал тореадор, пытавшийся бежать с арены. Любители корриды блокировали все выходы, и незадачливому тореро пришлось продолжить бой.

ГРОЗА ЗМЕЙ

Этот пес по имени Вучко (Волчонок) — любимец ребят из югославского села Орлич.

Однажды Вучко, когда еще был щенком, пропал. Ребята долго искали его и вдруг обнаружили жалобно скулящего в кустах. Рядом с ним извивалась ядовитая змея. Оправившись от испуга, ребята вооружились палками и помогли своему четвероногому другу одержать победу. Но все же змея укусила щенка. Несколько дней он был на грани жизни и смерти. Его спасло то, что он ел какие-то травы.

Выздоровев, Вучко сразу же направился на охоту за змеями. Он разыскивал их в поле и в горах и отважно кидался в бой. Несколько раз змеи кусали пса, но у него выработался иммунитет к яду. Вучко научился находить змей по следу и выкапывать их из нор.

Вот уже пять лет отважный пес беспощадно истребляет змей в окрестностях Орлича. На счету Вучко более двух тысяч уничтоженных гадюк.

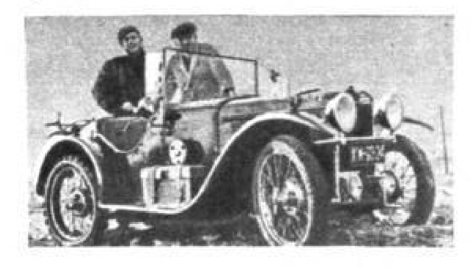
ДВОЙНОЕ САЛЬТО

Австриец Е. Шмидт — единственный из спортсменов, кто делает двойное сальто, прыгая на лыжах с трамплина.

ДОЕДУТ ЛИ?..

Два польских студента архитектурного института Кракова отремонтировали автомобиль марки БМВ выпуска 1924 года и предприняли на нем путешествие по различным странам.

Они думают пробыть в пути полтора года и за это время собрать материал, необходимый для дипломной работы.

тил убийца... Отец, вернувшись, все же предложил мне стакан сидра; он, правда, долго колебался, но как-никак я был в его доме. Был там и его сын — в море он уходил только в ночь. Но со мной он не чокнулся.

— Это старший, Анри?

— Да. Сам он не проронил ни слова да и им делал знаки, чтобы они молчали. Если бы я повстречал папашу в одном из кабачков Фекана, да навеселе, возможно, он рассказал бы мне больше... А что удалось сделать вам?

— Я поговорил с обоими Бессонами. Сначала с Шарлем, затем с Тео.

Они сели за стол. Перед ними стояла бутылка белого вина, и инспектор наполнил оба стакана. Мегрэ не ограничивал себя, и, когда они вышли на улицу, ему мучительно захотелось поспать после обеда, широко распахнув окна на море.

Его удержало вдруг возникшее чувство стыда. Это тоже было наследием детства — сознание долга, которое он сам добровольно доводил до крайности. Ему все казалось, что он мало делает для того, чтобы отработать свой хлеб. Это настолько укоренилось в нем, что, даже будучи в отпуску — что случалось далеко не каждый год, и пример тому нынешний,— он не переставал испытывать какое-то ощущение вины.

— Чем мне заняться? — спросил Кастэн, заметив, что комиссар сонлив и нерешителен.

— Чем тебе угодно, малыш. Ищи. Не знаю уж, где. Может, тебе удастся повидать доктора?

— Доктора Жолли?

— Да. И других людей! Неважно кого. Наугад. Престарелая мадемуазель Сёрэ, должно быть, любит поболтать и томится в одиночестве.

— Подвезти вас куда-нибудь?

— Нет, спасибо.

Он знал, что подобное состояние находило на него каждый раз, когда он вел следствие. И случайно ли или же тут работал инстинкт, но каждый раз ему доводилось именно в это время выпивать лишку. В общем, это бывало тогда, когда материал следствия «начинал бродить».

Поначалу ему бывали известны одни сухие факты, которые приводились в полицейских рапортах. Потом он попадал в среду людей, которых прежде в глаза не видал и еще накануне ничего не знал о них. И он разглядывал их так, как рассматривают фотографии в альбомах.

С ними нужно было знакомиться возможно скорее, задавать вопросы, верить или не верить ответам, избегать слишком поспешных выводов. В этот начальный период люди и вещи виделись недостаточно отчетливо, как бы в отдалении, и казались поэтому безликими, лишенными индивидуальности.

И вот в какой-то момент, как будто без всякой причины, все это начинало «бродить». Персонажи становились менее расплывчатыми, более земными и совсем непростыми. Тут уж приходилось держать ухо востро.

Словом, он начинал видеть их изнутри, пока еще на ощупь, неуверенно, и все же создавалось впечатление, что еще одно усилие, совсем небольшое,— и все прояснится, и истина раскроется сама по себе...

Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он медленно шел по знакомой уже пыльной дороге. Вдруг пустяковая мелочь привлекла его внимание. Совсем незначительная, но, возможно, и немаловажная.

В Париже он привык, что на каждом перекрестке к твоим услугам какие-либо средства сообщения. А каково расстояние от «Гнездышка» до центра Этрета? Примерно километр. У Валентины нет телефона. Нет и автомобиля. Видимо, на велосипеде она уже не ездит.

Стало быть, пожилой женщине приходится совершать целое путешествие, чтобы встретиться с людьми; вероятно, бывали времена, когда она подолгу ни с кем не виделась. Ближайшая ее соседка — одна из сестер Сёрэ, которой около девяноста лет, она, несомненно, уже не поднимается со своего кресла.

Интересно, Валентина сама ходила за покупками? Или поручала это Розе?

В зелени живых оград чернели крупные ягоды ежевики, но он не остановился, чтобы сорвать их, не остановился он и для того, чтобы срезать себе тросточку. Увы, не тот возраст! Но ему было приятно думать об этом. Он думал также о Шарле, о его брате Тео, пообещал себе выпить стаканчик сидра у Трошю. Интересно, предложат ли они ему этот стаканчик?

Он толкнул зеленую калитку, вдохнул в себя сложный запах цветов и растений в саду, услышал ритмичное поскребывание и на повороте тропинки увидел старика, который окапывал кусты роз. Это был, очевидно, Эдгар, садовник, приходивший к Валентине три раза в неделю; его нанимала также и мадемуазель Сёрэ.

Человек распрямился, стараясь рассмотреть вошедшего, поднес руку ко лбу, и нельзя было понять, приветствие ли это или просто прикрыл рукой глаза от солнца.

Это был настоящий садовник, «как на картинках». Почти горбатый оттого, что всегда нагибался к земле, с маленькими сверлящими глазами, похожий на зверька, высунувшего мордочку из норы.

Он ничего не сказал, проводил взглядом Мегрэ и, лишь когда услышал, как отворилась дверь, вновь принялся монотонно скрести лопатой.

Дверь на этот раз открыла не мадам Леруа, а сама Валентина. Она вышла ему навстречу с таким видом, словно они старые, очень давние знакомые.

— Ко мне сегодня приходили,— объявила она оживленно.— Шарль навестил меня. Его, кажется, расстроил холодный прием, оказанный вам его братом.

— Он рассказывал вам о нашем разговоре?

— О каком разговоре? Постойте-ка. Он говорил мне главным образом о мадам Монте, которая умерла. Это изменит его положение. Теперь он богат, богаче, чем когда-либо, ведь у старой карги было более шестидесяти собственных домов, не считая ценных бумаг и наверняка припрятанных мешков с золотыми монетами. Что вы выпьете, господин комиссар?

— Стакан воды, самой холодной.

— При том лишь условии, что запьете его еще чем-нибудь, хоть капельку. Сделайте это ради меня. Я никогда не пью одна. Это было бы ужасно, не правда ли? Представьте себе старую женщину, которая в одиночестве распивает кальвадос. Но когда приходит кто-нибудь, признаюсь, я бываю рада случаю пригубить рюмочку.

Что ж, будь что будет! Чувствовал он себя отлично. В маленькой комнате было, правда, немного жарко, солнечные лучи грели плечо. Валентина, указав ему кресло, хлопотала вокруг него, она была оживленна и подвижна, и почти мальчишеский огонек светился в ее глазах.

— Шарль ни о чем другом вам не рассказывал?

— О чем именно?

— О своем брате, например?

— Он просто сказал мне, что не понимает, почему Тео решил предстать перед вами в дурном свете. И добавил, что, вероятно, он сделал это нарочно. Шарль был огорчен. Он просто обожает Тео, к тому же у него чрезвычайно развиты родственные чувства. Могу держать пари, что вам он не сказал обо мне ничего плохого.

— Совершенно верно.

— А кто же тогда?

Мегрэ не пробыл здесь и трех минут, и вот уже незаметно его самого подвергают допросу.

— Моя дочь, не так ли?

Однако произнесла она это с улыбкой.

— Не опасайтесь выдать ее. Она и не пыталась скрыть от меня, что довела до вашего сведения свое мнение обо мне.

— Мне кажется, ваша дочь не очень счастлива?

— А вы полагаете, что у нее есть желание быть счастливой?

Она улыбалась, глядя в стакан, улыбался и Мегрэ.

— Не знаю, часто ли вам приходилось иметь дело с женщинами. Роза, например, чувствовала себя глубоко несчастной, если у нее постоянно не было сложных проблем, которые она должна была разрешить. Это были философские проблемы, над которыми она вдруг принималась размышлять, и столь упорно, что едва отвечала мне, когда я к ней обращалась, и с грохотом мыла посуду, словно ей мешали найти ответ на вопрос, от которого зависели судьбы мира.

— Верно ли, что она перестала навещать своих родителей?

— Она редко бывала у них, потому что каждый раз там бывали скандалы.

— Из-за чего?

— Вы не догадываетесь? Она приходила к ним с этими своими проблемами, давала им советы, вычитанные из книг, и, естественно, с ней обходились как с дурочкой.

— У нее не было подружек?

— По той же самой причине. Это мешало ей встречаться и с местными парнями; они были для нее слишком неотесанными, слишком от земли.

— Стало быть, помимо вас, она почти ни с кем не общалась?

— Она ходила за покупками, но, должно быть, и на улице не слишком охотно раскрывала рот. Впрочем, простите. Я забыла о докторе. Роза как-то нашла в моей библиотеке медицинскую книгу и читала ее время от времени, после чего засыпала меня мудреными вопросами.

«Признайтесь, вам ведь известно, что мне немного осталось жить?» — говорила она.

«Ты больна, Роза?»

Она находила у себя то рак, то какую-нибудь другую, но обязательно редкую болезнь. Это переваривалось в ее голове несколько дней, затем она выпрашивала у меня свободный час и бежала к доктору. Возможно, это позволяло ей поговорить и о других ее проблемах — док-

ТАНЦЫ ДЛЯ НАУКИ

Американских ученых волнует проблема: сколько энергии расходуют танцующие? Чтобы ответить на этот вопрос, одной из девушек пришлось танцевать несколько часов, имея на голове специальный шлем с разными измерительными приборами.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Курорт в Читинской области. 6. Духовой деревянный инструмент, распространенный в Молдавии и балканских странах. 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Советская балерина. 11. Прибор для ориентировки на местности. 13. Исполнитель произведения искусства. 15. Маленькая птица. 19. Древнегреческий драматург. 20. Вокальная пьеса для трех исполнителей. 21. Часть света. 24. Оптическое стекло. 26. Оперетта И. Кальмана. 28. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона. 29. Охотничья дудочка. 30. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 31. Вулкан на острове Хонсю в Японии.

По вертикали:

1. Кормовая репа. 2. Художник-передвижник, автор картины «Кочегар». 3. Ярко-красная краска. 4. Футляр с туалетными принадлежностями. 5. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 9. Ягода. 10. Соразмерность. 12. Многоместный автомобиль. 14. Заголовок раздела, главы. 15. Лабораторный сосуд. 16. Русский мореплаватель. 17. Теплые высокие сапоги. 18. Река в Московской области. 22. Город на Украине. 23. Героиня романа Л. Н. Толстого. 25. Минеральное образование. 26. Верхний полуэтаж. 27. Ледниковое озеро в Аргентине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

4. Друскининкай. 7. Бештау. 8. Аккорд. 10. Реомюр. 12. Шлюпка. 13. Драпри. 15. Сава. 18. Чианури. 19. Лессинг. 20. Лопатень. 21. Глюкоза. 23. Варшава. 25. Адан. 27. Лисица. 30. Паруса. 31. Аптека. 32. Персик. 33. Ландау. 34. Ретрансляция.

По вертикали:

1. Уссури. 2. Кислота. 3. Янтарь. 5. Чемпион. 6. «Арзамас». 9. Гляциология. 11. Красноводск. 14. Таиланд. 15. Ступица. 16. Арбенин. 17. Вельвет. 22. Колизей. 24. Штурман. 26. Аметист. 28. Ракурс. 29. Кальяо.

На первой странице обложки: Мунхбайсах — маленький гражданин Монгольской Народной Республики.

Фото Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Камчатка. В Олюторском заливе.

Фото Н. Козловского.

тор Жолли внимательно выслушивал ее и никогда ей не противоречил.

— Вечера она проводила с вами?

— Ни разу она не оставалась со мной в гостиной. Впрочем, мне бы это не понравилось. Вы, наверное, считаете меня старой привередой? Покончив с посудой, она сразу же поднималась к себе в комнату, не раздеваясь, плюхалась в постель с книгой и принималась курить сигареты. Ей наверняка не нравился вкус табака. Курить она не умела... Дым ей ел глаза, ей приходилось то и дело закрывать их, но это входило в ее представление о поэтичности. Я чересчур зла? Не настолько, однако, как вам кажется. Когда я поднималась к себе, она входила с раскрасневшимся лицом, горящими глазами и ждала, пока я улягусь, чтобы подать мне лекарство.

«Не забудьте проветрить комнату, прежде чем ляжете спать».

Это была моя традиционная фраза, ибо дым из ее комнаты проникал из-под двери. Она отвечала: «Нет, мадам. Спокойной ночи, мадам». Затем раздевалась с таким шумом, словно там была рота солдат...

Мадам Леруа тоже громыхала на кухне, но, вероятно, делала это ради собственного удовольствия или чтобы продемонстрировать свою независимость. Она открыла дверь, рыбьими глазами глянула на Мегрэ и словно не заметила его.

— Ставить суп на огонь?

— Только не забудьте мозговую кость.

Когда мадам Леруа ушла, Валентина снова обернулась к комиссару:

— Итак, за исключением моего зятя Жюльена, вы повидали всех членов семьи. Они небезупречны, но, согласитесь, не так уж и плохи.

Он пытался припомнить, чтó говорила Арлетта о своей матери, но так и не смог.

— В конце концов я, подобно милому Шарлю, также поверю, что произошел всего лишь необъяснимый несчастный случай. Вы же видите, что я по-прежнему жива, и если кто-то и решил в одно прекрасное время — бог знает почему? — покончить со мной, то, кажется, он отступился. Что вы думаете об этом?

Он совсем об этом не думал. Он смотрел на нее, прищурившись; мешали солнечные лучи, струившиеся между ними. Едва заметная улыбка блуждала по ее губам — улыбка ханжи, сказала бы мадам Мегрэ. А он спрашивал себя, впрочем, не придавая этому серьезного значения, словно играя: можно ли смутить такую женщину?

Он не спешил, давая ей возможность наговориться вволю, время от времени потягивал кальвадос из рюмки. Аромат фруктового напитка становился для него запахом этого дома, вместе с запахом хорошей кухни, мастики для натирки полов и чистоты.

Она, должно быть, не полагалась полностью на горничных по части уборки. И он представил себе, как по утрам, в ночном колпаке, она сама стирает пыль с многочисленных хрупких безделушек.

— Вы считаете, что у меня есть причуды? Может быть, подобно иным местным жителям, вы даже решили, что я выжившая из ума старуха? Со временем вы поймете меня. Когда приходит старость, перестаешь считаться с чужим мнением и делаешь то, что тебе действительно хочется.

— Вы не видели еще раз Тео?

— Нет. К чему бы это?

— Вам известно, в какой гостинице он остановился?

— В воскресенье он как будто говорил, что снял комнату в «Английской».

— Нет, в «Приморской».

— А почему вы подумали, что он мог прийти ко мне снова?

— Не знаю. Он хорошо знал Розу?

— Тео?

— Да. Он несколько раз встречался с ней.

— Ну, едва ли часто. Она почти не выходила из дому.

— Вы ей не разрешали?

— Конечно же, я ей не разрешала шляться вечерами по улицам.

— И тем не менее она это делала. Сколько у нее было выходных дней?

— Два воскресенья в месяц. Помыв посуду после обеда, она уходила и если уезжала к родителям, то возвращалась только в понедельник утром, с первым автобусом.

— Стало быть, в доме вы оставались одни?

— Я уже говорила вам, что мне не бывает страшно. Значит, вы утверждаете, что между ней и Тео что-то было?

— По его словам, она довольствовалась тем, что беседовала с ним о своих проблемах.

И не без умысла Мегрэ добавил:

— ...держа его за руку или склонив голову ему на плечо.

Она залилась смехом, хохотала так искренне, что даже поперхнулась.

— Поскорее скажите мне, что это неправда!

— Это абсолютно точно. Более того, именно по этой причине Шарль не был слишком доволен своим братом сегодня.

— Тео при нем рассказывал вам об этом?

— Ему пришлось. Он понял, что мне это известно.

— А как вы об этом узнали?

— Прежде всего я встретил вчера Тео в компании с братом Розы.

— С Анри?

— Да. У них был долгий разговор в городском кафе.

— Откуда же он знает Тео?

— Это мне не известно. По его словам, Анри тоже кое-что знал и пришел к нему получить объяснения.

— Это слишком смешно! Если бы я слышала это не от вас... Видите ли, господин Мегрэ, нужно знать Тео, чтобы оценить по достоинству весь комизм того, что вы мне рассказываете. Он самый большой сноб на свете. И в этом едва ли не единственный смысл его существования. Он готов умереть от скуки, но пусть это будет избранное общество. Он пройдет сотни километров, лишь бы его увидели в компании какой-нибудь знаменитости.

— Я это знаю.

— И вдруг Тео прогуливается под ручку с Розой!.. Полноте! Есть одно небольшое обстоятельство, которого вы не знаете, о нем просто забыли упомянуть, рассказывая вам о моей горничной. Очень жаль, что родители забрали все ее вещи. Я показала бы вам ее платья, особенно шляпки. Вообразите самые необычайные цвета, которые меньше всего подходят друг другу. У Розы была пышная грудь. Когда она отправлялась куда-нибудь, она надевала такие узкие вещи, что едва могла дышать, хоть я ей и запрещала так одеваться. Она старалась не попадаться мне на глаза, но так намазывалась, делала это так неумело и грубо, что походила на тех девок, каких можно встретить на углу некоторых улиц в Париже. Тео — и она! Боже милостивый!

И она снова засмеялась, чуть более нервозно.

— Куда же они ходили?

— Мне известно только, что они встретились на гулянье в местечке Вокотт и что им случалось выпить рюмку-другую в небольшом кафе в Этрета.

— Давно это было?

Со стороны могло показаться, что комиссар дремлет. На самом деле он, чуть улыбаясь, наблюдал за Валентиной сквозь полуприкрытые веки.

— В последний раз они встретились в прошлую среду.

— Тео сам сказал вам об этом?

— Не совсем охотно, но все же сказал.

— Ну, теперь меня ничто не удивит! Я все же надеюсь, что он не приходил к ней на свидание в мой дом, влезая в окно, как любовник моей дочери?

— Он это отрицает.

— Тео!..— повторила она, все еще не веря, затем поднялась, чтобы наполнить бокалы.— Я допускаю, что Анри — самый непримиримый в семье, пришел к Тео свести счеты! Но...

Ирония на ее лице сменилась серьезным выражением, потом вернулась снова беззаботная веселость.

— Это был бы букет!.. Уже как будто два месяца, как Тео приехал в Этрета? Представьте себе... Нет! Это было бы чересчур уж экстравагантно...

— Вы допускаете, что он мог сделать ей ребенка?

— Нет! Извините меня. Это пришло мне в голову, но... А вы тоже подумали об этом?

— Да, как-то подумал.

— Впрочем, это все равно ничего бы не объяснило.

За стеклянной дверью на балконе появился садовник, он ждал, не двигаясь, уверенный, что его в конце концов заметят.

— Простите меня, я на минутку отлучусь,— сказала Валентина.— Я должна дать кое-какие распоряжения.

Он вдруг услышал тиканье часов, на которое раньше не обратил внимания. Стали различимы какие-то размеренные звуки, доносившиеся со второго этажа. Это, должно быть, мурлыкала кошка, растянувшаяся на постели своей хозяйки,— потолки очень тонки у этого игрушечного домика.

Солнце вливалось в комнату, дробясь в оконном переплете на мелкие осколки, плясало на безделушках, посылало оттуда зайчиков, рисовало на лаке стола четкие контуры листа липы. Мадам Леруа производила на кухне такой грохот, словно передвигала там мебель. В саду возобновилась работа скребка.

Мегрэ казалось, что он и не переставал слышать эти поскребывания. Однако, открыв глаза, он с удивлением увидел в метре от себя лицо Валентины.

Она поспешила улыбнуться ему, чтобы он не почувствовал себя неловко. Он же лишь пробормотал, еле разжимая рот:

— Кажется, я вздремнул.

Продолжение следует.

Вл. БОГАТКИН

Битва под Москвой

Москва, осень 1941 года. Четверть века прошло с той героической осени, а в памяти все так живо. Просматриваешь свои папки, блокноты с рисунками. Пожелтевшая бумага и лица людей, знакомых и незнакомых, которых тогда рисовал...

Родные московские улицы, ставшие какими-то другими, настороженными, ощетинившиеся баррикадами, надолбами, противотанковыми ежами. Витрины магазинов, заложенные мешками с песком, аэростаты воздушного заграждения на сером, тревожном небе и суровая поступь солдат...

Окна, крест-накрест заклеенные бумагой, маскировка, коптилки, затируха с ложной муки и луковыми перьями — трудное, тяжелое время!

Но сильнее всего вера: выстоим, не войдут немцы в Москву!

Мы дежурим на крыше небольшого дома. Зайдешь после работы к товарищу, а тут воздушная тревога — старики, женщины с детьми в убежище, а мы, конечно, на крышу. Мы уже научились тушить зажигалки, однако к бомбежкам не привыкнешь — это страшно! Но именно такие моменты и врезаются в память на всю жизнь.

Нельзя забыть, как в холод и слякоть ставили мы тяжелые ежи у баррикады на Смоленской площади, как проходили Всевобуч и рыли противотанковые рвы под обстрелом «мессеров» в районе Ленинских гор, где теперь огромные корпуса Московского университета, как ждали отправки на фронт на Курском вокзале и как знакомые вагоны метро вдруг казались совершенно чужими на железнодорожных путях.

В конце ноября на притихших улицах Москвы уже отчетливо слышится артиллерийская канонада. Как горько и тревожно на сердце!

И вот декабрьским вечером сообщение. Голос диктора звучит ликующе-торжественно:

«Враг разбит и отброшен с большими потерями, миф о непобедимости немецко-фашистской армии рухнул...»

Уже позже я, как военный художник студии имени Грекова, прошел с нашей армией большой, трудный и славный путь. День Победы я встретил в поверженном Берлине. В альбомах не одна сотня рисунков и этюдов с разных фронтов, но наброски осени 1941 года я тщательно храню. Вскоре после войны я сделал серию графических листов «Штурм Берлина», а следующей была серия «Москва 1941 года».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. **Оформление И. МИХАЙЛИНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10762. Подписано к печати 23/XI 1966 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 1 990 000. Изд. № 1937. Заказ № 3103.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

9-18
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663